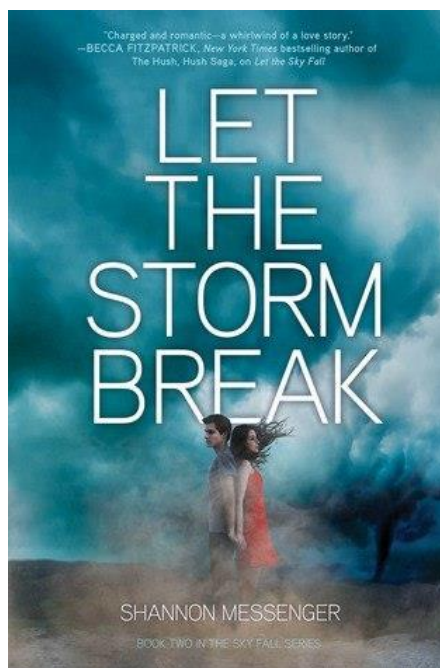

ПУСТЬ ГРЯНЕТ ГРОМ ШЕННОН МЕССЕНДЖЕР

Автор: Шеннон Мессенджер

Оригинальное название: Let the storm break

Название на русском: Пусть грянет гром

Серия: Sky Fall/Павшие небеса, #2

Перевод:

maryiv1205, Letty2012 629

Главный редактор: Надюшка Леди

Оформление: Надюшка Леди

Переведено специально для группы <https://vk.com/club43447162>

Любое копирование без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд

Аннотация

Бурный роман и захватывающее дух действие продолжают в следующей книге после «Пусть небеса падут», которую Бекка Фитцпатрик назвала «заряженной и романтичной».

Вейна Вестона преследуют. Обжигающая тяга его связи с Одри. Ложь, которой он прикрыл ее исчезновение. Предательские ветра, которые проскальзывают в его разум, пытаются заманить его в ловушку в его худшие кошмары. И поскольку его враги становятся все сильнее, Вейн не знает, сколько еще он сможет продержаться один.

Но Одри все еще бежит. От ее прошлого. От Сил Бури. Даже от Вейна, которого как она считает, она не заслуживает. И чем дальше она бежит, тем больше опасности подстерегает ее. Она владеет секретной силой, которую жаждет ее враг, и защищает ее, возможно больше, чем она может выдержать... особенно, когда она обнаруживает новейшее оружие Райдена.

С Силами Бури, ослабленными недавними нападениями, и силой четырех разрушений, Вейн и Одри вынуждены сделать выбор: продолжить доверять ветрам провала или обратиться к людям, которые предали их раньше.

Но даже если они переживут бури, посланные, чтобы уничтожить их, будет ли у них что-нибудь, за что удержаться?

Глава 1

ВЕЙН

Паршиво быть королем.

Может быть, это не так уж плохо, если бы я получил замок, слуг и мое лицо на куче денег.

Но нет, я стану королем разрозненной расы мифических созданий, о которых никто никогда не слышал. И они ждут, что я нападую и одержу победу над злым военачальником, который мучил их в течение последних нескольких десятилетий. Ох, и эй, пока я во всем этом, я могу жениться на их бывшей принцессе и восстановить королевскую линию!

Ну да, спасибо, я, пожалуй, пас.

Я уже сказал Силам Бури, моей "армии" или кому-то там, что они могут сделать с их "помолвкой". И я испытал желание сказать им точно, куда они могут запихнуть остальную часть их небольших планов относительно моей жизни.

Но... трудно злиться, когда они смотрят на меня щенячьими глазками, "ты наша последняя надежда". И все они так полны рассказов о том, что Райден сделал с их друзьями и семьями, и в каких ужасающих битвах они воевали. Рискуя своей жизнью, чтобы защитить меня. Последнего Западного.

Единственный способный использовать силы всех четырех ветров, создавать из них опасное оружие.

Ну, они думают, что я - единственный.

Это другая причина, по которой я играю один против всей это фигни Ваше Высочество.

У меня есть, кого защищать. И я могу сделать это гораздо лучше, как Вейн Вестон, король Странников Ветра.

Поэтому я буду следовать их правилам и готовиться к бою. Но только когда Одри вернется...

Она ушла двадцать три дня, двенадцать часов, и пятьдесят четыре минуты назад — и да, я точно подсчитал. Я чувствовал каждую секунду, каждую милю, которую она прокладывала между нами, как будто у нашей связи есть когти и зубы, разрывающие меня изнутри.

И это было огромное удовольствие, пытаться объяснить Бурям, почему мой хранитель оставила меня без защиты. Каждый день, эти оправдания, в которых я убедил и самого себя, кажутся все слабее.

Я думал, что она вернется домой.

Я думал...

Но это не имеет значения.

Одри обещала, что вернется домой... и я хочу дать ей время, которое ей нужно.

Поэтому я буду ждать ее столько, сколько потребуется.
Это единственный выбор, который у меня есть.

Глава 2

ОДРИ

Я не бегу.

Я преследую.

Солнце мчится по небу, которое движется по прихоти ветра. У меня нет плана.

Нет пути.

Нет проводника по этому пути.

Только шепчущие песни, проплывающие в бризах, обещания, что надежда, все еще, витает здесь, на горизонте.

Птицы окружают меня, когда я лечу, опускаясь, ныряя и прося меня присоединиться к их игре. Но они потеряны для меня теперь, как и все остальное. Все, кроме одного человека, которого я должна попытаться забыть.

Я могу почувствовать его в воздухе.

В моем сердце.

В пустой боли от пространства между нами, смешанной с восхитительными искрами, которые все еще горят на моих губах от нашего поцелуя.

От нашей связи.

Я не буду сожалеть об этом.

Но я не готова столкнуться с этим.

Не до тех пор, пока я не переберу мою разодранную в клочья жизнь. Не смету ложь и ошибки и не найду кого-то, кто будет больше хранителя, нарушившего клятву.

Больше, чем предатель, который украл короля.

Больше, чем дочь убийцы.

Последнее слово сжимает мой живот, и я благодарна, что снова отказываю себе в еде и жидкости.

Я платила за грехи моей матери каждый день в течение прошлых десяти лет.

Больше не буду.

Но уйти от нее достаточно далеко, чтобы стереть ее влияние? Или оно погружается все глубже, как один из злых ветров Райдена, ломающий меня кусочек за кусочком?

Я всегда думала, что она и я были восходом солнца и закатом — две противоположности, которые никогда не могли встретиться.

Но у меня ее темные волосы и темно-голубые глаза. Ее связь с птицами и ее упрямый характер.

Я похожа на нее больше, чем когда-либо хотела.

Возможно, я бегу.

Но не от Вейна.

От себя.

Глава 3

ВЕЙН

Я, правда, скучаю по сну.

На прикроватных часах 3:23 утра, и все, что я хочу - уткнуться носом в подушку и закрыть глаза примерно на год.

Вместо этого я падаю на пол и делаю отжимания.

Только упражнения помогают не заснуть. И, может быть, Одри оценит, каким накачанным я становлюсь благодаря этим полуночным тренировкам. Хотя не уверен, что они продлятся долго.

Я спал не более нескольких часов уже более двух недель, а это сложно назвать полноценным отдыхом.

Дурацкий Райден со своими дурацкими ветрами.

Штормы думали, что он дождется, чтобы увидеть мою силу перед тем, как предпринять какие-то шаги, думал, что они назначили мне нового стража и создали поблизости базу на всякий случай. Но через несколько дней Райден нашел новый способ, чтобы меня мучить.

Жуткие, сломанные проекты продолжают проскальзывать в долину, обращаясь ко мне как ракеты с наведением к тепловому лучу. И если они ловят меня, когда я сплю, они проскальзывают в мои сны и крутят все, что меня волнует в отстойном слайд-шоу.

Стены и окна не могут блокировать их, и никто не может найти команду, чтобы держать их подальше. Поэтому либо быть Зомби-Вейном все время или страдать от ночных кошмаров. И в любой день выбираю быть зомби.

Я вижу своих друзей и семью, которых подвергают пыткам таким жестоким, что трудно смотреть им прямо в глаза. И Одри...

Смотрю, как кто-то причиняет ей боль, как будто тонешь в кипящем масле. Я просыпаюсь с криком, вытираю пот, и это всегда помогает мне убедиться, что она не настоящая. Особенно потому, что я не могу дотронуться до нее или увидеть, чтобы понять, что она действительно в порядке. Тяга нашей связи подсказывает мне, что она жива, но она не может сказать мне в безопасности ли она. Для этого я должен чувствовать ее след. Что не так просто сделать, учитывая, страх моего нового хранителя, Фенг (я называю его Фанг [прим.пер. fang - клык], чтобы досадить ему) он думает, что единственный способ защитить меня - это никогда не выпускать из поля зрения.

Он серьезно сумасшедший... и я, вероятно, тоже сошел бы с ума, если бы не Гас.

Я гляжу на часы, усмехаясь, когда вижу, что на них 3:32.

Гас, как предполагается, сменил пост Фанга за окном словно сталкер каждую ночь в три тридцать, но я клянусь, что он опаздывает только, чтобы свести Фанга с ума.

Сегодня он ждал до 3:37.

Фанг настолько громко кричит на него, что это пугает Гевина — глупого любимого ястреба Одри — на его дереве. Но когда я выглядываю в свое окно, Гас, совершенно невозмутим. Он подмигивает мне, поскольку Фанг шагает взад и вперед, размахивая своими большими руками и качая головой так сильно, что его темная, жидкая коса хлещет его по щеке. Тирада длится, по крайней мере, пять минут, прежде чем Фанг переключится на ночные указы.

Я перестаю слушать.

Это всегда туманные сообщения из иных источников, со странными именами и необычными армейскими условиями, и я несколько раз просил, чтобы кто-нибудь их перевел, но это превращалось в еще одну лекцию о том, Почему Я Должен Учить Каждый Западный Язык. Это просто не стоит сил.

Я перехожу к приседаниям, стараясь сохранить свою энергию, и я делаю 314 прежде, чем Фанг улетает. Физически, я качаюсь при своем обучении.

Запоминание полутора миллиардов команд ветра убивает меня. И это прикрытие для Одри - надо надеяться, что скоро она будет дома и мне не придется беспокоиться об этом больше.

Если она...

Я остановил эту мысль прежде, чем я смог закончить.

Она вернется... и когда она это сделает, я смогу подумать о множестве удивительных способах празднования. А пока я соглашусь с тем, что с ней все в порядке.

Я встаю и потягиваюсь, напяливаю первую попавшуюся футболку и тихо вылезаю из окна.

Ну, хорошо... я только пытаюсь тихо вылезть из окна.

Я не могу сдерживать крик, когда распарываю руку о пираканту*, и остаток пробежки по саду ругаю собственных родителей за выращивание под окнами моей спальни шипованных кустарников.

[прим. Пираканта – многолетний вечнозеленый кустарник с длинными шипами.]

- Над чем это ты смеешься, Леголас*? - спрашиваю я, добравшись до Гаса. Он не понимает, за что я издеваюсь над его светлым, заплетенными в косу волосами, и я никогда не объяснял эту шутку. Вероятно, потому что, так или иначе, а плетение кос - девчачья работа. А также, потому что его бицепс больше моей головы.

[прим. Лёголас — один из главных героев легендарного Толкина. По фильму у данного персонажа длинные светлые волосы.]

- Просто думаю, пытался ли ты перепрыгнуть куст, вместо того, чтобы в нем очутиться.

- Эй, я бы с удовольствием посмотрел, насколько бы лучше ты это сделал, будучи сонным до невозможности, - добавляю я, пока он поднимает брови.

Гас, как, капитан Фитнесс, и у него есть специальный дар Странников Ветра, который позволяет ему направлять силу ветра в его мышцы. Если бы он не был таким хорошим парнем, то я, вероятно, ненавидел бы его. Многие другие хранители сдаются, поэтому он, вероятно, застрял здесь допоздна, наблюдая за мной. Поговаривают, я не самое популярное назначение. Очевидно, я могу быть трудным.

- Может быть тебе стоит носить униформу Сил Бур, - говорит мне Гас, раскатывая длинные, жесткие рукава черного жакета стража. - Это бы спасло тебя от множества царапин.

- Я в норме.

Я не ношу толстые штаны и пальто в пустыне. Да в этом месте даже ночью чувствуешь себя словно внутри работающего фена!

Плюс, я не из Сил Бури.

Я с ними тренируюсь и позволяю шататься вместе со мной. Но это не моя жизнь. Это просто способ взаимодействия.

- Начало еще одной загадки полета? - спрашивает он, а я поднимаю руки, чтобы нащупать соседние ветра.

Гас никогда не спрашивает, куда я иду и никогда не пытается меня остановить.

- Убедись, что держишься на севере и западе, - предупреждает он. - Патруль на юге усилен. Фенд доложил, что на Приграничной Базе вчера были беспоконьяства.

Я застываю.

"Беспоконьяство" в терминологии Сил Бури означает "атака".

- Все в порядке?

- Трое выживших.

Что означает, что два хранителя не выжили... если Пограничная область не одна из самых больших баз, где они держат команду из семи человек.

- Не волнуйся... нет никаких признаков Буреносцев в округе. Они собирают все в цепь. Пытаются сделать так, чтобы мы застряли здесь.

Да, потому что это не заставит меня волноваться.

Мой голос дрожит, пока я призываю Восточные ветра, и мне чуточку лучше, когда я слышу их знакомые песни. Восточные всегда поют об изменениях и надежде.

- Все еще не доверяешь мне настолько, чтобы использовать в моем присутствии Западный? - спрашивает Гас. - Ты же знаешь, что я его не пойму.

Я это знаю.

И я доверяю Гасу больше, чем кому-либо другому.

Но я по-прежнему не рискую.

Мои родители, и все другие Западные, отдали свои жизни, чтобы защитить наш секретный язык. И не только, потому, что они были достаточно храбры, чтобы встать на пути Райдена и его стремления к абсолютной власти.

Насилие противоречит самому нашему существу.

Я никогда не забуду муки, которые охватили меня, когда я убил Буреносца, который пытался навредить Одри. Даже притом, что это была самооборона, было, похоже, что все мое тело было разрушено, и если бы Одри не помогла мне пройти через это, я не уверен, что смог бы не рассыпаться на кусочки. Я не могу рисковать - позволить силе моего наследия держать под контролем любого, кто не понимает зло убийства. Любого, кто столь не определен, как я, избегающего этого любой ценой. Любого, кто не готов пойти на жертвы, которые могут быть необходимы, чтобы препятствовать тому, чтобы он не попал в неправильные руки.

Даже Бури... независимо от того, насколько сильно они просят или угрожают. И да, они угрожали. Они сделали это чертовски прямо и ясно, "дезертирство" Одры они считают особенно серьезным нарушением особенно сейчас, когда они так нуждаются в ее помощи. Но если у них будет сила четыре на их стороне...

Я все еще не выяснил, как вести себя с любой из этих ситуаций... кроме как добавить их к моему списку Вещей, о которых я буду волноваться позднее. - Я вернусь перед восходом солнца, - говорю я Гасу, когда я обертываю ветры вокруг себя и приказываю, чтобы они росли. Прохладная более сильная путаница порывов заставляет подниматься пыль с земли, когда она уносит меня в небо.

Мне требуется секунда, чтобы выбрать направление и сориентироваться, после этого действительно я все беру под контроль. Одри не шутила, когда говорила мне что навыки Странников Ветра одни из самых сложных навыков для обучения, и я определенно предпочитаю позволять им нести меня. Но это было не совсем, то же самое, когда едешь с Фенгом или Гасом, и трудно говорить в моем шумном автомобиле. Так что, я вынудил себя научиться, как передвигаться самостоятельно.

Первый десяток раз, когда я попробовал, порывы били меня в лицо. Пока однажды ночью у меня был своего рода прорыв. Это не было похоже на время, когда Одри открыла мой разум для языков ветра... но я действительно слышал что-то новое. Голос под голосом ветра, говорящий мне, что порыв собирается сделать, и я могу дать новую команду и удержать контроль.

Я спросил Гаса об этом однажды, и он посмотрел на меня так, как будто я был психом, так что, я вполне уверен, что это что-то, слышу только я.

Возможно, что-то, что я взял от Одри, когда мы сблизилась, так как я слышу его лучше всего с Восточными. Независимо от того, что это, я благодарен за это, потому что оно позволяет мне лететь быстрее и дальше, чем даже самые опытные Бури.

Огни городов вырисовываются подомной пятнами, и я следую за уличными фонарями, держа путь на автостраду I-10, идущую в горы. По этому пути я летал десятки раз, но я все еще чувствую, что мои внутренности связываются в узел, когда я взлетаю над ветряной электростанцией Сан Горгио. В

мигающих красных рядах теперь есть промежутки. Места, где раньше были ветряные мельницы... перед тем как Буреносцы Райдена разрушили их в бою. Каждый раз, переживая атаку, я не могу не думать так.

Скоро нам предстоит сражаться со всей его армией.

Воздух становится более прохладным, когда я лечу, и поскольку он погружается в мою кожу, я заряжаюсь энергией как от дозы кофеина.

Однако, это не значительно для моего истощения и моего лишнего сна тела, поэтому я приземляюсь на пик Сан Горгонио. Я в некотором роде наполовину сижу, наполовину сворачиваюсь возле самого края обрыва.

Я закрываю глаза, настолько соблазненный, тем чтобы свернуться и захватить даже несколько минут сна. Но это не стоит риска. Кроме того, я пришел сюда для чего-то намного более важного.

Я протягиваю руки в поисках следа Одри.

Я не могу описать процесс. Это так, словно часть меня, сливается с ветром, мчится по невидимому следу неба и каким-то образом ведет к ней. И я знаю, что это она.

Прилив тепла.

Электричество мчится под моей кожей.

Ни одна девушка никогда не заставляла меня чувствовать себя так.

Помогает то, что я мечтал о ней большую часть жизни, ну и то, что она чертовски горячая. Но даже если бы этого не было - Одри моя единственная.

Так было всегда.

Так будет всегда.

Я погружаюсь в тепло, откидываюсь назад и позволяю искрам потрясти меня крошечными разрядами. Это почти, похоже, что она прикасается ко мне сквозь небо, обещая, что она все еще там. Все еще в безопасности.

Все еще моя.

Может быть, я схожу с ума, но сегодня чувства кажутся еще более сильными.

Намного более сильными.

Настолько интенсивными, что сердце бешено, бьется, а голова идет кругом.

И чем сильнее кружится голова, тем меньше я могу сформулировать один вопрос, который я стараюсь не позволять себе спрашивать, так как я нашел ее пыльный жакет и ее поспешное прощание.

Она, наконец, на пути домой?

Я пытаюсь не дать своей надежде разрастись на случай, если ошибаюсь. Но все не выглядит так, словно я ошибаюсь. Кажется, что она так близко, будто я могу потянуться и...

Вейн.

Звук заставляет мое сердце замереть.

Я задерживаю дыхание, начиная думать, что я представлял это, когда она тает из теней.

Она стоит надо мной, ее темные волосы развеваются на ветру, ее темные глаза скучающе смотрят в мои. Я не смею моргать, опасаясь, что она исчезнет.

Она наклоняется ближе, позволяя мне взглянуть на ее крошечную черную майку... но на этот раз я больше заинтересован в ее лице. Ее губы искривлены в выражение, которое я не могу прочитать. Полуулыбка, полу... Она хватается за меня.

Я знаю, что должен сказать что-то, что-то сделать, когда она обнимает руки, но я все еще пытаюсь обработать тот факт, что она действительно здесь, кладет голову в укромный уголок между моей шеей и плечом. Ее волосы щекочут мою щеку, а губы задевают мою челюсть. Я наклоняю ее подбородок, так чтобы ее рот был у моего.

Он останавливает меня прямо перед поцелуем, но находится достаточно близко, чтобы я мог чувствовать ее улыбку.

Она дразнит меня.

Она это знает, поэтому она хихикает у моей щеки.

Хихикает?

С каких это пор Одри хихикает?

Прежде чем я успеваю спросить, она наклоняется и целует меня. Все остальное уходит.

Я ждал этого неделями, и все же происходящее отличается от того, как я себе его представлял, и не только потому, что она лежит на мне - хотя это дополнение, конечно, приветствуется.

Все в ней ощущается холодным.

Ее руки.

Ее дыхание.

Я чувствую, что дрожу, когда ее губы пробегают вниз по моей шее, и даже когда она касается моей кожи, порыв между нами чувствует больше как уколы льда.

Я тяну ее ближе, стараясь согреть ее... но почему ей так холодно?

Я хочу убедиться, что с ней все в порядке, но она целует меня сильнее... почти отчаянно... и я теряю себя снова, до тех пор, пока я не покрываюсь мурашками с ног до головы.

С каких это пор Одри сначала целует, а потом говорит?

И с каких это пор она залезает на меня так, будто она здесь, чтобы исполнить все мои фантазии.

Последнее слово чувствуется как пощечина.

Это сон.

По-настоящему ее здесь нет.

Но если это сон, то почему я не просыпаюсь? Почему она все еще тянет меня к себе, запуская руки на мою спину...

Нет.

Это не она.

Как бы не хотелось, чтобы это было правдой, в этом нет ни искр, ни жара.
С Одри всегда жарко.

Это ложь.

Трюк.

Еще одна злая ловушка Райдена, расставленная с целью меня помучить.

Я пытаюсь высвободить разум, но Одри сопротивляется, обхватывает меня руками и целует снова и снова.

- Нет! - кричу я, отталкивая ее от себя.

Затем она начинает плакать. Говорит, что любит меня. Нуждается во мне. Не может и секунды без меня прожить. Все, о чем говорит Одри в моих мечтах.

- Не так, - шепчу я.

Я хочу назад в мою сильную, привести упрямую девочку, даже если она нападет на меня с вопросами - или даже несколькими ветряными штучками - и очень не скоро возьмется меня соблазнять.

Но вдруг та девушка кажется очень далекой.

Слишком далеко. Словно мое сознание каким-то образом утянули ветры, посланные Райденом, и не имеет значения, как я умоляю самого себя проснуться от этого тошнотворного, извивающегося кошмара, я не могу выбраться.

Я не могу пошевелиться.

Не могу дышать.

Одри подползает обратно ко мне, шепчет, что все будет хорошо. Она целует мою шею, подбородок, губы.

Я так хочу, чтобы это было реальностью.

Может быть, если я просто притворюсь...

Я вскрикиваю от боли в пальце, и этот звук возвращает меня в реальность.

Я тру глаза, открываю и обнаруживаю наклонившегося надо мной Гаса, мой мизинец зажат между его зубами.

- Ты меня укусил?

Он разжимает челюсть, и я смотрю на неровную линию отпечатков зубов на коже.

- Я все уже перепробовал. Я даже бил тебя по животу. Укусы я оставил на самый крайний случай.

Мне кажется, что все-таки оставались способы получше пережевывания моей руки, но как знать? Я чувствую боль в животе - там, где он, должно быть, ударил меня, но я не почувствовал. Должно быть, Райден хорошо меня поймел на этот раз.

- Откуда ты знал, где меня найти?

Гас, закатывает глаза.

- Ты действительно не знал, что я следую за тобой? Как ты думаешь, какой из меня хранитель?

Я вздыхаю, представляя как стану объяснять этот бардак Силам Бури. Но, думаю, хорошо, что Гас не так плох в своей работе, как я думал.

Глава 4

ОДРИ

Паника пронзает мое сердце, так сильно, что это сбивает меня с неба.

Красное и черное крутится перед глазами, из-за чего невозможно понять, в какую сторону лететь, вверх или вниз. Я зову ближайший порыв, чтобы поймать себя, дрожа, когда теплый Южный останавливает мое падение.

Я никогда не испытывала такую боль прежде. Буря глубоко в моем центре, становится более сильной с каждым дыханием. Это только бушует тяжелее, когда я понимаю, что это означает.

Вейн в опасности.

В смертельной опасности.

Слова заставляют меня дрожать, и я приказываю, чтобы ветер изменил направление, позволяя нашей связи указывать путь. Путь к Вейну проходит через мое сердце... но связь чувствуется такой слабой.

Слишком слабой.

Слабеет с каждой секундой.

Если что-то произойдет, в то время пока меня нет рядом с ним, я себе никогда не прощу...

Я никогда не поправлюсь... Я никогда...

У мысли нет конца.

Ничего не будет без Вейна.

Я призываю каждый ближайший проект, приказывая, чтобы они раздулись в поток. Но я знаю, что этого будет не достаточно.

Я закрываю глаза и ищу Западный.

В пределах моей досягаемости нет ни одного, таким образом, я прикадываю, не заботясь, выдаст ли это мое местоположение. Однако, это чувствуется неправильно, выпуская ветер так смело.

Тихий ветерок проносится с Запада и я обматываю вокруг других, пытаюсь решить, какие команды использовать. Сочетать проекты - это игра слов, уговорить их сотрудничать - дерзость, это приведет их к бунту. Я тренировалась с другими ветрами в течение большей части моей жизни, но Западный - новый язык. Секрет силы я украла из нашего с Вейном поцелуя. Этот язык я ведь только-только начала осваивать.

- Ну же, - шепчу я, посылая просьбу в небо. - Скажи мне, что делать.

Все, что я слышу - пульс в моих жилах.

Слезы полосуют мои щеки, лицо Вейна заполняет мой ум. Я могу представить каждый изгиб, каждую линию. Прекрасный синий его глаз и темно-коричневый цвет его теплых, земляных волос.

Но это тонкая тень реальности.

Я не могу позволить этим воспоминаниям быть всем, что у меня осталось.

- Пожалуйста, - шепчу я, чувствуя, как слова слезают с губ на Западном языке. - Пожалуйста, помогите мне.

Слова - хриплый вздох, смешанный с мягким шипением, и чем сильнее я концентрируюсь на них, тем более прохладный порыв появляется в моем уме, крутясь и вращаясь, пока это не формируется в слово.

- Объединяйтесь, - шепчу я, и вся путаница ветров создает вокруг меня пузырь. - Парите.

Звезды размываются до полос, когда я мчусь вперед, и я говорю себе, что сила четырех поможет мне добраться до него вовремя. Но его след еще так далеко.

Почему я так далеко убежала?

Я не уверена, где я, но я знаю, что я летела на север неделю. Даже с моей бешеной скоростью, это займет часы, прежде чем я доберусь до него.

Все, что я могу делать, это надеяться и лететь.

Но через несколько минут боль в моем сердце уходит, оставляя меня холодной и пустой. Шок влезает в мою концентрацию, и ветры, несущие меня, распутываются.

Вейн не...

Я не могу даже мысленно произнести это слово.

Жгучее напряжение нашей связи возвращается, мое сердце снова бьется в привычном ритме и помогает мне обрести достаточно контроля, чтобы захватить Восточный. Но я упал слишком далеко, и не хватит времени, чтобы помешать мне врезаться в холодную, пенящуюся воду.

Темные волны вздымаются вокруг меня, почти отбрасывая меня к четырем колонам скал, которые выступают из океана около берега. Я только направляю себя подальше, изо всех сил пытаюсь держать голову над водой, когда следующая волна прибивает меня к скалистому песку. Мое тело дрожит, когда я задыхаюсь, но я не чувствую холода.

Я онемела.

Опустела.

Но в моем разуме отзывается эхом единственная мысль, которая имеет значение. Он жив.

Он в безопасности, правда?

Я не могу сказать.

Его след чувствуется слабым, но устойчивым.

Я пытаюсь встать, но внутри все сжимается, и я подаю на колени, задыхаясь и отплеываясь от воды, которой я наглоталась в океане. Кислая желчь покрывает мой язык, и я сплевываю ее в отступающие волны, пока ничего не остается. Однако, я продолжаю подниматься, когда мое тело пытается произвести чистку всех темных, отвратительных истин, которые я пыталась отрицать.

Я поклялась защищать Вейна.

Поклялась обучать его, бороться с ним и готовить его к тому, чтобы быть нашим королем.

Наша связь должна была сделать меня более готовой поддержать то обещание.

И все же, я здесь, одна на холодном, пустом пляже, далеко от него, когда он нуждается во мне больше всего.

Я дрожу настолько сильно, что мне едва удастся выползти из волн, прежде чем мои колени подкашиваются, и я утыкаюсь лицом в гладкие, круглые камешки, покрывающие пляж.

Резкие океанские бризы жалят мои заплаканные щеки, и я открываю свой ум для их песен.

Один из них Восточный - ветер моего наследия - поет мелодию, которую я искала раньше, просила о ней, цеплялась за все, что у меня было. Нежная песня о продолжении несмотря на турбулентность вокруг.

В течение многих лет я задавалась вопросом, является ли порыв небольшой частью моего отца. Намек на его присутствие, что осталось, чтобы вести меня, поддерживать меня, вести в бой. Но так как я узнала тайну моей матери, я надеялась, что он действительно ушел.

Он любил мою мать больше, чем жизнь. Больше, чем воздух. Если бы он знал правду — знал, что она продала наши и жизни Вестонов для потраченного впустую шанса о свободе, то — это уничтожило бы его.

- Иди, - шепчу я, а бриз осушает мои слезы. - Не трать на меня время.

Ветер становится путаннее, поднимает мою голову и вынуждает открыть глаза и увидеть, что я не одна.

Белая голубка наблюдает за мной со своего насеста с кусочка сплавного леса, ее черные глаза блестят в лунном свете. Она воркует, когда я сажусь, умоляя себя добраться до нее. И впервые за последние несколько недель я делаю это.

Она прыгает на мой палец и тыкается клювом в мой большой палец, и я понимаю, что знаю эту голубку. Она, одна из посыльных моей матери, верная птица, которая села на насесте на ее крыше, ожидая, чтобы нести вести Бурям.

Она последовала за мной, так как я ушла, и когда я поглаживаю ее шелковистые перья, я чувствую ее потребность — ее тягу к приюту теперь, когда моя мать оставила ее одну. Это один из моих подарков. Часть того, с чем я боролась, пытаюсь сопротивляться таланту, который мы с матерью разделяли.

Но я смотрю на хрупкое существо и понимаю, как драгоценна такая связь. Как много я пропустила.

Она трепещет на моем плече, наклоняя свою стройную шею, чтобы клюнуть мое ожерелье.

Я оставила жакет от моей униформы, но никогда не снимала кулон, что дали мне Силы Бури. Шнурок голубой, наполненный жизнью, которую я в него вдохнула, когда он стал моим.

Моя рука хватается за серебряный кулон-перо, и как-то касание прохладного, гладкого металла придает мне мужество, чтобы принять правду.

- Время вернуться домой, - шепчу я, надеялась, что не все успела разрушить своим исчезновением.

Давление моей связи становится острее, чем когда-либо, я должна верить, что Вейн еще жив. И очень скоро я вернусь, чтобы делать свою работу.

Голубь хлопает крыльями и взлетает в небо, кружит надо мной, пока я встаю, стряхивает песок с моей одежды. Я приглаживаю волосы назад, колебание занимает лишь секунду, прежде чем я разделяю их на пять равных частей и заплетаю в тугую, сложную косу.

Это стиль стража.

Я страж.

И никогда снова об этом не забуду.

Глава 5

ВЕЙН

Я, наверное, выглядел очень плохо, когда Гас привел меня домой, потому что моя мама выпала с осадок.

Мне едва представился шанс объяснить что случилось - за минусом всех крайне смущающих моментов, конечно, - прежде, чем мама отвела меня в комнату и весь следующий час накладывала повязку на укус Гаса, заставляя меня захлебываться от питья гигантскими стаканами измельченных овощей.

Моя мама усиленно подседала на сок с тех пор, как она узнала, что я - сильфида, как будто она решила, что сможет снова сделать меня человеком, если она просто будет мне давать достаточно сжиженного сельдерея. Это в некотором роде заставляет меня сожалеть, что я не отказался от еды и воды, но Бури думают, что я слишком слаб, чтобы принести такую жертву прямо сейчас. Плюс, теперь, когда мы знаем, Райден может разрушить мир только с несколькими словами, перейдя в нашу форму ветра, это действительно не лучшая стратегия сражения. Поэтому каждое утро коричнево-бурая жижа! Честно говоря, моя мама была странно спокойной и нормально приняла все эти штуки - "мой приемный сын - какой-то там элементаль". Она не закричала или убежала, когда я сказал ей... даже когда я показал ей, как ветер повинуетя мне своими странными, шипящими словами. И мой папа просто похлопал меня по спине и сказал, чтобы я помнил, что такая сила приходит с дополнительной ответственностью, как будто он ожидал, что я надену спандекс и начать называть себя Человек-Ветер!

Я удивлен, что он не купил мне накидку.

Фенг был тем, кто волновался о том, что они знали. Но меня не волнует кодекс безопасности Бурь. Они - моя семья. Может быть, я не похож на них... и, возможно, мы даже с ними не одного вида. Но они всего лишь родители, которых я знаю, и я не собираюсь им лгать.

Кроме того, как я должен был объяснить, почему меня внезапно окружила группа парней с длинными, заплетенными волосами и черной солдаткой униформе? И не было другого пути, чтобы я мог передвигаться на новую

основу Бурь на расстоянии в несколько миль. Райден знает, где я живу. Моя семья нуждается в такой же защите, как и я. Возможно больше, так как они не могут защитить себя от воинов ветра.

Прохладный ветерок ускользает сквозь мое окно, и я знаю, что это Западный, прежде чем я даже услышу его песни. Я клянусь, они приходят, чтобы найти меня, и я всегда держу мое окно открытым для них, даже если оно выпускает все и делает мою спальню подобно духовке. Мне нужно, чтобы ветер был вокруг. Тогда мое наследие чувствуется настоящим, и, может быть, мои запутанные, разрозненные воспоминания о моем прошлом, когда-нибудь будут разгаданы и на самом деле обретут смысл.

Плюс, я всегда хочу, чтобы у Одри был способ добраться до меня. Я закрываю глаза и позволяю мягким шепотам плавать вокруг меня, обещая себе, что я не засну. Но это трудно. Я достиг той точки истощения, где все фактически болит. Если бы я смог просто подремать в течение десяти минут, даже пяти, я бы сделал это.

- Ты примешь гостя, Вейн? - спрашивает мама.

Я дергано открываю глаза, когда она наклоняется через мой дверной проем.

- Ну, конечно.

Думаю, это Фанг, пришел, чтобы еще раз оторвать от меня кусок. Но когда моя мама делает шаг в сторону, и человек из Сил Бури переступает порог моей комнаты, я понимаю, что никогда его не встречал.

Слева от его лица, часть длинных темных волос заплетена в косу, заткнутую за его ухо. Остальные пряди распущены - этого стиля придерживаются лидеры Сил Бури.

Rrrrr.

Он прочищает горло и смотрит на мою маму, ожидая, когда она уйдет. Вижу, как она сжимает зубы, знаю, что она почти дошла до того, чтобы напомнить всем, что дом принадлежит ей. Но я выдаю свое лучшее "пожалуйста, не смущай меня перед моей армией", и она отступает, обещая вернуться через несколько минут с моим завтраком.

Когда ее шаги затихают в коридоре, лидер Сид Бури делает шаг вперед. У него на щеке два красных шрама, которая пересекаются и выглядят почти как буква Т, они растягиваются, когда он чуть улыбается.

- Честь для меня, наконец, познакомиться с королем.

Я ерзаю, когда он кланяется.

- Хм, вы можете просто называть меня Вейн.

- Как пожелаете.

Он смотрит на мою мятую футболку с Бэтменом, выглядит она крайне не впечатляюще. Но он может тараторить куда угодно, я все равно не надену униформу.

- А вы? - спрашиваю я, когда он ничего не говорит.

- Капитан Османд... но вы можете называть меня Оз. Я - капитан Бурь.

Двойной rrrr.

- Я отсутствовал, был на Риверстанской Базе последние несколько недель, помогая пытаться удержать команду Буреносцев, которые оказались особенно агрессивны. Но когда я поймал вчера ветер, сообщающий о ночном инциденте, ну... - он качает головой. - Страж Гасти уже...

- Подождите-подождите. Гас - это сокращение от Гасти [прим. пер. Gusty - ветренный]

Я смеюсь, когда он кивает.

- В любом случае, - говорит Оз, которого это, безусловно, не рассмешило так, как меня. - Хранитель Гасти уже проинформировал меня, чему он был свидетелем. Но я надеюсь, что вы можете пролить дополнительный свет на атаку.

Странно думать об этом, как о нападении, но я думаю, что это оно и было.

- Я на самом деле не много знаю, - бормочу я. - Я ушел в горы, чтобы подышать свежим воздухом, и я так устал от недосыпания, что думаю, я задремал и жуткий ветер Райдена меня нашел.

- Гасти сказал мне, что вы ходите туда несколько раз в неделю. Он предположил, что вы кого-то ищете. - Он поднимает брови над изуродованной щекой.

Я пожимаю плечами, стараясь оставаться спокойным и придумать правдоподобную ложь.

- Ладно. Я действительно хочу кое-что выяснить и хожу туда, чтобы проверить, нет ли там моего друга. Мне нравится убеждаться, что он все еще жив, и я не хочу, чтобы об этом знали Силы Бури, так как они просили меня держаться от него подальше.

Они сказали мне намного больше, но я пытаюсь сделать так, чтобы голос не звучал горько.

Я знаю, что они правы, что быть частью моей жизни - подвергает Айзека опасности... но это было не весело отрезать моего лучшего друга. Он покупался на мои оправдания в течение нескольких дней, но в конечном счете он выяснил, что что-то не так. И когда я не сказал, не смог сказать ему правду, он перестал звонить.

Я не разговаривал с ним почти две недели.

Оз не так доволен моим объяснением, как я бы хотел. Но все, что он говорит:

- Что с вами сделали ветры Райдена?

Мне в самом деле не хочется переживать это снова, но Оз настаивает.

Потому я прохожусь лишь по верхушкам.

- Девушка, - прерывает он. - Вы не знаете, кто она была?

- Нет.

Это даже не ложь. Эта девушка была не Одри.

- И что же девушка делала?

Я почувствовал, как жар заливает лицо, когда голова заполняется воспоминаниями о том, как Одри лежала на мне.

Оз должно быть заметил мое смущение, потому что выдает:

- О, - несколько секунд неловкой тишины, а затем он тихо спрашивает. - Вот поэтому вы разорвали помолвку...

- Нет.

Я выдаю свое блистательное "не хочу об этом говорить", и он замолкает. Но только стоило мне подумать, что он отступил, добавляет:

- Если вы испытывали порывы...

- Чувак, мы этим не занимались.

Я едва пережил этот родительский разговор на тему "твое тело меняется", когда был ребенком. Я не собираюсь проходить через это снова, и уж точно не с тем, кого зовут Оз.

Он прочищает горло.

- Хорошо. Но звучит так, словно Райден нашел способ заманить тебя в твое, же сознание, используя желания. Этому трюку будет трудно сопротивляться. Ему не нужно говорить мне это. Я знаю лучше всех, насколько Райден был близок к победе.

- Но почему он этого хотел? Разве ему не нужно мое сознание, чтобы научить его Западному?

- Я уверен, что у него есть способ освободить вас. Но вас будет намного легче поймать, если вы не сможете использовать силу четырех, чтобы защититься. И никто не знает, сможем ли задержать вас, если это произойдет снова.

Я уставился на свой перевязанный мизинец, стараясь не думать о том, в каком отчаянии Гас должен был быть, чтобы меня укусить.

- Так какой у нас план?

Как только слова покидают мой рот, я осознаю, что я просто попал.

- Я не учу никого Западному, - выпаливаю я прежде, чем Оз может спросить.

- И это не поможет в любом случае. Я уже пробовал, все команды, я думаю.

- Да, но те, у кого больше знаний в других ветрах смогут подумать о чем-то, чего вы не знаете.

- Не вариант.

Так или иначе, я сомневаюсь относительно этого. Я много практиковался с Западными, и они позволяют мне делать удивительные вещи. Но эта уловка вне их. Они слишком доверчивы и приятны, чтобы заблокировать другой ветер... что я знаю, звучит сумасшедшем, но это правда. Западным нравится уживаться с другими порывами, и это делает его довольно трудным, когда другие проекты злые.

Оз кладет руку мне на плечо.

- Послушайте, Вейн, я знаю, что вы хотите защитить свое наследие, но если бы вы только прислушались к доводам разума...

- Нет, если бы вы, ребята, просто выслушали меня. Люди не должны прислушиваться к своему королю? - спрашиваю я, скидывая его руку с плеча.

- Мне нужно начать угрожай обезглавливаний или что-то в этом духе?

Это чувствуется странным, разыгрывать карту привилегированности, но я так устал от этой борьбы.

Я устал от всего.

Я просто устал.

Оз вздыхает.

- Если это действительно ваше решение, то я думаю, что остается только один другой вариант.

- И..? - Подсказываю, когда он ничего не говорит.

Он снова вздыхает, на сей раз, позволяя себе подвигать плечами, когда он тянется и играет с концами его косы.

- Это что-то, что я предпочел бы держать в секрете. Но это единственное место, куда не может достать ветер, и единственное место, о котором я могу думать, где вы могли бы поспать.

Я зеваю настолько широко, что чувствую, как мое лицо вытягивается.

- Сон звучит хорошо... я буду голосовать за это.

- Вы, может быть, не так радостно говорили бы, если бы вы знали, где вы будете. Это место, которое я создал для гораздо темных целей.

Его голос стал своего рода пустым, как шепот, который вы слышите в фильмах ужасов, когда персонаж только что увидел привидение.

- Ну, тогда спасибо. Я пас. Я просто сделаю немного больше отжиманий.

- Вы не можете бодрствовать исключительно благодаря силе воли, Вейн... посмотрите, что произошло прошлой ночью. Вы должны спать. Если вы не дадите нам язык, который нам нужен, чтобы защитить вас, вам придется пойти со мной. Выбор за вами.

Не похоже, чтобы был большой выбор... но это, наверное, главное. Это просто другой способ осмелиться, попытаться заставить меня отдать им то, чего они хотят. И я не прогибаюсь.

- Отлично, - говорю я ему, сбрасывая с себя одеяло. - Давайте сделаем это. Забирайте меня, куда хотите... но лучше бы там была мягкая постель.

Оз качает головой.

- Я бы хотел, чтобы вы передумали.

- Да, ну, я не собираюсь этого делать.

Он закрывает глаза, и в его голосе снова слышится призрачный тон, когда он говорит, - Так тому и быть. Но необходимо надеть удобную обувь. Нам предстоит долгий путь.

Глава 6

ОДРИ

Я должна быть дома.

Я не могу сказать, где я нахожусь. Полет силой четырех превратили путешествие в туман цвета и света. Но я чувствую, как солнце прямо надо мной, это говорит мне, что сейчас полдень, и я не вижу ярко-желтой пустыни на горизонте. Только темно-синее море.

Я приказываю, чтобы проекты замедлились, так я могу сориентироваться, но они игнорируют меня... и когда я кричу на них, они мчатся быстрее, закручиваясь в шквал. Чем больше я сопротивляюсь, тем больше они сжимают свою хватку, затягивая меня в их циклон и слишком быстро направляя к земле.

Я понятия не имею, что происходит, но я сворачиваюсь в клубок и сосредотачиваюсь на воздухе, глядящем мою кожу. Он не такой как ветер, но он все еще питает мою силу и стабилизирует мои нервы. Я позволяю энергии строиться во мне, пока я не чувствую себя готовой лопнуть. Тогда я дергаю себя вперед и запускаю вихрь, шурясь от яркого солнечного света.

Быстрый взгляд вниз, говорит мне, что я высоко над берегом, но, когда я зову проекты, чтобы поймать меня, они все бунтуют и уносятся прочь. Оставляют меня одну в свободном падении.

Я заставляю себя оставаться спокойной.

Я не могу летать без ветра, но я по-прежнему часть неба. Я могу плавать, как перышко на ветру... я просто должна сидеть тихо и надеяться, что воздух будет нести меня.

Я погружаюсь в поток, стараясь, чтобы мое тело было гибким, когда я делаю медленные, глубокие вдохи и сосредотачиваюсь на белых пухлых облаках. Я хотела бы погрузиться в их мягкость, зарыться лицом в холодный туман.

Вместо этого я плыву с течениями, окунаясь и ныряя, парю так долго, что я не могу сказать, падаю ли я или лечу, пока я не сталкиваюсь с каменистым песком.

Это не мягкое приземление, и я могу почувствовать, как мою щеку жалит там, где моя кожа встречается с осколками сплавного леса.

Но я в безопасности.

На данный момент.

Что-то не так.

Ветер всегда имеет свой собственный разум, и иногда он отказывается повиноваться, но я никогда не видела, чтобы каждый проект бунтовал.

Какая-то другая сила. Что-то темное и мощное, если это могло так напугать ветры.

Я поднимаюсь и просматриваю берег, вздрагивая, когда мои мышцы жалуются. Темно-серый песок и белые части сплавного леса напоминают мне о пляже, который я покинула несколько часов назад.

На самом деле...

Я поворачиваюсь к океану, чувствуя, что мое сердце бьется в горле, когда я вижу груды камней, стоящую высокую среди волн. Сияющее солнце показывает пятый пик, который я не могла видеть при лунном свете. Но искривленные формы безошибочны.

Я никогда не уходила.

Я никогда не двигалась.

Все это время я думала, что я летела, а действительно я просто была в небе, парила, крутилась, как ветряная мельница, приросшая к земле.

Я не знаю, какая команда могла привязать меня таким образом, но кто бы это не сделал, он должен быть здесь.

Пляж был слишком пустым.

Никаких печатей, высвеченных солнцем на камнях.

Никаких дельфинов, плещущихся в волнах.

Даже ни одной птицы в небе.

Я тянусь к моему ветрорезу, проклиная себя за то, что оставила его в своем старом убежище. Я была так сосредоточена на том, чтобы избежать моих проблем, что я никогда не считала, что Райден может последовать за мной. Мне следовало бы знать лучше.

Он всегда пытался захватить Бури, чтобы допросить. А я бывший опекун Вейна. Он ожидает, что я знаю всякого рода тайны...

Я оказываюсь на коленях, когда страшная мысль бьет меня.

Я знаю Западный.

Но никто не знает, что за исключением Вейна и...

Нет.

Несколько часов назад я кричала, вызывая Западный. Если кто-то наблюдал... В моей груди начинает гореть, и я понимаю, что я перестала дышать... но как я могу дышать?

У меня есть приз для Райдена, и я в основном вручила ему его лично, придя сюда без оружия, без поддержки, никто даже не знает, где я.

Желчь поднимается к горлу, такая горькая, как и мои сожаления. Я проглатываю это и встаю.

Я тренировалась быть опекуном.

Я владею силой четырех.

Ни один Буреносец не сможет победить меня.

Я поворачиваюсь к утесам, выравнивающим пляж, пытаюсь предположить, в какой темной дыре, скрывается мой злоумышленник.

Невозможно сказать... но я знаю, что они следят за мной.

Я зову ближайший Западный и закручиваю его вокруг моего запястья.

Пусть видят, насколько я сильная.

Пусть они знают, что они меня не пугают.

- Покажись! - кричу я.

Мои слова разносятся эхом среди скал прежде, чем их поглощают волны.

Я иду по направлению к скалам, но едва я делаю два шага, ветры исчезают, в воздухе становится тихо и спокойно.

Затишье перед бурей.

Глава 7

ВЕЙН

- Ты уходишь? - спрашивает моя мама, когда я тащусь по коридору, следуя за Озом к входной двери. - Я сделала тебе торпеду. - Она указывает на стол, где меня ждет одно из жизненно-необходимого хорошего завтрака буррито.

Мой папа тоже там, работает над кроссвордом и пытается проглотить стакан

с сомнительным, серовато-зеленым соком. Стол накрыт на троих. Я вижу надежду в глазах мамы.

У меня не было времени для семейной трапезы в течение нескольких недель. Оз прочищает горло.

- Мы должны идти, Вэйн. - Моя мама хмурится, и мой аппетит пропадает. Я знаю этот защитный взгляд "вы никуда не заберете моего сына без моего разрешения". Она использовала его много в последнее время. И я не уверен, что сегодня у меня хватит энергии на еще один бой.

- Куда они теперь заставляют тебя идти? - спрашивает она меня. - Я...

- Это официальный вопрос Сил Бури, - прерывает Оз.

- Вы можете называть официальным все, что хотите, - моя мама щелкает челюстями, - но это не изменит тот факт, что Вейн - мой сын и...

- Фактически, он - ваш приемный сын, и единственная причина, по которой мы позволили, вам воспитывать его была...

- Прошу прощения, вы говорите, вы позволили мне воспитывать его?

- Лааадно, - говорю я, шагая между ними, прежде чем моя мама войдет в полноценный боевой режим. - Мы можем побороться за то, кто получает контроль над моей жизнью, когда я вернусь. Прости за завтрак, мам. Но сейчас я очень устал, и, видимо, мне предстоит долгое путешествие, так что... Я в значительной степени могу разобраться совсем.

Могу по маминому взгляду сказать, что продолжение определенно последует. Но она стоит в сторонке, чтобы позволить пройти, и я обещаю родителю, что мы увидимся завтра, а Оз ведет меня к двери.

- Твоя мать намного больше привязана к тебе, чем я думал, - говорит он после того, как входная дверь закрывается с хлопком.

- Да, в семье, обычно, такое случается.

Меня тошнит от того, что Силы Бури ведут себя так, словно человеческая жизнь значения не имеет.

Это моя жизнь вне зависимости от того сильфида ли я. И чем скорее это дойдет до их проветренных голов, тем лучше.

- Да, ладно, полагаю, мы это позже обсудим, - говорит мне Оз, оборачивая себя Северными. - А сейчас просто попытайся не отстать, - он взлетает в небо, а меня так и подмывает вернуться назад и запереться в собственной комнате. Но мне действительно нужно поспать. Я захватываю парочку Восточных и следую, закручивая ветры достаточно быстро, чтобы раствориться в небе - и никто меня не заметил. Оз ведет меня на восток, в часть пустыни, в которую, вообще-то, никто соваться не жаждет. Кактус-и-пустое поле, без признаков жизни в любом направлении на многие, многие мили вокруг.

Солнце бьет вниз, и я начинаю себя чувствовать как Вейн Поджаренный, когда тонкие, темные очертания появляются на горизонте. Они выглядят как кривые столбы, но когда мы подлетаем ближе, я понимаю, что это деревья. Мертвые деревья.

Пальмы, от которых ничего не осталось, кроме покореженных стволов и осыпающейся коры.

Здесь их дюжины, они расположены по кругу, словно когда-то предполагалось, что они должны были служить какой-то цели. Но оказались заброшены, словно на кладбище пальмовых деревьев.

Я двигаюсь в сторону Оза, пока он не начнет спускаться.

- Тьфу, пожалуйста, скажи мне, что мы идем не в Центр Пустыни.

Вид города не выглядит многообещающим, когда есть только пустынная бензоколонка и автострада.

- Мы не будем там долго, - обещает Оз. - Это - просто отправная точка, которую я использую, чтобы вести меня по небу.

Я не люблю все эти отправные точки. Тем более, что я могу видеть довольно далеко в каждом направлении, и кроме некоторых старых, рушащихся зданий, нет в основном ничего, ничего, и больше ничего независимо от того, по какому пути идти. Но Оз несется низко, приземляясь в центре самого изолированного круга деревьев. У меня нет выбора, кроме как

следовать за ним.

Здесь пахнет, как будто кто-то умер.

Фактически, это пахнет как много мертвых вещей, и граффити и страшно выглядящие лачуги поблизости, я не буду удивлен.

- Так, что теперь? - спрашиваю я, когда двигаюсь в одну из изогнутых теней, делая так, что немного укрыться от жары, настолько насколько могу. Я все еще пропитываюсь

потом тридцать секунд.

- Теперь, идем, - говорит Оз, поворачиваясь к предгорьям.

- Стоп, подожди... ты имеешь в виду пойдём по ветру, правильно?

- Нет, мы не осмеливаемся брать ветры немного ближе. Мы только всасываемся.

- Всасываемся, куда?

- Увидишь.

Я уже собрался настоять на правдивом ответе, когда вдруг понял куда Оз направляется.

- Стоп, стоп, держись... это - автострада. Не иди через автостраду... если не хочешь быть размазанным по немногим ветровым стеклам.

- Мы можем соткать наш путь через торнадо, Вейн. Ты должен учиться доверять своим инстинктам.

- Я знаю о том, что я сильфида лишь месяц - нет у меня никаких инстинктов! Но как только слова покидают мой рот, я понимаю, что они есть.

Я помню пробегающий торнадо, который убил мою семью, легко избегая проектор и мусор, удерживая меня на ногах на земле. Я никогда не думал о том, как странно, это было до сих пор.

Однако, когда я наблюдаю, что автомобили и полуприцепы несутся больше семьдесят миль в час, я рад, что не съел торпеду. Вполне уверенный, что я бы изверг его по всей земле.

- Просто наблюдай за перерывами в воздухе, - кричит Оз, приседая у части дороги как бегун перед гонкой.

- Ты понимаешь, что это не имеет никакого долбаного смысла, верно?

Он закатывает глаза и тянется ко мне.

- Если тебе нужно, чтобы я подержал тебя за руку...

Я знаю, что это мой шанс доказать, что я большой, храбрый король

Странников Ветра и могу делать все это самостоятельно.

Но еще три свиста полуприцепов и я схватываю руку Оза и сжимаю ее так сильно, как могу. Он вздыхает.

- Вперед.

И затем мы бежим. Бросаясь вперед и в бок, через переулки как ужасающе реальная игра Frogger. Я вижу разрывы Оза широкие искажения в воздухе перед каждым автомобилем, которые говорят, где безопасно встать, но я не смею отпустить его руку. И когда мы, наконец, перемещаемся по шоссе, мои ноги настолько дрожат, что я едва стою.

Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять дрожь.

- Я удивлен, как это тебя дезориентирует, - говорит Оз тихо.

- Некоторые вещи приходят так легко, как твое хождение по ветру и мастерство с Восточным.

Оба из умения пришли из моей связи с Одри... но я не могу в точности этого сказать. Таким образом, я пожимаю плечами и говорю, - Я учусь с такой скоростью, с какой могу. - Он хмурится, как будто он не верит, что это правда. - Пошли... по-прежнему есть пути идти.

- Серьезно? - Я не уверен, сколько еще я могу продержаться. Солнце высасывает ту малую энергию, что у меня есть.

Но Оз начинает идти, поэтому если я не хочу остаться здесь один, я должен следовать за ним.

Мы путешествуем пешком через пустыню к каким-то странным грудам скал, которые похожи на гигантские муравейники. Моя обувь заполняется песком, и я продолжаю задевать голеньями кактус. Но все это не так неудобно, как тишина.

Воздух не двигается. Он давит мне на плечи, как будто небо стало тяжелым.

- Притяжение Омута, - объясняет Оз, когда я потираю руки,

- имя, которое ничего не имеет общего с этим словом. Понимаешь?

- Почему? - Это второй раз, когда он говорит о том, насколько секретное это место, и оно начинает вползать в меня.

Оз смотрит вверх, на небо, и его пальцы проходятся по линиям шрама.

- Омут - это место, которое не должно было существовать. Он появился из необходимости, которую обычные граждане не могут понять, и если они узнают о его существовании, это потрясет их до самой глубины души. Как король, это твоя работа, защищать их от теней и тайн, которые показывают, как мало безопасности у них есть.

Ладно...

Я собираюсь попросить Оза ответить так, что это не звучало как для дурочка из коробки... но честно? Я тоже устал заботиться. Если у этого Омута есть место, чтобы сидеть и быть немного незаметным, я в игре. Чем ближе мы подходим к этим странным глыбам камней, тем больше моя голова грохочет

какого-то пронзительного царапающего звука, как будто миллион сердитых учителей по математике одновременно проводят мелом по доске. Я думал, что это шло из ветра или гигантских черных птиц, которыми усеяны все скалы, что, между прочим, не делает это место более привлекательным. Но когда мы приходим к основанию одного из холмов, в земле есть узкое открытие, и я понимаю, что песок вокруг отверстия движется. Он медленно циркулирует вниз, как будто торнадо всасывается в землю и сохраняет дорожку прямо в водовороте, по центру проход, ведущий в темноту.

- Я уже упомянул, что я не фанат небольших помещений? - Я кричу над шумом, когда Оз начинает спускаться. Он должен сгибать колени, чтобы он не удариться головой.

- Еще не слишком поздно, чтобы решить научить нас Западному вместо этого, - кричит он через плечо.

Я должен признаться, что, когда я следую за ним под землю, я соблазнен тем, чтобы научить. Здесь нет свежего воздуха. Только горячий, липкий туман, который чувствуется слишком толстыми, чтобы проглотить, как будто я пытаюсь дышать из чьего-то рта. И хотя скрипучий звук притупляет, он сменяется низким гулом, от которого стучат зубы.

Но самое страшное чувство, что моя связь с Одри исчезает.

Боль и напряжение нашей связи уменьшаются с каждым шагом, и я должен напоминать себе, что она фактически не убегает. Я - тот, кто отключается от ветров.

Я задумываюсь, сможет ли она почувствовать изменение.

- Итак, что же такое Омут? - спрашиваю я, проводя рукой вдоль медленно вращающейся стены. Мои пальцы погружаются в песок, оставляя крошечные следы. У меня был соблазн написать "Здесь был Вейн", но я не уверен, что хочу отставить метку в этом месте.

- Это особый вихрь, который может быть сплетен только из голодных ветров. Они потребляют любые нормальные порывы, которые смеют приближаться, проглатывая их в землю и сохраняя это место полностью отрезанным от неба.

- Как ты делаешь ветер голодным? Размахиваешь перед ним чизбургером? Оз повернулся, его лицо было жестким и перекошенным.

- Как ты смеешь относиться непочтительно к их жертве?

- Стоп, легче, это была просто шутка.

- Изменение сущности ветра - не шутка, Вейн. Ветер - наша семья. Это заслуживает уважения и достоинства. Проявление нашего господства над ним является последним средством — неохотный выбор, который я сделал, потому что

не было никакого другого выбора.

- Эй, успокойся, ладно? Я понял... это большое дело. Я никогда не думал обратного.

Он кусает губу, как будто есть что-то еще, что он хочет сказать. Но он разворачивается, ничего не говоря.

Мы проходим в не комфортной тишине несколько шагов. Затем он бормочет. - Я знаю, что ты вырос вдали от своего наследия, и тебе все еще приходится много учиться. Но ты король, Вейн. Люди будут искать у тебя защиты, - он поворачивается ко мне лицом, берет меня за руку, как делал отец, когда хотел быть уверенным, что я слушаю его. - Ты должен понять, что наш мир был разрушен Райденом - разрознен, разбит тираном, которого волнует только власть. Он разрушает и уничтожает все ради собственных интересов. И раз такое дело, у меня не выбора, кроме как делать то же самое. Но я - мы - все мы - решили довериться тебе, так как надеемся, что ты от Райдена отличаешься.

Забавно, я думаю, что они так в меня верят, потому что я последний Западный.

Я почти произношу это, но мой взгляд падает на шрамы на его щеке.

- Что случилось? - спрашиваю я, указывая на красные борозды. Он проводит пальцем по линиям снова.

- Подарок от Райдена. Он заклеил меня как предателя, когда я отказался быть вторым в его команде, - он грустно улыбается, пока мои глаза расширяются.

- Райден был моим другом, Вейн, как и для многих из нашего поколения. Мы вместе работали для Сил Бури. Вместе сражались.

Тренировались в могуществе и величии бури, совершенствовались, для того чтобы освоить свои силы. Я думал, мы делаем это, чтобы быть лучшими опекунами. Чтобы лучше контролировать силы, которые мстили на земле, и щадить невинных младенцев, которые не были достаточно сильны, чтобы бороться с ними. Но это было другое для Райдена. Чем сильнее он становился, тем более голодным он был, раздвигая границы и пределы по любым причинам. Сверх того, что было естественно. Когда я увидел, что он делает, я попытался вырваться, но сейчас мне жаль, что у меня не получилось. Может быть, я бы обнаружил его мятеж, пока не стало слишком поздно.

Он смотрит в сторону, и я беру возможность изучить его лицо, пытаюсь угадать, сколько ему лет. Трудно сказать, в тусклом свете, но он не может быть намного старше, чем мои родители... что для меня чувствует не правильно. Я имею в виду, я знаю, что восстание спало в течение последних нескольких десятилетий. Но я думаю, как-то это чувствовалось намного дальше, чем это.

Весь мир мог действительно разрушиться, за одну целую жизнь? Разве это не должно занять... поколения?

- Я организовал ранние контратаки, пытаюсь остановить Райдена прежде, чем он пойдет дальше, - говорит Оз со вздохом. - Но мы было не готовы к его непостижимой жестокости. Он опередил нас без единой потери с его стороны. Связанные с нами странные ветры тащили нас к нему, мы попытались сбежать, и он заставил меня смотреть, как одного за другим он убивает моих опекунов. Но он не убил меня. Он сказал мне, что я должен смотреть, как остальной наш мир падет перед ним, и зная, что я был

слишком слаб, чтобы остановить его. И он прав... я слишком слаб. Пришлось пойти на компромиссы, которые не должны были быть приняты. - Он запускает руку вдоль стены, шепча что-то, что я не могу разобраться до того, как он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. - Но теперь у меня есть ты. У тебя есть силы, чтобы исправить положение, вернуть его в естественное русло. Стереть черные метки Райдена, высеченные в нашей истории, и вступить в новый период мира. - Я, сглатывая комок в горле. Понятия не имею, каким образом он видит меня спасателем. Но я удивлен, когда понимаю, что не против им побыть.

Кто-то должен остановить Райдена. И если этот кто-то я, ну что ж, тогда... Полагаю, я найду способ.

Интересно, отражается ли мое решение на моем лице, потому что Оз кивает, как будто он доволен тем, что он видит. Потом он сжимает мое плечо и поворачивается, чтобы идти вниз в темный коридор.

Я следую за ним, пока земля не выравнивается, и мы не достигаем круглой пещеры, размером примерно с мою спальню. Бледный, усталый Страж Бури стоит между двумя шторами какой-то металлической сетки. Они выглядят надуманными, как шторы в цветочек моей мамы, но когда я прикасаюсь, это одна сплошная стена. Оз шипит слово, я не могу понять, и занавес прямо сметает в сторону.

- Ты должен постараться отдохнуть здесь этой ночью, - говорит он мне.

- Я приду забрать тебя утром.

Мрачная Клетка Судьбы не выглядит привлекательно. Но часы кошмарного засыпания звучат довольно хорошо для меня. Я засовываю голову внутрь, радуясь, когда нахожу кучу мягких, пушистых вещей, а в противоположном углу - пустой полукруг пространства. Но слишком знакомый голос останавливает меня, прежде чем я падаю.

- Привет, Вейн, - говорит мама Одри, наблюдая за мной через бреши в стене, которая выглядит так, будто она сделана из цепей, разделяя наши камеры. - Самое время, чтобы ты пришел, чтобы увидеть меня.

Глава 8

ОДРИ

Я могу справиться с этим.

Я должна.

Речь не только о том, как остаться в живых. Речь идет о защите четвертого языка. Об удержании его от падения в руки Райдена.

Я бегу и приседаю с самой большой частью сплавного леса, держа его за спиной, когда я пытаюсь взять след нападавшего. Но воздух пуст. Лишен любых ветров. Разорванное напряжение моей связи и мой уход оставили меня невежественной.

Беззащитную.

Но не совсем без надежды.

Кем бы ни были мои нападавшие, они не могли отнять Западный, который я намотала вокруг запястья. И я концентрируюсь на прохладном проекте,

жалая, что не было некоторого секретного слова, которое я могла сказать, чтобы закрутить его в абсолютное оружие. Хотя, в этом месте я почти предпочла бы щит.

- Щит.

Слово соскальзывает с моих губ без моего смысла, когда мои, унаследованные Западным, инстинкты берут верх. И ветер повинует, растягиваясь тонко и широко, окутывая меня, как вторая кожа ветерок. Я понятия не имею, сколько защиты это обеспечит, но я приму любую помощь, которую могу получить.

Без свежих океанских ветров пляж стал душным. Я подозреваю, что мой нападавший пытается заставить меня попотеть. Скрываясь в тенях их пещеры, в то время как я пекусь здесь на солнце. Но я выдержала десять лет в пустыне.

Я могу справиться с небольшим теплом.

Я ныряю под небольшую тень, которую дает сплавной лес, и обыскиваю пляж у острых скал. Море сгладило большинство камней, но я нахожу один с глубокой трещиной, и когда я ударяю им по сплавному лесу, он разделяется, оставляя меня с двумя половинами с грубыми, зубчатыми краями. Я запикиваю их в свои карманы.

Проект возвращается к жизни позади меня, хлеща мои волосы с таким безумством, что это распутывает мою косу. Я откидываю темные пряди с лица, когда другой ветер срывает мой кулон опекуна и посылает его катиться по пляжу, хороня синий шнурок в песке. Я двигаюсь за ним, и новый ветер ударяет меня назад, заставляя кувыряться так много раз, что я теряю ориентацию. Но когда я поднимаюсь, у меня нет порезов или царапин.

Мой щит соответствует своему имени... хотя интересно, сколько злоупотреблений может действительно потребоваться.

Я встаю опять, лицом к пещере.

- Твои трюки не впечатлили меня, - кричу я, получая горсть песка в лицо. Я выплевываю песок и прочищаю горло. - Они не напугают меня.

Ветры набухают снова, бьют меня под ноги, и я падаю на камни.

Я задерживаюсь, уставшая от того, чтобы меня швыряют, и оскорбленная.

Плюс, те уловки дали мне общее представление.

- И это все, что ты можешь сделать? - кричу я, позволяя голосу треснуть на этот раз, когда я начинаю ломать.

Два проекта растут в ответ, но прежде чем они могут напасть, я приказываю, чтобы ветры повиновались мне, и милостиво они слушаются. Я наматываю их в шип ветра, жалея, что у меня не было третьего ветра, чтобы сделать его более сильным. Но эти два ветра все еще формируют холодное копьё воздуха, и я держу его перед собой как меч, когда просматриваю пляж, указывая самый острый конец на каждую затененную область.

Странное шипение рассекает воздух, и новый порыв ветра появляется, впрягая себя в мой шип ветра, и вращаясь так быстро, что оружие превращается в жар. Я стараюсь терпеть боль, но когда моя кожа начинает покрываться волдырями, я вынуждена отпустить шип, и он взрывается

огромным взрывом раскаленного воздуха. Мой щит уберегает меня от порезов и синяков, когда я валюсь на пляж, словно опавший лист. Но когда я пытаюсь двигаться вперед, еще один проект сбивает меня обратно.

Потом еще.

И еще.

Они швыряют меня в океан, и я кричу, когда гигантская волна смывает меня прочь.

Соль проникает в мои волдыри, когда я борюсь за то, чтобы держать голову над ледяной водой, но больше волн накидываются на меня, увлекая меня прочь от воздуха. Мои легкие горят, а голова кружится, когда я падаю на песок, тяжело дыша.

Я прижимаюсь к берегу, но очередная волна тянет меня обратно, закручиваясь вокруг меня перед тем, как ударить меня о берег.

Потом еще раз.

И еще раз.

Это бесконечный цикл боли, и мой бедный Западный щит начинает распутываться. Я могу приказать, чтобы он вновь собрался, но я знаю, что это не спасет меня.

Мой нападавший слишком силен... слишком полон уловок, ловушек и схем. Я никогда не выйду из этого свободной, и я не позволю им поймать меня. Я видела ужасы, которым Райден подверг других Западных, и я не могу позволить, чтобы это произошло со мной. Я не уверена, что я достаточно сильна, чтобы сопротивляться, и я не буду тем, кто позволит четвертому языку попасть в руки Райдена.

Закончить все сейчас единственный путь, чтобы защитить Западный язык, и какой шанс у меня будет, чем холодный, пенящийся океан?

Потеряться в море.

Это одна из худших смертей, с которой сильфида может столкнуться.

Отрезанная от неба.

Отрезанная от воздуха.

Но Западные язык останется в безопасности.

И, по крайней мере, у меня есть шанс попроситься.

Я сплываю свою силу, и когда следующая волна ударяет меня о берег, я использую последнюю свою энергию, чтобы проползти вперед на несколько дополнительных шагов. Это не пощадит меня на долго, но даст мне секунду, я должна послать одно заключительное сообщение Вейну.

Я разматываю свой Западный щит, жалея, что проект не чувствовался быстрее и сильнее. Вялый ветер не доберется до него в течение многих дней, и в его ослабленном состоянии он сможет только удержать два коротких слова.

Последние два слова, которые я когда-нибудь скажу.

"Я люблю тебя" - на кончике моего языка, но в последнюю секунду я передумываю.

Вейн это знает.

Думаю, он знал это раньше меня.

Кроме того, есть только одна вещь, которую я действительно хочу, чтобы он знал.

Одна вещь, которая может помочь ему, чтобы удержать его, когда мое эхо, часть меня, которая будет плавать на ветру, рассказывая ему историю того, что произошло до него.

Гворя ему, что я ухожу навсегда.

Я добавляю мои слова к песни ветра и отправляю порыв к небу.

Потом я закрываю глаза и жду воду, которая смывает меня.

Глава 9

ВЕЙН

Я должен сердиться.

Женщина, которая убила мою семью и разрушила жизнь Одри, стоит в десяти футах, отделенная только тонкой стеной цепей.

Но когда я смотрю на нее ближе, все, что я чувствую - это жалость.

Арелла раньше была одаренной, сильной красавицей.

Теперь она выглядит бледной и сальной, в штанах и майке отвратительных и разорванных, как сумасшедшая бездомная леди, которая стоит возле продуктового магазина, бормоча о людях, крадущих ее носки.

Мне все равно не нравится, как она прижалась цепи, как она пытается стать как можно ближе ко мне, насколько она может. Все, о чем она думает, что она не может манипулировать мной. Я даже не хочу давать ей шанс попробовать.

- Я передумал, - сказал я, разворачиваясь, чтобы найти Оза, блокирующего выход. - Я не могу здесь оставаться.

Оз качает головой.

- Тебе нужно отдохнуть.

- Тогда перемести Ареллу...

- Я не могу, Вейн. Я построил Омут для нее. Это был единственный способ, каким я мог ее удержать.

- Они боятся меня, - вмешивается Арелла, смеясь, когда я поворачиваюсь чтобы посмотреть на нее. - Но не волнуйся, здесь я совершенно бесполезна. - Она гремит цепями, ее тощие руки сгибаются и напрягаются. Металл едва ли сдвигается. - Видишь?

Оз марширует к ней, вставая прямо перед ее лицом.

- Если ты сделаешь что-нибудь, чтобы побеспокоить Вейна, то я позову охрану, и они заставят тебя замолчать. Я уверен, что ты помнишь, как неприятно это было.

- Помню. - Она говорит это с немного улыбаясь, но ее голос ломается, и те немногие цвета, которые у нее были, кажется, стекают с ее кожи.

- Хорошо. - Оз дает мне то, что я думаю, является ободряющей улыбкой, когда он говорит, - Хорошо вам отдохнуть, Ваше Высочество.

Ах да, потому что никто не говорит "отдых", когда его запирают с психопатом в жутком месте, о котором нормальные люди даже не знают.

Я пытаюсь выглядеть уверенным, когда он уходит, но все во мне дрожит, когда странные замки со щелчком закрываются, оставляя меня в ловушке под землей с женщиной-дьяволом.

Я поворачиваюсь к ней спиной и изучаю свою крошечную камеру.

Короткие свечи стоят у вращающихся стены, обеспечивая слабый свет, хотя их жар кажется странным. Мне требуется секунда, чтобы понять, что это потому, что они не мерцают. Их огонь тверд и устойчив, и даже когда я дую на них, ничего не происходит, как будто воздух глотается, как только покидает мои губы.

- Чувствуется неправильно, не так ли? - шепчет Арелла.

Я игнорирую ее, пробиваясь к груде пушистых одеял, и падаю на спину.

Я закрываю глаза, и они горят под веками, как будто они кричат на меня за то, что я слишком долго держу их открытыми.

Я делаю глубокий медленный вдох, стараясь успокоиться.

- Значит теперь ты - Ваше Высочество, - говорит Арелла, не желая, чтобы ее игнорировали. - Это означает, что я должна поздравить свою дочь с коронацией?

Очень быстро, быстрее, чем это возможно, я подскакиваю на ноги, проношусь через комнату и ударяю кулаком по цепям.

- Между мной и Одри ничего нет...

- Успокойся, Вейн, - шепчет она, наклоняясь ближе вместо того, чтобы отодвинуться. У нее запах изо рта, как будто крыса заползла в ее рот и сдохла там, когда она говорит мне:

- Я не сказала им о вас двоих, и я не собираюсь.

- Здесь не о чем говорить.

- Конечно не о чем.

Она улыбается.

Я отступаю.

- Независимо от того, что ты думаешь, ты знаешь, что ты неправа. И если ты не замолчишь прямо сейчас, то я вызову охрану, и они заставят тебя замолчать.

- О, отлично, пусть ты выберешь это. Но если бы я и хотела что-то сказать, только то, что твоя тайна будет со мной в безопасности.

- Точно. Словно я когда-нибудь тебе поверю.

- Посмотри на меня, Вейн.

Она ждет, что я посмотрю ей в глаза, и я поражаюсь, насколько ее глаза похожи на Одри. Такие же темно-синие, почти выглядят черными. Такой же пристальный взгляд.

- Странно, но я должна поблагодарить тебя, - шепчет она. - Я никогда не понимала, насколько ветры затронули меня... насколько боль пропитала мою жизнь. Только когда ты сделал так, чтобы они отправили все ветры далеко. Это, похоже, что я наконец снова могу думать после долгой жизни в тумане. Она отступает, потирая кожу на руках.

Одри никогда много не рассказывала мне о своей матери, но я знаю, что она чувствует вещи на ветру, как никто другой не может. Редкий дар, который дает ей решающую интуицию. И причиняет ей невыносимую боль.

- Я не буду тратить свое время, извиняясь за то, что я сделала, - говорит она, немного помолчав. - Но я хочу, чтобы ты знал, что это была не я. Не по-настоящему. Мой дар - это очень... запутанно.

- Эй... знаешь, что еще очень запутанно? Расти сиротой без воспоминаний о прошлом. И держу пари, Одри думала, что это было довольно запутанно - расти без отца, в особенности потому, что ты позволила ей поверить, что она его убила.

Я заканчиваю этот разговор.

Я плетусь обратно к подушкам, ложусь на бок, спиной к ней.

- Как она?

В голосе Ареллы слышится боль, которую я не привык слышать. Это звучит так, как будто ей не все равно. И даже притом, что я уверен, что все это часть ее игры, я решаю ответить на ее вопрос.

- Она свободна.

- Хорошо.

Я оборачиваюсь через плечо и ошеломленно вижу ее мирную улыбку на губах.

Эта женщина - убийца, напоминаю я себе.

- Ты в пустую, тратишь свое время, меня изменили действия этой женщины. Я не куплюсь... и Одри тоже. Тебе повезло, что я не дал ей убить тебя там в пустыни.

- Ты имеешь в виду, когда она набросилась на меня с Западным?

Она вытаскивает последнее слово, когда выгибает одну бровь.

Я сажусь, стараясь оставаться спокойным.

- Я научил ее нескольким командам.

- Уверена, что научил. Но тебя никто не учил, не так ли? Интересно, почему.

- Арелла прижимает свое лицо к цепям, разбивая ее бледную кожу через промежутки. - Нет никакого смысла отрицать это, Вейн. Я вижу это в твоих глазах. Но я не собираюсь говорить Бурям, если тебе интересно. Я не вижу никакого смысла в том, чтобы быть на плохой стороне у единственного человека, который может освободить меня. Или у его будущей жены.

Слово "жена" бросается на меня. Я думаю, что Одри будет моей женой когда-нибудь, учитывая, что мы уже связаны.

Но это все-таки странная мысль.

Я пытаюсь вообразить Одри и себя, живущих в доме где-нибудь, как нормальные люди... хотя, как живут нормальные сильфиды? Все, что я когда-либо видел, это Бури, и мои единственные воспоминания детства о том, как мы бежим. Я понятия не имею, как это работает для обычных Странников Ветра.

Конечно, если я - король, разве мы не должны жить в своего рода сумасшедшем ветряном дворце?

Сфокусируйся, Вейн.

Сумасшедшая женщина угрожает тебе прямо сейчас.

- Если ты думаешь, что сможешь убедить меня позволить тебе отсюда выбрать, ты глупее, чем я думал. Итак, почему бы нам не пропустить весь шантаж и не дать мне поспать какое-то время?

- Ты действительно выглядишь опустошенными, Вейн. Когда в последний раз ты спал?

- Я не помню, - признаю я, откидываясь назад и откатываясь.

Она молчит так долго, что я дрейфую прочь... или засыпаю, потому что, когда она говорит, я подскакиваю.

- Это кошмары или фантазии?

Вопрос попадает в цель, и я не могу не обернуться к ней.

- Откуда ты знаешь?

- Ветры рассказали мне много вещей об уловках Райдена. Я только никогда не видела их эффекта. - Она смотрит искоса на меня, и это похоже на то, что она смотрит в мой мозг. - Главным образом, это были кошмары, не так ли? Хотя я уверена, что фантазии задерживаются? Держу пари, что знаю, о чем они.

Ладно, это просто жутко.

- Прекрати делать так, будто ты меня знаешь.

- Но я знаю тебя, Вейн. Мы не такие разные, как тебе хотелось бы верить. Мы оба знаем, как нарушать правила и рисковать, когда дело доходит до того, что мы действительно хотим.

- Ты понимаешь, что говоришь об убийстве моих родителей, верно?

Разве она действительно не понимает этого, я мог бы заказать ее, если бы захотел?

Ну, я думаю, я мог бы.

Я, конечно, мог бы попробовать.

- Я просто пытаюсь показать, что я могу помочь тебе. Независимо от тех игр, в которые играет Райден. Независимо от того, что привело тебя сюда, бледного, слабого и готового быть запертыми под землей в этом несчастном месте, чтобы ты наконец-то мог поспать. Я могу остановить это. Это мой дар. Я смотрю, как она потирает кожу на руках, и ненавижу себя за то, что мне немного интересно ее предложение.

Если кто и мог понять, как заблокировать ветра Райдена, это Арелла. Но она забыла одну важную деталь.

- Ну вот скажем, я на самом деле поверю, что ты изменилась и больше не являешься бессердечной, убивающей психопаткой, которую все мы знаем и ненавидим. Если я выпущу тебя назад на свежий воздух и отправлю работать, защищать меня, сколько времени пройдет прежде, чем безумие снова вступит в свои владения? Сколько времени пройдет прежде, чем ты вернешься к интригам, измене и не будешь волноваться, кому причиняешь боль... или убиваешь... в процессе?

- Этого не будет...

- Нет, будет.

Я снова поворачиваюсь к ней спиной... на сей раз по-настоящему.

Однако, я не могу не слушать ее, когда она говорит мне:
- Я могу помочь тебе, Вейн. Я, может быть, единственная, кто может.

Глава 10

ОДРИ

Я не умерла.

Вода обрушивается на меня, глотая мой воздух. И, когда я дрейфую на волнах, я чувствую, как мое сознание ускользает.

Но вот я здесь.

Все еще тяжело дышу.

Лицом вниз на мокрый песок устрашающе молчаливой пещеры.

Толстые веревки сковывают мои руки по бокам, говоря мне, что я - заложник. Но я не чувствую намека на присутствие своего похитителя.

Только удушающая неподвижность в воздухе.

Вход в пещеру не охраняли... но я не осмеливаюсь пытаться бежать. Мой враг всегда был на пять шагов впереди меня. Это просто другая часть их игры.

Я поднимаюсь, морщась от боли, когда веревки впиваются сильнее. Я могу чувствовать острые камни все еще в моих карманах, но учитывая призрачные методы моего злоумышленника, я сомневаюсь, что они когда-либо будут достаточно рядом для меня, чтобы я могла использовать их. Однако, я кручусь и корчусь так, как могу, чтобы они стали ко мне ближе.

Пещера - пустая и непримечательная. Грубые серые стены и капающие сталактиты. Никаких признаков жизни кроме крошечных зеленых крабов, несущихся по песку. Никакого бриза кроме порыва моего собственного дыхания. Мой единственный ключ к разгадке того, с чем я сталкиваюсь - это широкий кусок морских водорослей, намотанных вокруг ладони.

Прохладные покалывания опускаются в пузыри внизу, ослабляя боль от ожога.

Ненужное милосердие, вероятно предназначенное, чтобы смягчить меня.

Посмотрим, смогут ли они уговорами вытащить мои тайны вместо того, чтобы биться и ломать.

Я вздрагиваю.

Я работала всю свою жизнь, чтобы защитить Западный язык, но я никогда не была так непосредственно ответственна за его сохранность. Я хочу считать, что я достаточно сильна, чтобы молчать. Готовая отдать мою жизнь, как на пляже.

Но Райден - искусный допрашивающий.

Четыре года назад он захватил двух из лучших опекунов Бурь и подвергал их пыткам в течение многих дней, недель... никто не знает, сколько именно времени. Все, что мы знаем, что он сломал их, наконец, узнав, что Вейн все еще жив. Я действительно сильнее их?

Западный сопротивлялся, напоминаю я себе.

Но потом я думаю о лице Вейна, бледном и с оттенком зеленого, готового к тошноте или упасть в обморок или того хуже. Все, потому что я сказала ему,

что ему, возможно, придется убить. Тоска по миру течет так сильно через Западные, это ненамеренное. Давая им бесконечный запас мужества. Неограниченные силы чтобы сопротивляться.

Я - Восточная.

Быстрые, хитрые ветры.

Восточные сделают все возможное, чтобы выжить...

Но у меня есть своя связь, говорю я себе, жалея, что не могу чувствовать напряжение в груди. Без ветра исчезла боль. И даже притом, что Вейн все еще часть меня, я не могу сдержать волнение, что наша связь не будет достаточной. Райден найдет какую-нибудь слабость и будет толкать, пока я не сломаюсь.

Я буду знать достаточно скоро.

Влажный воздух заставляет меня дрожать, когда я наблюдаю, как солнце тает в океане. Но пустота во мне чувствуется намного более холодной. Тишина начинает душить меня, таким образом, я напеваю одну из любимых песен своего отца, позволяя низкой, глубокой мелодии заполнить воздух. Это печальный рассказ о потере и тоске. Погоня за вещами, которые никогда не могут быть пойманными.

Я всегда думала, почему же мой отец так сильно это любил, но сидя здесь, ожидая возвращения врагов, я думаю, что, наконец, приблизилась к разгадке. Успех не всегда означает триумф.

Это о ведении, продолжении сражения. Даже если бой не может быть выигран.

- Ты не кричала, - произнес скрипучий, мужской голос, заставляя меня подпрыгнуть. У него акцент, который я не могу распознать... чистый и точный. Как будто каждое слово имеет острые края. - Разве ты не хотела позвать на помощь?

Эхо его голоса заполняет каждый миллиметр пещеры, и невозможно сказать точно, где он прячется.

Я прочищаю горло.

- Я бы хотела сохранить голос.

- Это прекрасный голос, - соглашается он. - Я наслаждался им. Но ты действительно думаешь так мало о себе, что полагаешь, что никто не придет, чтобы спасти тебя?

Да.

Вместо этого я говорю:

- Вы оставили меня с не завязанным ртом по причине. Которую я решила не выяснять по какой.

Он смеется. Скрипучий, глухой звук, от которого мне становится холодно.

- Ты - умная девочка, не так ли? Я должен признать, что нахожу тебя невероятно увлекательной.

- Рада, что развлекаю тебя.

- О, это намного больше чем развлечение. Намного больше. - Он затихает, и я могу сказать, что он изучает меня, даже притом, что я не вижу его. - Поэтому скажи мне, умная девочка. Как я должен называть тебя?

- Одра. - Я не вижу никакого смысла врать. Плюс в его тоне есть подлинное любопытство. Возможно даже след искренности. Я решаю проверить свои границы. - Как я должна называть тебя?

- Давай, на данный момент, придержишься тебя, а?

- Но я уже ответила на все твои вопросы. Не должен ли ты ответить хоть на один из моих? Это всего лишь честно.

- Ах, значит, ты все еще по-дурацки считаешь, что мир, в котором мы живем, справедлив?

- Нет. Но ты ослабил мою боль. - Я киваю на обернутое в морскую водоросль запястье. - Таким образом, я предполагаю, что у тебя есть своего рода моральный компас. - Он молчит так долго, что я волнуюсь, что пересекла черту. Но когда он снова говорит, это вот что:

- Выбери другой вопрос, и я отвечу на него. - Сотни вариантов роятся в моем разуме, но я выбираю что-то, что могло бы заработать мне еще один вопрос.

- Где я?

- В пещере.

Он смеется, когда я хмурюсь.

- Хорошо. Хорошо. Очевидно, ты хочешь спрашивать и получать качественные ответы. Какой требовательный заключенный. Я полагаю, что точное название пещеры - Потерянное Побережье. Земные зрители решили, что для их неуклюжих, направляющихся землей тел было слишком трудно добираться, таким образом, они почти оставили ее несколько лет назад. Что делает ее превосходным местом для того, чтобы прятаться.

Так он прячется от кого-то.

Работая в одиночку.

Это звучит не как Буреносец.

Но он сражается как один из...

- Твоя очередь, - говорит он, прерывая мои размышления. - И поскольку эти вопросы стоят мне теперь, я перехожу к более интересным. Как Бури убедили тебя присоединиться к опекунам?

- Я вызвалась добровольно. - В то время я думала, что покрываю причиненный ущерб, причиненный смертью моего отца. Плюс он попросил меня своим последним дыханием заботиться о Вейне.

Если бы я сдержала то обещание и осталась, чтобы сделать свою работу, меня бы здесь не было.

- Ты вызвалась добровольно? - повторяет он, выходя с тени у входа. Даже при том, что темный плащ полностью закрывает его лицо, я могу чувствовать его глаза, смотрящие в мои. - Я думал, что твой вид, как предполагается, мирный. И как ты сохраняла себя скрытой все эти годы? В последний раз я слышал, все, что было у нас в запасе - это мальчик.

Я прикусываю губу.

Он должен думать, что я действительно Западная, что может реально сработать в мою пользу. Лучше, чтобы он не знал, насколько легче меня можно было сломать.

- Предполагалось, что это будет моя очередь задавать вопрос, - напоминаю я ему, избегая его.

Он усмехается.

- В тебе есть огонь. Борьба. Ты прокрутила бы меня на пляже с тем жалким небольшим шипом ветра, если бы могла, не так ли?

Я все еще пытаюсь выяснить, как ответить, когда холодный ветер ударяет меня по щеке, жала как лезвие ножа. Я с трудом проглатываю боль, отказываясь позволять ему увидеть, что он может причинить мне боль.

- Видишь? Огонь. - Он придвигается поближе, его шаги, столь легкие, они не оставляют отпечатков на песке. Как он движется - это неестественно, почти скользит, и когда он зовет порыв к себе, я не могу понять слов. - Ты отличаешься от других, - шепчет он.

Я смотрю на ветер, намотанный вокруг его запястья. Он стал болезненным и унылым. Больным.

- Другие, - шепчу я. - Ты имеешь в виду других Западных, которые были убиты?

- Нет, я имею в виду Западных, которые выбрали умереть. Западные, которые легли на землю и позволили лишиться их жизней вместо того, чтобы встать и бороться.

Его гнев не имеет смысла.

Райден был разъярен, когда Западные не разделили свой язык... и он убил их в наказание. Но он никогда не хотел, чтобы они сопротивлялись. Это то, чего хотели Бури... на что они все еще надеются с Вейном.

- Кто ты? - спрашиваю я, желая, чтобы мои руки были свободны, и я могла отбросить назад свой капюшон и увидеть его лицо.

- Я сказал тебе, что я не собираюсь отвечать на этот вопрос!

Он держит болезненный порыв, чтобы угрожать мне, но если он - тот, кто я думаю, я не верю, что он причинит мне боль.

Все решили, что эти двух опекунов схватил Райден и убил, когда он закончил с ними. Но что, если они выжили? Я ищу в мозгу, пытаюсь найти их имена... но воспоминания похоронены слишком глубоко, подавлены всеми другими частями нашей зверской истории, которую я не хотела помнить.

Щемящая мелодия возвращает меня обратно в настоящее. Слова произносятся шепотом, серией темного шипения, как часть через тяжелый воздух. Я не могу понять то, что он говорит, но песня ползет под моей кожей, погружаясь в самые глубокие части меня и жужжа с новым видом энергии.

Сдвиг начинается у меня внутри. Назревающая буря растет с каждым звуком, когда слова приводят какую-то неизвестную часть меня в чувство. И теперь, когда оно активировано, оно хочет получить контроль. Боль пронзает мое тело, рвет, тащит ощущение, которое заставляет меня чувствовать, что я разделяюсь... и я испугана, когда понимаю, что я делаю. Я знаю это чувство... я проживала его дважды. Оба раза я переходила к своей форме ветра.

- Стоп! - кричу я, качая головой, чтобы попытаться освободиться от захвата мелодии. Но песня во мне, бушует, ревет и растет в бурном темпе.

Если это вызовет изменение, то мне конец.

Наша форма ветра не может быть объединена ни с чем, что связано с землей, и я не лишала себя еды довольно долго, чтобы действительно смочь отделиться. Части меня разрушатся и рассеются в пыль. Остальные уплывут. Пение продолжается, и я закрываю глаза, готовящиеся к предстоящему распаду. Но непосредственно перед тем, как боль выходит из-под контроля, он замолкает, и разрушающийся призыв отступает, оставляя меня холодной и дрожащей на песке.

- Ты - Восточная! - практически ворчит он. - Твоя сущность никогда бы не ответила на тот зов, если бы ты не была Восточной.

Он хватается меня за плечи, сжимая так сильно, что мне кажется, что он меня раздавит.

- Кто научил тебя четвертому языку? Это действительно был мальчик? У него был Западный прорыв?

Лицо Вейна заполняет мои мысли, и чувствую, как отступает паника, когда гляжу в его воображаемые глаза.

- Значит, это был мальчик. - Он мрачно смеется, качая головой. - Очевидно, все, что было нужно Райдену. это симпатичное личико и правильные изгибы. Кто-то должен будет сказать ему это.

Он отпускает меня, и я падаю, получая еще один полный рот песка. Я отплеываюсь и выпрямляюсь.

- Почему бы тебе самому ему не сказать? Прямо сейчас ты мог бы послать ему сообщение. - Он не принимает мой вызов.

- Ты не можешь в какой-либо степени добраться до Райдена, не так ли? - спрашиваю я спокойно. - Я могу, если доставлю тебя лично.

- Сможешь? - Или он возьмет меня, и все же убьет тебя, чтобы наказать за побег?

Он снова хватается меня за плечи.

- Независимо от того, что ты думаешь, что знаешь...

- Я знаю. Я все знаю. Все, кроме того, почему ты никогда не возвращался. Бури поняли бы...

- Они? - Он снова отпускает меня и отходит подальше, глядя в небо. - Ты действительно думаешь, что Бури приняли бы предателя, который выдал их наиболее защищенную тайну?

- Тебя пытали...

Он качает головой.

- Ты знаешь, чем мы клянемся. "Сначала самопожертвование, затем компромисс".

Я нахожу, что сама повторяю слова.

Я вспоминаю, как клянусь им четыре года назад, притаившись в тени одинокого дуба у хижины моей матери, когда становлюсь самым молодым опекуном в истории Бурь. Они неохотно назначили меня и раньше, но после измены...

- Ты - Астон, да? - шепчу я.

Астон и Норманд - так их звали. Но Астон был моложе и сильнее, и знаменит своим мастерством боя.

- Это имя из другой жизни, - шепчет он. - Жизни, которая закончилась в тот момент, когда Райден разрывал Норманда кусок за куском, пока я не рассказал ему, что он хотел знать. Я подумал, что он прикончит нас обоих, но он оставил меня в живых. Мне сказали, что он "увидел потенциал" во мне. Мои мысли вспыхивают - нападение на пляже, то, как Астон доминировал над каждым моим шагом, и я знаю, что Райден увидел.

- Он держал меня в течение двух лет после этого. Дразнил меня свободой, а затем он наказал меня, чтобы убедиться, что я знаю свое место. - Он вздрагивает. Я повиновался достаточно, чтобы заработать окно, чтобы спастись. Тогда я сбежал. Отсиживался здесь, в этом забытом месте, пытаюсь закончить свои дни. Но затем я услышал тебя. - Он расхаживает вокруг. - Я слышал, как ты зовешь западный ветер и смотрел, как он повинуется. Я думал, ты давно потерянный Западный, ценный инструмент для торговли с Бурями. Но ты - большой предатель, чем я.

- Как ты себе это представляешь?

Я не могу увидеть его улыбку, но я слышу ее в его голосе, когда он спрашивает:

- Значит, ты не связана с обрученным королем?

Вопрос ударяет сильнее, чем то, что он бросал в меня. И моя реакция выдает меня.

- Откуда ты знаешь? - шепчу я.

Он качает головой, отворачиваясь и продвигаясь к выходу их пещеры.

- Ты все еще не имеешь понятия о секретах Райдена, не так ли? О том, как он подчиняет ветра?

Я ломаю свою голову, пытаюсь угадать, какую подсказку я, возможно, пропустила... но ничто, что он говорит, не имеет смысла.

Только когда он открепляет свой плащ, позволяя шелковистой ткани скользить к земле.

Штаны закрывают его ноги, но оставшееся тело открыто. Или то, что от него осталось.

Он шагает в луч лунного света, давая мне увидеть всю картину, и я не могу остановить удушье.

Уколы света текут через его кожу... миллион крошечных отверстий, которые делают его больше пустым, чем человеком.

Я хочу закрыться, заплакать, сбежать из этого ужаса.

Но его глаза удерживают меня, грустные и уязвимые, и он шепчет.

- Так же много власти в причинении боли.

Глава 11

Вейн

Это место морочит мне голову.

Я так чертовски устал, но каждый раз, когда я закрываю глаза, мой разум наполняется всеми сомнениями, которые я пытался отрицать. Всеми вопросами, которые я старался не задавать.

Я никогда не понимал, насколько боль моей связи успокаивала меня. Давала мне что-то, за что держаться... что-то, чтобы доказать, что моя связь с Одри реальна. Теперь, когда она прошла, это как будто вся моя жалкая неуверенность подпитывается, оставляя меня нуждающимся и отчаянным, заставляя меня сделать, что-то действительно глупое, например, разбудить Ареллу и спросить ее, думает ли она, что ее дочь любит меня. Я знаю, что я сумасшедший. Одри говорила мне, что любит меня, прежде чем мы поцеловались, и я уверен, что все это было ее выбором.

Но она исчезла так на долго.

Двадцать четыре дня могут звучать так долго. Но учитывая, что мы были вместе только в течение пяти дней... и большую часть времени она потратила на борьбу со мной или случайное почти мое убийство... это долгое время. Достаточно долгое, чтобы заставить меня серьезно задаться вопросом, вернется ли она.

Я поднимаю правую руку против тусклого искусственного освещения и смотрю на плетеный медный браслет, который дала мне Одри.

Я почти могу чувствовать искры ее прикосновения от того, когда она защелкнула браслет вокруг моего запястья. Она нашла его в руинах шторма, который убил моих родителей, и сохраняла его в течение десяти лет так, чтобы у меня было что-то, что принадлежало им.

Она бы не сделала ничего такого, если бы не заботилась обо мне?

С другой стороны она действительно дала его мне после того, как сказала, что любить меня будет постоянной ошибкой...

Она передумала после этого.

Но... она не могла снова передумать?

Хватит!

Мне хочется сказать слова вслух так, чтобы возможно я фактически услышал их. Просто это место сводит меня с ума.

Когда я вернусь к ветрам и найду след Одри, мчащийся жар отнесет прочь эти глупые заботы... хотя я понятия не имею, как я собираюсь осуществить это. Я уверен, что Бури будут наблюдать за мной теперь еще пристальнее, что заставляет меня захотеть спрятать лицо в этих мягких подушках и кричать до тех пор, пока я не сорву голос.

Вместо этого я уставился на серебряный компас в центре моего браслета. Он обычно направляет мое наследие, так или иначе, и указывает на запад.

Прямо сейчас он просто вращается и вращается. Как будто он чувствует себя столь же потерянным, как и я.

- Я бы хотела, чтобы Лиам был здесь, - шепчет Арелла, заставляя меня подпрыгнуть. Я не знал, что она не спит.

Я переворачиваюсь и нахожу, что она сидит на полу в центре ее камеры, уставившись в потолок.

- Лиам?

- Отец Одри. Он знал, как соткать ветры в колыбельные, и они всегда давали мне самые сладкие сны.

Я действительно не должен поощрять ее, но я не могу удержаться от того, чтобы сказать:

- Звучит похоже на его дочь.

Одри раньше посылала ветры в мою комнату каждую ночь. Это как мне снилась она в течение десяти лет, наблюдая, как она растет наряду со мной. Так я влюбился в нее, прежде чем я даже узнал, что она была настоящей.

- Так и было, - соглашается Арелла. - Это было очень тяжело, после того...

Ее голос надрывается, и она отворачивается, но через цепи я могу все еще видеть слезу, которая бежит вниз по ее щеке, оставляя солнечный след на ее серой, грязной коже. Это почти заставляет меня почувствовать к ней жалость.

Почти.

- Ты понимаешь, что это твоя вина, верно?

Она открывает рот, и я ожидаю, что она будет винить Одри, меня. кого угодно, кого придумает, как она сделала в первый раз, когда я противостоял ей в этом.

Все, что она говорит:

- Я знаю.

Она идет к самой дальней части своей камеры, держась ко мне спиной. Я наблюдаю, как ее плечи дрожат от тихих рыданий, пытаюсь понять, как хилая, сломленная женщина, на которую я смотрю, могла быть тем человеком, который убил моих родителей и попытался убить Одру прямо на моих глазах.

Она действительно, кажется, теперь другой.

Что является наиболее опасной мыслью для меня.

Арелла умна... и терпелива. Преимущество - это просто еще одна часть игры.

- Кстати, как твои воспоминания? - спрашивает она, смахивая свои слезы трясущимися руками.

- А что? Ты совершила какие-то другие убийства, которые не хочешь, чтобы я вспомнил?

- Конечно, нет, Вейн, - Она потирает кожу на запястьях, которое я замечаю, теперь голые. Золотые манжеты, которые она раньше носила, не стало. - Я только спрашиваю, потому что меня волнует, как все могло так... обернуться. Я смотрю на нее, ненавидя, что она права.

Она тоже это знает.

- Это то, чего я боялась. Выпускать воспоминаний - очень коварная вещь. У меня было ощущение, что Одра не сделает это правильно.

- Она сделала это просто замечательно.

Но это не так... и хаос почти более печален, чем чистый лист, с которым я раньше имел дело. Это, похоже, что мое прошлое - мозаика, где все части выглядят одинаково, и независимо от того, насколько я пытаюсь отсортировать их, я никогда не могу выяснять, как любые из них стыкуются. Нет полной картинки, чтобы направить меня.

- Ну, если была проблема, - говорит Арелла спокойно. - Я действительно знаю, как исправить ее.

Вот оно. Прямо здесь. Сюда она вела свою игру.

- Дай угадаю, я тебе нужен, чтобы вывести тебя на поверхность к ветрам?

- Да, мне нужно несколько Южных.

- Ого, ты действительно думаешь, что я настолько тупой?

- Конечно, нет. Ты можешь взять с нами столько опекунов, сколько захочешь. Да хоть все Силы Бури. Думаешь, я могу справиться с ними со всеми?

Я хочу верить, что она не может, особенно учитывая то, насколько она исхудала. Но я видел ее в действии. Она движется как пятно... и она безжалостна. Она даже не моргнула перед тем, как перейти в смертоносное наступление против своей дочери.

Плюс, ей не нужно убирать всех. Только несколько ключевых людей, что она могла уйти.

- Спасибо, я разберусь с этим сам.

- Не получится, это то, что я пытаюсь сказать тебе, Вейн.

Я не обращаю на нее внимания, плюхаясь обратно на подушки.

Это мои воспоминания. Если кто-либо и сможет рассортировать их обратно на место, то это - я.

- Ну, если передумаешь, ты знаешь, где меня найти. По крайней мере, еще какое-то время.

Я ненавижу себя за то, что она засасывает меня обратно. Но я должен спросить.

- Почему еще какое-то время?

- Ты действительно не можете предположить? - Она проводит руками по стенам, позволяя зернам песка падать ей под ноги. - Есть причина, почему это место настолько секретное, Вейн. Оз пересек черту, которая не должна быть пересечена. Но я предполагаю, что он знает, что одно преступление заслуживает другого. Я действительно делала... ужасные вещи.

- Да, делала. - соглашаюсь я, пытаюсь разрушить сочувствие, которое я начинаю ощущать к ней.

Это не так просто.

Особенно, когда она обхватывает себя руками, выглядя, как маленькая, испуганная птица, когда она шепчет:

- Но это место, этот Омут, как он это называет. Он не просто держит меня. Она поглощает меня.

Глава 12

Одри

- Вот почему Бури никогда не победят, - бормочет Астон, когда он ступает ближе, давая мне более ясное представление своих шрамов.

Есть что-то отвратительно великолепное в том, как сияние луны просачивается через отверстия в его коже. Почти как созданные Райденом татуировки света, вырезанные кусок за куском.

- Что он с тобой сделал? - шепчу я, не уверенная, что действительно хочу знать это. Я могу видеть и другие изменения. Синий оттенок его губ.

Волнистые линии, бегущие по бокам его туловища. Он вероятно, только на десять лет старше меня, но его глаза выглядели лет на сто.

- О, это? - Он машет руками, создавая тревожащий свист, когда воздух с визгом проходит через отверстия. - Это просто результат. Сила исходит от процесса.

Сила в боли.

Я не могу унять дрожь, когда спрашиваю:

- Как это работает?

- Ты не захочешь знать.

- Не захочу, - соглашаюсь я. - Но, может быть, если бы мы знали больше о том, с чем мы сталкиваемся, мы смогли бы...

- Вы могли бы что? Сделать с другими? - Он подходит так близко, что я вижу, прямо через его раны скальную пещеру позади. - Смотреть, как они корчатся и кричат, когда вы разрушаете их тела? Это будущее Бурь?

- Нет. Но что относительно уловов, которому ты раньше захватил меня? Если бы у Бурь были они в их арсенале, возможно, они могли бы получить лучший шанс.

- Ты не понимаешь, о чем просишь.

- Тогда объясни мне.

Он смеется.

Грустный смех.

Сломанный смех.

Тогда он отбрасывает свой плащ назад, хватая меня и несет через пещеру. Его сила примечательна, учитывая его впалую форму. Я не могу даже крутиться в его хватке.

- Теперь, мне нужно, чтобы ты была очень хорошей девочкой и не подумала о возможности сбежать, - говорит он мне, когда мы ступаем через какой-то барьер, он построен, чтобы не пускать ветры. - Я не должен по-настоящему причинять тебе снова боль, но мы знаем, что я буду.

Я киваю, хотя и не уверена, что верю ему.

Он сошел с ума и неустойчивый, а его разум просто в руинах, как и его тело. Но он из Бурь.

Затем снова, так был Райден...

Холодные Северные взрывают мою кожу, и я закрываю глаза, сопротивляясь слезам, когда я понимаю, что не могу чувствовать напряжение своей связи.

Я не знаю, является ли это какой-то уловкой Астона или знаком или чем-то большим, но я должна найти путь назад к Вейну.

- Престол Ее Величества, - говорит Астон, ставя меня лицом к плоской скале недалеко от входа в пещеру. - Или ты предпочитаешь ее высочества?

- Я предпочитаю Одри.

Он качает головой.

- Ты собираешься стать интересной королевой.

Трудно не поежится от этого слова.

Я могу быть связана с королем, но сомневаюсь, что Бури будут когда-либо делать больше, чем терпеть нашу связь. Все еще есть шанс, что я могу быть обвинена в измене.

Мысль заставляет меня хотеть извиваться, но веревка вокруг моей талии ограничивает, впиваясь в мою кожу с каждым дыханием.

Я сопротивляюсь убеждению призвать Северный, чтобы разорвать ее.

- Я знал, что ты - умная девочка, - говорит Астон, шипя слово, которое заставляет часть проекта раззвать мои путы. - И все же ты все еще по-дурацки считаешь, что твоя бесполезная армия может противостоять Райдену.

- Бури не бесполезные.

- Ох, они такие. Позволь мне показать тебе множество способов.

Он зовет Восточный, используя команду, которую говорила я тысячи раз на протяжении многих лет.

- Тебя учили давать ветру выбор, - говорит он, когда быстрый проект проносится между нами и сматывается в маленькую трубу. - Ты говоришь ему прибывать к тебе быстро, и ты ожидаешь, что так будет. И большую часть времени они так и делают. Но у ветра все еще есть мнение. Что является тем, почему ты никогда действительно не осознаешь ситуацию.

- Мне не нужно.

- В самом деле? Мне показалось, что вы чуть не умерли несколько раз в этот день, когда ветер бросил тебя.

- Но я все еще жива. И они сделали это только потому, что ты их заставил.

- Вот почему Бури никогда не победят. Ты не можешь избить кого-то, кто действует нечестно, и они не готовы пересечь линию между просьбой и требованием... большинство из них, по крайней мере. И если бы они сделали это, то это только разрушило бы их.

Он указывает на Восточный передо мной, и у меня появляется ужасное чувство, что я знаю, что он собирается сделать. Я хочу отослать ветер... спасти его, прежде чем будет слишком поздно. Но я должна знать тайну Райдена.

Астон резкое спутывает слово, которое я не могу понять, и проект завывает. Глубокий, первобытный вопль, который кромсает каждую часть меня, когда я наблюдаю, ветер моего наследия... моей семьи... опустошается.

Все хорошее и чистое крошится.

Это энергия.

Это движение.

Все, что осталось, это бледный, болезненный порыв, безжизненно висящий между нами.

По-прежнему.

В тишине.

Я чувствую слезы, бегущие вниз по моей щеке.

Астон приседает передо мной и вытирает ее.

- Я хотел задушить Райдена в первый раз, когда я увидел, что он сделал это, - шепчет он. - Я хотел чертовски сильно избить его, пока он не понял бы вид

боли, которую он просто вызвал. И когда он приказал, чтобы я освоил навык, я отказался, не заботясь, что он накажет меня. Я не собирался превращаться в монстра.

- Что изменилось? - спрашиваю я, не в силах скрыть гнев в голосе.

Он смеется и снимает плащ с левого плеча, проводя рукой вдоль линии отверстий, которые прослеживаются по его ключице. Они отличаются от маленьких, зубчатых отверстий, покрывающих остальную часть его тела. Совершенно круглые... и вдвое больше. И они проходят через кожу и кости.

- Он подарил мне одну за каждый день, что я сопротивлялся. Двадцать девять. Он почти добрался до тридцати, пока не нашел лучшего способа, чтобы сломать меня.

Он не дает дальнейших объяснений, и я решаю не торопить его. Я уже знаю, где заканчивается история.

- Так почему продолжают разрушаться ветры? - спрашиваю я, наблюдая, как болезненный проект стонет и парит. - Почему не...

- Потому что ломка ветров ломает и вас. Сила становится тягой, как будто... часть тебя умирает, и единственный способ заполнить пустоту состоит в том, чтобы испортить все вокруг. И ты не можешь бороться с этим, потому что не хочешь бороться, потому что тогда ты никогда не сможешь снова испытать порыв. Вот почему Бури не могут победить, Одри. Они не могут конкурировать с этим видом окончательного контроля. И если бы они попытались охватить его, то они просто потреблялись бы им.

Я смотрю на мягкий ветер закрученных между нами, ненавидя, что он прав. Это объяснило бы, как Райден командует такой лояльностью своего Буреносцев. Я всегда думала, что они питались страхом или жадностью. Но возможно они - также рабы своего плохого выбора.

- Вот почему ты не вернулся, не так ли? - шепчу я. - Почему ты прятался в пещере, делая так, чтобы мы поверили, что ты умер?

- Астон умер. Я стал этим, - он смотрит на свои разорванные руки, - я не позволю, чтобы кто-нибудь узнал, что я существую.

В его последних словах была тьма.

Предупреждение.

Я знаю, что он собирается мне сказать, но мне еще нужно задать вопрос в любом случае.

- А что насчет меня?

Его губы скручиваются в улыбку, но это самая холодная улыбка, которую я когда-либо видела.

- Мы оба знаем, что мне нравится твоя компания. И если ты попытаешься уйти, я тебя убью.

Глава 13

Вейн

Арелла лжет.

Она должна. Не никакого способа, чтобы Оз...

Мысли обдают меня холодом, когда я вспоминаю то, что сказал мне Оз о голодных ветрах. И когда я наблюдаю, что Арелла потирает свои бледные, болезненные руки, я понимаю, что есть тонкая пыль, несущаяся от ее кожи, которую я не заметил раньше.

Она плывет в сторону стены, как сплошной туман и исчезает в клубящемся песке.

- Расслабься, - говорит Арелла мне, когда я бегу за металлический занавес, закрывающий мой выход и пытаюсь вырваться, открыть его.

Идиотская вещь не двигается с места... и когда я бьюсь, она поглощает звук. Я не могу дышать.

- Успокойся! - кричит Арелла, когда я покачиваюсь на ногах. - Омут влияет только на меня. Я та, для кого он был создан. Ты действительно думаешь, что Оз иначе привел бы сюда своего царя?

Я думаю, что это не имело бы смысла.

Может быть, я своду Бури с ума, но я нужен им живым.

Но все равно, если это влияет на Ареллу, тогда она...

Я падаю на землю и опускаю голову между коленями, пытаюсь собраться.

- Значит, ты...

- Умираю? - спрашивает Арелла, когда я не могу закончить.

Я заставляю себя кивнуть.

Она протягивает руки, глядя на свои пальцы. Они практически кожи да костей, так что это не должно меня удивлять, когда она говорит:

- Да.

Но мне по-прежнему приходится бороться с другой головокружительной вспышкой.

Арелла умирает.

Мама Одри умирает.

- Сколько времени у тебя есть? - шепчу я.

- Сложно сказать. Я никогда не испытывала ничего подобного. Но если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что, вероятно, несколько недель.

- Недель? - Это намного меньше времени, чем я ожидал. Я не знаю, что сказать, кроме как, - Мне жаль.

- Нет, не жаль.

Нет... думаю, она права.

Я должен помнить... Арелла не просто убийца. Она - серийный убийца. У людей есть смертная казнь за такие преступления, как что-то вроде этого. Зачем сильфидам быть другими?

Но я ненавижу это.

Я очень не хочу знать об этом, и я ненавижу это, я задаюсь вопросом, есть ли у меня сила остановить это, и я особенно ненавижу это, я в какой-то степени ответственен за это.

Если бы я не повернул ее и не удостоверился, что Бури знали о том, что она сделала, она бы...

По-прежнему была бы безумной и убивала бы людей.

Это ее вина, а не моя.

Она остается тихой после этого, и я закрываю глаза, пытаюсь сделать эту ужасную ночь стоящей того. Если я не посплю какое-то время, Оз может заставить меня снова остаться здесь, и я вполне уверен, я потеряю себя, если это произойдет.

Но каждая мимолетная минута делает землю тяжелее, а воздух более толстыми, моя кожа сильнее зудит. Таким образом, я готов кричать от облегчения, когда занавес к моей камере наконец со скрипом открывается, и входит Оз.

Он хмурится, когда смотрит на меня.

- Ты не выглядишь отдохнувшим.

- Это не самое спокойное место.

- Нет. Но я надеялся, что ты найдешь способ.

- Я могу придумать один, - предлагает Арелла.

Оз впивается в нее взглядом, пока она не отступает от цепей.

- Готов к обратному путешествию? - спрашивает он меня.

Я разбит, и попытка пересечь автостраду изматывает, но я готов выбраться отсюда.

- Вейн, - зовет Арелла, когда я пробиваюсь к выходу. - Я знаю, что не имею никакого права просить об этом, но я надеюсь, что ты скажешь Одри, чтобы она пришла повидаться со мной. Я хотела бы попрощаться.

Просьбу в ее глазах трудно проигнорировать. Слишком это, похоже на последнюю просьбу.

- Когда она придет домой, я попробую.

Арелла выпрямляется.

- Одри ушла?

- Да, говорит Оз, и я хочу ударить себя за то, что я такой глупый. - Ее нет уже несколько недель. Она ищет загадочного третьего Буреносца.

Арелла смотрит на меня, и я качаю головой, умоляя ее пропустить это.

Я никогда не умел врать, и когда Бури потребовали знать, где Одри, лучшая история, которую я смог придумать, была о том, что она отсутствовала, выслеживая Буреносца, которого я сбил с неба, когда бежал. Это походило на достаточно правдоподобное оправдание. Пока они не нашли его тело. Тогда Фенг загнал меня в угол этим и единственная вещь, которую я смог придумать и сказать, что я имел в виду третьего Буреносца, который был частью нападения.

- Мы никогда не находили следы третьего Буреносца, - говорит Оз, смотря на меня так же, как они все смотрят на меня, когда указывают на это.

- Ну, вы и не найдете, - вскакивает Арелла, отбрасывая свои сальные волосы.

- Я была единственной, кто мог обнаружить его.

- Ты? - повторяет Оз.

Она высвечивает свою самую великолепную улыбку, и в течение секунды она сильнее похожа на прежнюю Ареллу, которую я помню.

- Ты знаешь, что у меня есть дар.

Оз кивает, фактически веря ей.

- Мы можем теперь идти? - спрашиваю я, нуждаясь в том, чтобы выбраться из этого места, прежде чем я сойду с ума и начну доверять Арелле.

И хотя она действительно помогла мне.

Сильно помогла.

Мы совершаем долгую прогулку обратно на поверхность, и это вдвое несчастно во второй раз... и не, потому что я более истощен, чем когда-либо. Все, что я только что увидел и узнал, чувствуется, как это тянет меня вниз, и я до сих пор слышу слова Ареллы в моей голове, повторяющиеся с каждым шагом:

Оз пересек линию, которую нельзя пересекать.

Правда ли она?

Это место находится за пределами ужасно. Но... Я помню, как расстроено выглядел Оз, когда он описывал мне голодные ветра.

И шрам, врезанный в его лицо, является отметкой, которую Райден дал ему, чтобы наказать его за выбор правильной стороны.

Плюс, это не похоже на то, что он запер невинного человека в своем Омуте. Он запер Ареллу... и я должен полагать, что она имеет право находиться там, независимо от того насколько отличающейся она могла показаться.

По-прежнему, он чувствуется особенно жутко, когда мы выходим на открытый воздух, и я замечаю, что гигантские черные птицы скачут по камням вокруг нас. Я помню, что видел их на моем пути, и я помню, Одри рассказывала мне, что птицы тянутся к ее матери... одна из немногих черт, которая есть у них обеих.

Но теперь я вижу, что это стервятники.

Я не хочу думать о том, чего они ждут.

Мы мчимся еще тяжелее по дороге домой... как будто мы оба не можем убежать от Водоворота достаточно быстро... и я тяну ту энергию, какую могу от ветра. Но мне жаль, что я не могу почувствовать след Одри.

Напряжение нашей связи так слабо, это почти похоже, что его там нет, и это не то, в чем я нуждаюсь после всех своих сумасшедших сомнений.

- У меня есть кое-что особенное, запланированное на сегодня, - говорит Оз мне, когда Coachella Valley попадает в поле зрения... участки зеленого цвета, которые, кажутся совершенно неуместными в окружении такой большой бесплодной пустыни. - Новый тренер.

- Правда? С закончил с Фангом?

Я не могу сказать, что мне грустно. Парень выбивал дерьмо из меня на каждом уроке.

Но Оз качает головой.

- Фенг и Гас - все еще твои опекуны, и ты продолжишь обучаться с Фенгом Северному. Но теперь ты начнешь практиковать с Южными.

Он улыбается, когда говорит это, и это напоминает мне о моем папе, когда он собирается заставить меня сделать что-то, что я определенно возненавижу, но что он думает, это будет "лучше для меня".

Но когда я спрашиваю Оза об этом, он просто ведет к базе Бурь - пустая область песка с рядом жидкими соснами, ограждающими ее от автострады.

Гигантские отверстия в дюнах - единственные вещи, которые являются чем-то кроме миллиарда других областей пустыни здесь, и это все еще беспокоит меня, что главный офис для моей армии сильфид больше похож на дом гоферов мутантов. Но Бури пытаются оставаться под землей как можно больше, подальше от ищущих ветров Райдена. И не похоже, что они нуждаются в большом количестве необычного оборудования. Все, в чем они нуждаются, это ветры.

- Что это за толпа? - спрашиваю я, когда замечаю по крайней мере дюжину Бурь, собранных на песке, что сокращает центр области. Здесь больше опекунов, чем я когда-либо видел на земле сразу.

- Увидишь.

Мои подозрения растут, когда мы приземляемся на песок, и я вижу, почему усмеваются все Бури. Даже Фанг выглядит готовым выдавить из себя улыбку, и Гас дерзко мне кланяется.

- Вейн, - говорит Оз, прежде чем я смогу спросить Гаса что, черт возьми, происходит. - Я хотел бы представить тебе твоего тренера Южного.

Они все раздвигаются в стороны, показывая серьезно красивую девочку со светлым волнистыми волосами, колышущимися от теплого бриза. Она уставилась на меня застенчивыми, ясными голубыми глазами, и ее замечательные щечки розовеют.

Я могу предположить, кто она, прежде чем Оз представляет ее.

Солана.

Они все хотят, чтобы я женился на ней.

Глава 14

Одри

Мне нужен план.

В ту секунду, когда Астон закончил свое предупреждение, он разрушил все ветры и потянул меня назад к пещере.

Я должна была видеть, что это прибывает.

Должна была сильнее бороться.

Должна была...

Есть бесконечный список вещей, которые я должна была сделать. Слишком поздно для любой из них.

- А что мой новый товарищ по комнате делает? - спрашивает Астон, появляясь у входа в пещеру.

Он использовал ядовито-зеленого цвета проекты, чтобы привязать меня к острым краям валуна и сказал мне, чтобы собирала все мои слезы, из моей системы, а сам отправился патрулировать по периметру. Но я не пролила ни слезинки.

Если я и узнала что-то об одной вещи из выживания с моей матерью - это как выживать с эгоистичным, убийцей психопатом. Я просто должна оставаться спокойной и держать его отвлеченным, пока я не выясню, как сбежать.

- Вижу, все еще дуешься, - говорит он, когда я не отвечаю. - Это не очень хорошо выглядит. Почти как неприятно как это.

Его плащ соскальзывает, и я отворачиваюсь. Полуденное солнце делает его раны еще более тревожными.

Он смеется.

- Не волнуйся, привыкнешь. Я уже привык.

Он машет руками, заставляя промежутки в своем теле свистеть, прежде чем он произносит ряд неразборчивых команд, и пещера заполняется солеными океанскими бризами.

- Я подумал, что ты могла бы использовать немного свежего воздуха, - говорит он мне, когда шлепается вниз напротив меня, - но не делай ничего глупого. Тогда я должен буду сделать тебе больно... и вопреки тому, что ты можешь подумать, я действительно не заинтересован в твоих мучениях. Я никогда не развивал смелость для такого. Особенно с симпатичными девочками.

- Я ничего не собираюсь пробовать, - говорю я ему, не обращая внимания на его кокетливую улыбку.

Пока нет.

Пока я не уверена, что мне это удастся.

Прохладные проекты кружатся вокруг меня, наполняя воздух мягкими песнями, которые обещают более спокойное время впереди. Но я с облегчением снова чувствую палящее напряжение моей связи.

Вейн пока в безопасности... пока еще далеко.

Я не уверена, сколько это еще продлится.

Между сообщением, которое я послала и тем, как Астон продолжает отключать мой след от неба, только вопрос времени, прежде чем Вейн поймет, что я в беде. И он не идет ни в какое сравнение с Астоном, если бы он придет за мной.

Резкое шипение возвращает меня в настоящее время, и мое сердце болит, когда три проекта становятся тускло-серыми и обматываются вокруг талии Астона.

- Это единственный способ держать себя в руках, - объясняет он, когда ветры исчезают в дырах в его коже. - Еще один способ Райдена попытаться заручиться моей лояльностью. Он хотел быть уверен, что я никогда не смогу сбежать, даже если захочу.

- Но тебе все же удалось сбежать, - напоминаю я ему.

- Только из его крепости. Не от его влияния.

Он прослеживает пальцами вдоль этих двадцати девяти отверстий в плече, заставляя меня задаться вопросом снова, что Райден сделал перед номером тридцать.

Я задаю более важный вопрос в вместо этого.

- Как тебе удалось уйти?

Подобие улыбки искажает его губы.

- Величайшая слабость Райдена в том, что он не имеет слабостей.

- Что это значит?

- В точности, как это звучит. Его крепость в большей безопасности, чем кто-либо когда-либо может, и нет одновременно. Как только я понял это, уйти было легко.

Я пытаюсь разобраться в его загадке, но она слишком расплывчата, чтобы подсказать мне что-нибудь полезное.

- Почему тебя это так интересует? - спрашивает он, сужая глаза. -

Планируешь дружественный визит к Райдену?

- Я не собираюсь ничего делать. Но всегда есть вероятность того, что он может найти меня.

- Нет, если ты со мной. Я знаю, как держать Райдена подальше... за это ты можешь поблагодарить меня, когда перестанешь скучать по своему потерянному денди. Я должен сказать, я скорее удивлен, что не почувствовал следа того, чтобы он пришел, чтобы спасти тебя. Я полагал, что он примчится сюда с такой скоростью, с какой ветры могут нести его, и я надеялся помешать его смелому спасению. Вы двое поссорились?

- Он знает, что я могу о себе позаботиться.

- Да, вы проделали превосходную работу. - Он шипит команду, и зеленоватые ветры сжимаются вокруг моей груди. Мои легкие горят, а облака движутся, но непосредственно перед тем, как я теряю сознание, Астон освобождает меня. - Это должно привлечь его внимание. Если неполная связь не достаточно сильна, чтобы почувствовать такую вещь.

- Что? - спрашиваю я, когда прекращаю задыхаться и кашлять.

- Пожалуйста, я почувствовал твою сущность. Я знаю, что удержала часть себя.

- Понятия не имею, что ты имеешь в виду.

- Понятия не имеешь? - Он хватает меня за подбородок, поворачивая мое лицо из стороны в сторону. Я стараюсь удержать его взгляд, но глаза мои все время возвращаюсь к его шрамам.

Без них он, вероятно, будет красивым.

- Интересно, - шепчет он.

- Что?

- Я понимаю, почему он захотел тебя.

Его большой палец касается моей нижней губы, и я рывком поворачиваю голову.

- О, расслабься. Я только хотел сказать это как комплимент.

Может быть, и хотел. Но то, как он смотрит на меня, заставляет мою кожу зудеть.

Он шепчет что-то, что заставляет все во мне двигаться, и я готовлюсь к любой боли, которая придет. Но это длится всего секунду до того, как он затихает, и ощущение исчезает.

- Чувствует, что он не стал сдерживаться. Ты была единственной, кто сомневался.

Я не знаю, что он хочет мне сказать.

- Вау, ты действительно не знаешь?

Я впиваюсь в него взглядом, и он смеется, потирая свой подбородок, когда он находится в глубоком раздумье. Это создает мерзкий, полый звук.

- Позволь спросить, - говорит он через секунду. - Когда ты... - он морщит потрескавшиеся губы, - там был маленький голос в твоём уме, говорящий, что это было неправильно.

- Конечно.

Главным образом моя голова была пятном горящего жара, желая знать больше и пытаюсь взять каждую деталь.

Но я все равно знала, что то, что мы делали, было запрещено.

Он пробегает пальцами по моему носу.

- И это, прямо тут, почему ваша связь не завершена. Это в основном там, - добавляет он, когда я хватаюсь за грудь, пытаюсь почувствовать то, что он чувствует. - Но там есть небольшое разделение. Возможно, потому, что какая-то более глубокая часть тебя знает, что ты действительно хочешь кого-то, кто восполняет то, в чем он испытывает недостаток в плоти и крови с очаровательной улыбкой и молниеносным остроумием.

Он подмигивает мне, и я клянусь, моя кожа ползет на самом деле.

- О, прекрасно, ты не должна выглядеть, так, будто испытываешь отвращение. Но это похоже на довольно рассказанное, разве не так?

Красавчик с удовольствием отдал всего себя тебе. И все же ты не смогла полностью отдаться ему.

- Это не так... я просто...

Я не знаю, почему объясняю это.

Я даже не уверена, что я ему верю.

Но если он прав, я никогда не хотела сдерживаться. Я люблю Вейна больше, чем когда-либо любила кого-нибудь, и если моя виноватая совесть затронула что-то, когда мы поцеловались, это был несчастный случай. Одна я буду исправлять это, когда я наконец вернусь домой.

Мои губы горят просто от мыслей об этом.

Все же... это предполагает, что Вейн будет все еще хотеть меня.

Я отвернулась от него.

Я бросила Вейна разбираться с Бурями, моей матерью и хаосом проблем, с которыми мы должны были сталкиваться вместе.

Я бы не стала винить его, если он возненавидит меня сейчас.

Я, конечно, сама ненавижу себя.

- Вейн может сказать, что наша связь не..? - Я не могла сказать, что говорю это вслух.

Астон улыбается и качает головой.

- Ты знаешь, я угрожал твоей жизни многократно, и ты только моргала. Но малейшее упоминание о беспокойстве мальчике, и ты становишься сентиментальной?

Я хочу сказать ему, что я не собираюсь плакать, но мои глаза горят. Я прилагаю все усилия, чтобы убрать слезы.

- О, не переживай. Даже если он может сказать, я почти не сомневаюсь, что он сбежит, чтобы разорвать вашу связь. - Он смеется, а я хмурюсь. - Не

говори мне, что ты по-прежнему глупо думаешь, что связь не может быть разорвана?

Его вопрос раздувается в моем уме, отказываясь впитываться.

Я не могу в это поверить.

Я не верю в это.

Астон вздыхает.

- Честно, разве я ничему тебя не научил? - Он указывает на ряд двадцати девяти симметрических отверстий в его плече. - Все может быть сломано, Одри.

Глава 15

Вейн

Я был на некоторых довольно неловких первых свиданиях в моей жизни... большинство которых было невероятно разрушены Одри в ее дни компаньонки из ада. Но встреча с Девочкой, с которой я Отменил Свою Помолвку и с половиной Сил Бури, выглядящих так, будто они выигрывают приз в течение Самого Смехотворно Неудобного Моментa в Истории Неудобных Моментов.

Я имею в виду, что они думают, я собираюсь делать? Увидеть, как горяча Солана и припасть на одно колено, прося ее выйти за меня замуж после всего? Или, может быть, мы просто должны сделать это прямо здесь. Этого не произойдет.

Хотя она горячее, чем я ожидал, я дам им это. И крошечное желтое платье, которое она надела, обтягивающее каждый изгиб, довольно сильно демонстрирующие изгибы, приятная черта. Но когда я смотрю на нее, все, что я думаю: нет.

Просто... нет.

Я делаю глубокий вдох, чтобы постараться сохранить спокойствие, но когда я поворачиваюсь к Озу и надеюсь увидеть его улыбку, я получаю удар поддых.

- Не могу поверить, что ты это сделал.

- Вейн, это не то, что ты ду...

- Не начинай, - предупреждаю я его. - Я не идиот, ладно? А ты, очевидно думаешь иначе, если решил, что я попадусь на это.

Теперь я дрожу, но я ничего не могу поделать.

Оз кладет руку мне на плечо.

- Я обещаю, Вейн. Солана здесь только для того, чтобы тренировать тебя.

- О, в самом деле? Забавно, потому что Фанг никогда не надевает сексуальное платье на наши занятия... значит это новая униформа Сил Бури? Вы все будете так одеваться с этого времени?

- Ну, я могу, если хочешь, - прерывает Гас, - хотя желтый действительно не мой цвет.

Если бы я не был так зол, то я, вероятно, рассмеялся бы. Вместо этого я просто впиваюсь взглядом в него прежде, чем резко дернуться от Оза.

- Найди нового тренера.

- Вейн!

- Найди нового тренера!

Повисает болезненная тишина, интересно, разрешат ли мне действительно кричать приказы капитану Бурь. Но я сделал это, не волнуясь.

Я действительно чувствую себя немного плохо, когда я смотрю на Солану. Она смотрит на землю, и ее лицо все красное и покрыто пятнами, как будто она пытается не заплакать.

Я ненавижу то, что я делаю ей больно... и я ненавижу Бури даже больше за то, что они поставили меня перед этой ситуацией.

Я тру виски, чувствую, как зарождается головная боль.

- Я не могу сегодня с этим разбираться. Позвони мне, когда найдешь настоящего тренера.

Затем я заворачиваюсь в ближайший восточный и отправляюсь в небо.

Я уверен, что кто-то попытается последовать за мной, таким образом, я добавляю дополнительные ветра, чтобы ускорить мой полет. Я понятия не имею, куда я иду... я просто должен уйти. Но, так или иначе я заканчиваю в последнем месте, в котором я действительно хочу быть. В месте, которого я пытался избежать.

Я дрожу, когда приземляюсь перед рассыпающейся, пострадавшей от огня лачугой, даже притом, что это самый жаркий день лета. Я думал, что место не могло выглядеть еще более отвратительно, но пальмовые ветви, которые раньше лежали на балках и служили крышей, сдуло, и везде кишат тараканы. Они хрустят под моими ногами, когда я пробиваюсь внутрь и нахожу больше грязи и хаоса. Листья, на которых раньше спала Одри, рассеяны по полу, так же груды гниющих туш животных, вероятно, это любезность ее глупого ястреба. Я вижу, что он наблюдает за мной с соседнего дерева.

Я должен попытаться очистить все, но я чувствую себя слишком больным. Больным от отсутствия сна.

Больным от того, что сталкиваюсь со всеми проблемами один.

Больным от того, что жду, что она скоро вернется.

- Не скоро! - кричу я, беря камень и швыряя его в треснувшее окно.

Конечно, я скучаю.

Глупый ястреб Одри визжит, когда я тянусь к другому.

- Не соблазняй меня! - кричу я, направляя камень в его серую голову.

Красно-оранжевые глаза Гэвина впиваются в меня на секунду. Тогда он бомбочкой падает ко мне.

Я кручусь и быстро наклоняю голову, ожидая, что он вырвет кусок моих волос, как он всегда делал, когда я был ребенком. Вместо этого он приземляется на мое запястье.

Я застываю.

Я ненавижу птиц... особенно эту.

Но, когда я всматриваюсь в глаза Гэвина, я понимаю, что он единственный, кто понимает, что я чувствую. Единственный, кто скучает по ней так же, как и я.

- Ты, должно быть, действительно в отчаянии, - шепчу я, когда коплю храбрость, чтобы погладить его перья. Я наполовину ожидаю, что он оторвет мне один из пальцев. Но он наклоняется к моей руке, поднимая голову, таким образом, я могу почесать его шею.

- Ну, по крайней мере у тебя сегодня появился один друг, - говорит Гас где-то позади меня, заставляя Гэвина снова визжать. - Я не могу сказать того же самого о Бурях.

Я закатываю глаза и поглаживаю Гэвина, чтобы успокоить его.

- Я предполагаю, что должен был знать, что ты будешь тем, кто последует за мной. Это твоя специальность, не так ли?

- Да, и поэтому я спас твою жизнь. Кстати, всегда, пожалуйста.

- Верно. Спасибо, что укусил меня. - Я держать за перемотанный мизинец. - Будем надеяться, что я не заражусь бешенством.

- Ничего себе, ты всегда такая заноза? Потому что я начинаю понимать, почему Одри понадобился перерыв.

Его слова жалят намного больше, чем он осознает, и я усиленно моргаю, чтобы заставить слезы уйти обратно.

- Смотри, - говорит Гас тихо, - я понимаю, что ты истощен, а Бури сильно на тебя давят. Но если бы ты просто дал им шанс...

- Если ты собираешься попытаться уговорить меня на обучение с Соланой, ты можешь сразу остановиться. Этого не будет.

- Знаю. Ты довольно ясно это показал, когда накричал на Оза... и тебе повезло, что он не погнал тебя через пустыню за непочтительное отношение к нему. Но я могу сказать, я не понимаю, что это за грандиозное дело.

Я закатываю глаза.

- Возможно, для тебя помолвки нормальны...

- Вообще-то нет. Вы с Соланой - первые. Были первыми. И это, Вейн. Ты это отменил. Все кончено.

- Да? Уверен, что, казалось, они пытались изменить свое решение сегодня.

- А что если и так? А что, ты боишься, что это сработает?

- Конечно, нет!

- Тогда, какое тебе дело?

- Ты не поймешь.

- Ты прав... я не понимаю. - Он вздыхает, тыкает ногами землю несколько раз, прежде чем что-то бормочет, - Солана - хорошая девушка. Она не заслуживает, чтобы с ней обращались подобным образом.

- Она тебе так нравится? Забирай.

- Я могу сам получить девушку, спасибо. Но, это так мило для тебя передать ее так.

- Я не имел это в виду. Я просто... - Гэвин слетает с руки, как будто даже он чувствует отвращение ко мне. - Нет, ты прав, я - идиот.

Гас не спорит.

Я опускаюсь на грязную землю, прислоняясь спиной к шероховатой стене.

- Я просто хочу получить контроль хоть над одной вещью в своей жизни.

- Но ты управляешь. Это то, что я пытаюсь сказать тебе. Я учился южному языку у этого сумасшедшего, старого воина из Бурь без передних зубов по имени Теман. Очевидно, он был более горячим, чем Солана... и все же, так или иначе, мне удалось не влюбиться в него.

Я не могу не улыбаться. И я знаю, что он прав, но...

Идея обучения с другой девушкой, кроме Одри чувствуется неправильно.

Особенно обучение с моей бывшей невестой.

Боже... я не могу поверить, что у меня есть бывшая невеста.

И все будут смотреть на нас, надеясь, что я передумаю. Что, если Солана считает также?

- Было нечестно, приводить Солану.

- Э-э, ты ведь так обошелся с ней сегодня, я уверен, что Солана не возьмет тебя, даже если ты будешь умолять.

Я чувствую, как мои щеки горят.

Он, наверное, прав.

Она должна была испытать столько же облегчения, сколько и я, то, что эта помолвка была аннулирована.

- Также это позор, - тихо добавляет Гас. - Вы, ребята, мог бы стать друзьями.

- Как-то я сомневаюсь.

- Нет, я так думаю. У вас много общего. Вы оба росли, не зная свою семью.

Вы оба знаете, каково это - Райден убивает людей, которых вы любите.

Дерьмо... я и забыл об этом.

Теперь я действительно чувствую себя скотиной.

Я вздыхаю.

- Так... ее отец раньше был царем до Райдена..?

- Что-то вроде того. - Гас отшвыривает пальмовые листья ногой и садится около меня. - Он был принцем. Но он и его жена были единственными, кто сбежал из дворца, когда напал Райден, таким образом, все в сопротивлении сочли его их королем, даже притом, что он был в бегах, перемещаясь каждые несколько недель.

Я многого не помню о своей жизни, но я действительно знаю, что очень не хотел жить в бегах. Всегда покидал место, как раз в то самое время, когда оно начало чувствоваться домом. Всегда оглядываешься через плечо, задаваясь вопросом, когда они найдут меня.

- Сколько лет было Солане, когда все это произошло?

- На самом деле, она еще не родилась. На самом деле, никто не знал, что у нас была новая принцесса до тех пор, пока не произошла королевская бойня.

У меня появляется чувство, что я могу предположить остальную часть истории, но я позволяю Гасу рассказать ее, так или иначе.

- Мы все еще не знаем, как Буреносцы нашли их. Даже Бури не знали, где они были, пока не пришло их эхо. Они следовали за ветрами обратно к месту сражения, и это было... ну, я услышал, что это был самый кровавый ужас, который кто-либо когда-либо видел. Единственным ключом к разгадке того, что произошло, было, сообщение, оставленное королевой, присоединившей к Южному свое последнее дыхание. В нем говорилось "найти дерево". Таким

образом, они обыскивали соседний лес, и глубоко в сердцевине, которую соткали тщательно ветви самого крепкого вяза, была маленькая корзина. Внутри лежала Солана. Спя в водовороте порывов, без понятия, что весь ее мир был просто уничтожен.

История довольно сходна с моей... хотя, по крайней мере, мне было достаточно лет, чтобы узнать моих родителей, прежде чем они умерли.

Ну... если бы я мог собрать мои воспоминания воедино.

- Как ты все это узнал? Вы с Соланой - друзья?

Гас отводит взгляд.

- Нет. Я виделся с ней всего дважды... хотя у наших семей есть кое-какая... история. Но все знают историю нашей последней принцессы. Точно так же, как все знают историю последнего Западного.

- Серьезно?

- Э, да. Ты что-то вроде великой истории, Вейн.

Я предполагаю, это не должно удивлять меня, учитывая все эти Королевские вещи. Но я не могу уложить все это по полочкам.

Я имею в виду... Я - это просто я.

- Ты все еще не понял? - спрашивает Гас, глядя на меня, как мой учитель алгебры, когда я говорил ему снова неверный ответ. - Ты - парень, которым мечтает быть каждый ребенок. Тот, который является общей надеждой на мировое спасение, таким образом, нам не нужно будет скитаться и прятаться, чтобы избегать Буреносцев... эй, расслабься, - говорит Гас, когда я встаю, чтобы начать расхаживать.

Но я должен двигаться. Я чувствую, что не могу дышать.

Я знал, что Бури рассчитывали на меня, и я знал, что было много людей, которые нуждались, в моей помощи. Но я никогда действительно не думал обо всем мире, смотрящем на меня как на их героя.

Это большое давление.

- Я не могу это сделать, Гас. Я не...

Не что?

Не достаточно храбрый?

Не достаточно сильный?

- Я не готов - наконец-то бормочу я.

- Ты думаешь, Бури не знают это? Почему Ты думаешь, что Фенг так сильно напрягает меня? И как ты думаешь, почему они выбрали Солану, чтобы обучать тебя... и не рассказали, чтобы согласовать с тобой. Да, я уверен, что это было частью. Но они также знают, что для тебя не будет легко приспособиться к твоей новой роли. И ты знаешь, кто понимает давление и обязанности лучше, чем кто-либо еще? Солана.

Я дуюсь на землю.

- Просто поговори с ней. Ты можешь быть удивлен тем, как сильно она может помочь тебе.

- Но...

Я понимаю, что я оправдываюсь.

Все, что у меня есть в запасе - то, чего я не хочу, и я больше даже не уверен, что это правда.

- Ладно, - бормочу я, отказываясь смотреть вверх и видеть самодовольную ухмылку Гаса. - Скажи Бурям, что я постараюсь учиться у нее. Но завтра. Сегодня вечером, мне нужен перерыв.

- Звучит справедливо, - соглашается Гас.

У меня есть ощущение, что я пожалею об этом. Но, по крайней мере, я получу шанс извиниться перед Соланой, за, то, как я вел себя.

Гас, ждет меня, чтобы вернуться к моему дому, но я не могу заставить свои ноги подчиниться. Моя мама будет там, ожидая, чтобы закончить нашу борьбу... и мне просто не до нее сегодня.

Я прислоняюсь к рушащейся стене, чувствуя, что острая штукатурка тыкает мою кожу.

- Я знаю, что это твоя работа - защитить меня, Гас, и я действительно ценю то, что ты делаешь. Но я схожу с ума здесь. Есть ли какой-нибудь способ, чтобы ты дал мне побыть одному всего несколько часов?

- Я не знаю, чувак, если ты заснешь, и что-то произойдет...

- Не буду. Я буду подпрыгивать все время, если тебе это нужно. - Я начинаю подскакивать и махать руками и успеваю сделать около двадцати до того, как выдыхаюсь. - Хорошо, возможно, я просто буду гулять или что-то в этом роде.

Гас смеется, когда я сгибаюсь, чтобы отдышаться.

- Это всегда настолько вдохновляющее - видеть нашего последнего воина в действии.

- Эй, хотел бы я на тебя посмотреть... вообще-то, не важно.

Гас, мог, вероятно, весь день подпрыгивать... а затем пробежать тридцать миль, чтобы остыть.

- Я найду способ не заснуть, - говорю я ему. - Просто, пожалуйста. Мне нужно немного пространства, или я потеряюсь.

Гас, закрывает глаза и протягивает руки.

- Ветры действительно чувствуются довольно спокойными прямо сейчас, таким образом, я думаю, что могу оставить тебя здесь и подальше от Фенга. Но ты мне должен.

Я не могу не улыбнуться.

- Звучит честно.

Он ждет, чтобы начал расхаживать перед тем, как он уходит, и через каждые несколько шагов он поворачивается, чтобы убедиться, что я все еще в движении. Я буду делать так до тех пор, пока он не уйдет. Затем я зову проект и закидываю себя на вершину ближайшей пальмы.

Я знаю, что я не достаточно высоко, чтобы почувствовать след Одри... но я должен попытаться, во всяком случае. Я должен найти какой-нибудь способ добраться до нее.

- Давай, Одри, - шепчу я, изо всех сил пытаюсь сосредоточиться и сохранить равновесие на шаткой пальмовой ветви. - Дай мне что-нибудь... я здесь умираю.

Я достаю свои чувства, насколько они могут выйти, и, почти как будто она слышит меня... или вселенная решает, наконец отрезать меня долбаный разрыв... я фактически чувствую что-то. Намек тепла проходит в бризе, который в пределах моей досягаемости.

Западный.

Это не ее след. Я на самом деле не знаю, что это такое.

Но оно есть.

Мой голос дрожит, когда я зову проект к себе, приказывая, чтобы он подлетел, медленный и устойчивый, таким образом, Бури не заметят движение. Теплые покалывающие увеличиваются, когда проект приближается... и когда он, наконец, приходит ко мне, я могу почувствовать, что это утомленный ветер, поет о долгом путешествии и бремени, которое он несет.

Шепотом сообщения от Одри.

Слезы колют мне глаза.

Она, наконец, дотягивается до меня.

Может, она расскажет мне, где она.

Может быть, она на самом деле возвращается домой.

Я задерживаю дыхание, когда ветерок распутывается, выпуская слова Одри вплетенные внутри.

Только два слова... и не те, на которые я надеялась.

Не те, которые я даже не знаю, как понимать.

Я слушаю сообщение снова и снова, но оно по-прежнему не имеет смысла.

Она могла бы сказать мне что угодно в мире. А она захотела мне сказать: я сожалею.

Глава 16

Одри

- Ты смотришь в пространство уже слишком долго, я начинаю волноваться, - говорит Астон, щелкая пальцами перед моими глазами. Проекты в пещере исчезают, оставляя нас внутри в тишине.

Астон вздыхает, когда я ничего не говорю.

- Я не понимаю, почему ты так расстроена. Просто, потому, что связь может быть разорвана, не означает, что так будет... и, учитывая, что твой маленький друг не сдерживал себя, я не думаю, что ты должна волноваться о том, что он выберет свободу. Конечно, если ты на это не надеешься.

- Нет!

Слово отзывается эхом от стен пещеры, и я сосредотачиваюсь на напряжении в моей груди, ненавидя, что-то чувство теперь исчезает, когда Астон снова отрезает меня от ветра.

Моя связь - единственное, что я думала, никто не сможет отнять.

Бурям, возможно, не понравится.

Вейн может решить, я не заслуживаю ее больше.

Но она должна быть постоянной.

Если ее можно сломать, тогда...

Я даже не знаю, как закончить это предложение.

- Как? - наконец могу спросить я. - Как ты ломаешь связь?

- Это зависит от ситуации. Если ты сам делаешь это, то это немного похоже на перемену. Твои инстинкты ведут тебя и все, что ты делаешь - слушаешь... и страдаешь от боли. Если кто-то делает это за тебя, ну, в общем, у меня никогда не было особого удовольствия, но я видел, как Райден делает это достаточно раз, чтобы знать, что это... неприятно.

Он встает, оставляя следы в песке, когда двигается к входу в пещеру и смотрит на небо. Дневное солнце просачивается сквозь его раны, и я не могу не чувствовать жалость к нему.

Он - жертва, не злодей.

- Отпусти меня, - шепчу я. - Ты знаешь, каково это - удерживаться против воли. Ты действительно собираешься сделать это со мной?

Он так долго молчит, солнце опускается над океаном. Это тусклый серо-голубой закат, он окрашивает весь мир в тень.

- Хорошая попытка, - говорит Астон, что когда он, наконец, поворачивается ко мне спиной. - Взывать к моей совести - умный ход, я не ожидал. Но ты кое-что забываешь.

Он рычит слово, и ветры связывают меня, затягиваются, врезаюсь в мою кожу.

- У меня нет совести.

Путы сжимаются сильнее, и я едва могу удержаться от крика. Но я все еще не верю ему.

Он спас мою жизнь. Вылечил мою рану.

Должен быть способ достучаться до него.

Таким образом, я не борюсь, страдая в тишине, когда он блуждает по пещере, собирая крошечных зеленых крабов, ползающих по скалам. Он связывает их в своем плаще и несет их ко входу, где он рявкает острое слово, и маленькая грудка высушенных морских водорослей раздражается огнем.

Он бросает горстку крабов в огонь, и они крутятся и дергаются в течение нескольких секунд перед тем, как лечь и умереть.

- Я сожалею о том, что вышел из себя, - говорит он, залезая рукой прямо в огонь, чтобы схватить иссушенные тела. - Давай не позволим этому испортить наш прекрасный обед, а?

Он шипит команду, которая расслабляет ветры, связывающие меня.

Я пытаюсь передвинуться в более удобное положение, но все, что я действительно могу сделать, это переместить мой вес на камни в моем кармане, они впиваются мне в ногу.

Он приближается с горсткой жареных крабов, суя их мне под нос.

- Они на вкус лучше, чем выглядят.

Так или иначе, я сомневаюсь относительно этого. Крошечное, опаленное тело похоже на одного из пауков, которых я раньше находила в моей постели их пальмовых листов.

Но даже если они на вкус как чизбургер, который Вейн купил для меня в тот сумасшедший, снисходительный день, я нашла бы способ сопротивляться. У

меня не может быть большой связи с землей. Не тогда, когда любой второй Астон может призвать к моей сущности и раскрошить меня в пыль.

- Я не ем, - говорю я ему.

- Ах да, жизнь опекуна в лишениях. Как я не скучаю по тем временам. - Он сует краба в рот, хрустя длинными, тонкими, почерневшими ножками. - Еще одно преимущество методов Райдена. Никаких требуемых жертв.

- Если не считать разрушение ветров и взятие жизней невинных людей и потерю твоего здравомыслия.

- Возможно, - соглашается он, хрустя другим крабом. Он садится напротив меня. - Но интересно, могла бы ты придерживаться своих принципов, когда они стоят тебе того, что ты любишь. Не твоей собственной жизни... я видел достаточно, чтобы знать, что ты об этом не будешь волноваться. Но что относительно мальчишки? Если Райдет даст тебе выбор: разрушь ветер или король умрет. Чтобы ты выбрала?

- Всегда есть другой вариант.

- Поверь мне, Райден - мастер по контролю за всеми переменными. - Он указывает на двадцать девять отверстий в его плече. - Выбирай!

- Но это не логическое сравнение. Конечно, я бы спасла Вейна... он - последний Западный. Его защита - спасет всех нас.

- Интересно.

Он шипит что-то, что огонь тухнет, оставляя нас в темноте. Мои глаза медленно приспосабливаются к тусклому свету, и я вижу, что он наблюдает за мной, когда заканчивает свой обед. Но он не говорит ничего другого.

В конечном счете, я сдаюсь и спрашиваю:

- Почему это интересно?

- Много причин. Но главным образом потому, что ты, кажется, не видишь того факта, что ты знаешь Западный. Таким образом, ты так же способна на спасение всех, как и он.

- Я...

Не могу поверить, что он прав.

И я хочу утверждать, что Вейн еще более влиятелен, потому что Западный - это его биологическое наследие. Но... также ему стало известно о его наследии только несколько недель назад. Между тем у меня есть целая жизнь знаний... плюс десятилетия обучения другим ветрам.

- Я могу сказать, что просто взорвал твой ум, - говорит Астон, смеясь, когда он глотает последнего целого краба. - Хотя вот, что я считаю еще более интригующими, что ты здесь... одна из всего двух человек во всем мире, которые способны использовать силу четырех. И ты привязана к скале, полностью на моей милости.

Стыд заставляет мое лицо гореть.

- Это не твоя ошибка, - добавляет он спокойно. - Никто не смог бы избить меня. Это то, что я продолжаю пытаться сказать тебе. Бури не могут победить... даже с силой четырех. Ты все забываешь, что в течение шести лет Райден считал, что Вейн мертв, и что четвертый язык - потерян. Ты думаешь,

что он просто откинулся на своих лаврах, дуясь, потому что он упустил свой шанс? Или ты думаешь, что он нашел лучший путь?

Он протягивает руку, пропуская лунный свет светить сквозь его кожу.

Сила боли.

- Но... тогда, зачем Райден хочет уничтожить Вейна?

Он неустанно искал его в течение четырех лет... посылал двух своих лучших Буреносцев за ним.

- Потому что он всегда хочет больше, Одри. И если разбивать три ветра - заставляет его быть мощнее, почему бы не сломать и четвертый и получить окончательный контроль? Это жадность, не страх.

Я вздыхаю.

Может быть, он прав.

Может быть, бой уже проигран.

Но...

Я смотрю наружу из пещеры, звезды медленно выглядывают из-за бархатисто-черного неба.

Я не знаю, почему я всегда обращаюсь к ним. Все они дают мелкие уколы мерцающего света, едва хватающего, чтобы пробить брешь в темноте.

Но они всегда там.

Мерцают сами по себе.

Ведут всех до рассвета.

И солнце всегда поднимается.

- Здесь тебе лучше, - настаивает Астон, как будто он знает то, о чем я думаю.

- Лучше не тратить свою жизнь по безнадежной причине. Через несколько месяцев, годов, однако это займет много времени, Райден разрушит мир. И ты будешь радоваться, что ты здесь в безопасности. Прячешься в тених.

- Если это правда, то я бы умерла с остальной частью добра, чем живя в пустоте без нее.

Я поворачиваюсь, чтобы изучить его лицо. Его лицо - картина расстройства и жалости. Но я клянусь, что также присутствует намек уважения.

Это длится всего секунду. Потом он ухмыляется и говорит:

- Ну, тогда я предполагаю, что это - хорошо, что я не даю тебе выбора.

Я не утруждаю себя ответом.

Он никогда не позволит мне уйти.

Не тогда, когда он так убежден, что он прав, а я нет, и все восстание - потраченное впустую усилие.

Единственное, как я могу получить мою свободу - это бороться за нее... выкрасть ее. И я, возможно, так и сделаю... хотя это было бы огромным риском. Но если я...

- Как на счет еще одной песни? - спрашивает Астон. - Ты знаешь, как заполнить неловкое молчание? Мне так понравился твой хрупкий голос.

- И что я получу взамен?

- Хм. Ну, я могу указать, что как твой похититель, я ничего не должен давать тебе. Но я предполагаю, если ты захочешь превратить это в игру, я буду кусаться. Что ты примешь как справедливую цену за песню?

Я тщательно подбираю ответ, хотя есть действительно только одна вещь, которая мне нужна.

- Развяжи меня.

Он щелкает языком.

- Прости, милая, я не так прост. Ну, не когда дело доходит до этого, по крайней мере.

Я закатываю глаза.

- Если ты такой сильный, как утверждаешь, ты не должен нуждаться в путях, чтобы держать меня здесь.

- Если ты не планируешь сбежать, у тебя не должно быть с этим проблем.

- Ты прав, это не может иметь никакого отношения к факту, что я не чувствую ног.

Я перемещаю свой вес, и дрожь показывает мою точку зрения.

- Нет. Выбери что-нибудь еще.

- Больше я ничего не хочу.

- Тогда я предполагаю, что мы не придем к соглашению.

- Тогда, думаю, ты насладишься тишиной.

Я откидываюсь назад и закрываю глаза.

Проходит несколько минут. Так много, что я начинаю волноваться, что боролась слишком сильно.

Наконец он вздыхает.

- Ладно, отлично... новое предложение. Я развяжу тебя... после того, как ты споешь мне песню. Но я хочу Западную песню.

Во рту пересыхает.

- О, расслабься. Если бы Райден знал, как поглотить язык, просто его услышав, он бы уже знал Западный к настоящему времени.

- Тогда почему...?

- Я просто... хочу услышать эти слова снова.

Я не пропускаю слово "снова". Но я могу прочитать предупреждением в его глазах, чтобы спросить его - не очень хорошая идея.

Я могу едва обрести дар речи, чтобы прошептать:

- Идет.

- Отлично. И лучше бы тебе выбрать какую-нибудь хорошую.

Я знаю, точно, какую песню я буду петь. Песню, которая висела в воздухе большую часть моего путешествия эти последние несколько недель, давая мне надежду и подстрекая меня. Наполняя меня теплым миром, который несут только Западные.

Но внезапно я чувствую, что стесняюсь. Единственные люди, перед которыми я когда-либо пела, были моими родителями. Главным образом мой отец, который был настоящим талантом в семье. Мы всегда пели дуэтом.

Я закрываю глаза, представляя отца, стоящего рядом со мной, напевающего, когда я пою слова на Западном языке:

Взбираясь сквозь тучи, птицы летят.

Игнорируя бури, которые пытаются разрушить небо.

Пикируй вниз в лучах заходящего солнца.

Навсегда.

И никогда.

Никогда не позволяй дню уйти.

Никогда.

Никогда не ныряй сквозь звезды к земле, далеко внизу.

Несись через места, по которым никто больше не отважится пройти.

Не погружайся в пучину морскую.

Всегда.

Никогда.

Найди путь, который освободит тебя.

Навсегда.

И никогда.

Последняя нота повисает в воздухе, когда я открываю глаза и вижу, чтобы Астон вытирает слезы.

- Я знаю, что ты не переведешь ее для меня, - говорит он, прочищая горло, - но ты можешь сказать мне, о чем эта песня?

Это сложный вопрос.

Песни ветров неопределенные и относительные. Все интерпретируют их по-своему.

- Речь идет о том, как найти мир. И не бояться.

- Спасибо, - шепчет он.

Ему требуется несколько минут, чтобы собраться с мыслями. Потом он встает, отряхивая от пыли штаны.

- Думаю, что должен выполнить свою часть сделки.

Он приседает передо мной, пристально глядя на меня, когда он указывает на зеленоватые ветры, связывающие меня.

- Ты будешь хорошей девочкой, верно?

Я киваю.

Но я проверяю, что мои руки как можно ближе к моим карманам, как я могу. У меня для этого только один шанс.

Он приказывает порыву уйти.

- Спасибо, - говорю я, улыбаясь, чтобы ввести его в заблуждение, когда я начинаю вставать... и в том же самом движении я хватаю кусок камня из своего кармана и сбиваю Астона на землю, прижимая его моими ногами, в то время как я прижимаю острый край к его шее.

Делай это! кричит в моей голове, зная, что у меня есть в запасе всего несколько секунд. Перережь его голосовые связки и беги.

Но когда я вижу кровь, которая сочится из раны от камня, и я представляю, как выходит больше крови, нанося удар, разрезая и крадя его голос, и вероятно, и его жизнь. Голова кружится, тело трясет, и я хочу бросить, упасть в обморок, кричать, бежать, сжаться в крошечный шар и никогда не вставать снова.

Я начинаю колебаться, и он отпихивает меня назад, выбивая мое единственное оружие ударом. Я должна встать... продолжить бороться. Но я

слишком больна, чтобы двигаться. Я закрываю глаза, чувствуя, как пот течет вниз по моему лицу, когда я жду, что он прикончит меня.

- Думаю, что это не шло согласно плану, сейчас, не так ли? - говорит он, когда забирает меня и несет через пещеру.

Я дрожу слишком сильно, чтобы говорить... не то, чтобы у меня есть, что сказать.

Западное влияние Вейна намного глубже, чем я осознавала. Я надеюсь, что это означает, что оно даст мне силу, когда я должна буду защитить язык. Но как я могу сражаться как опекун, если я не могу сделать ничего жестокого? Астон шипит слово, и огонь возвращается к жизни около входа. Я наполовину ожидаю, что он сожжет меня заживо, но он опускает меня рядом с ним, накидывая свой плащ на мои плечи, прежде чем он уходит, чтобы встать с другой стороны огня. Блокируя выход.

- Должен признать... это фактически было довольно блестящим планом. И, вероятно, сработало бы, если бы ты не забыла, что связана с Западным! - Он держит камень, который я использовала, и у меня кружится голова просто от вида кровавых точек. Он качает головой и бросает его в огонь. - Ты почти убила меня.

Я вынуждаю себя посмотреть ему в глаза.

- Я не хотела причинять тебе боль. Но я не могу остаться здесь. Вейн нуждается во мне. Бури...

- Бури никогда не победят!

- Тогда я умру вместе с ними.

Он бормочет что-то, что я не могу понять, и я напрягаюсь, ожидая какого-нибудь разрушающего нападения ветра. Вместо этого нормальные проекты врываються. Он посылает рой Восточных мне, и они чистят мою кожу, сушат мой пот и разделяют свою энергию.

- Иди, - говорит Астон спокойно.

Я поворачиваюсь, чтобы смотреть на него, и он закатывает глаза.

- Если ты готова отрезать мою голову унылым камнем, тогда лучше, чтобы тебя здесь не было. Я скорее привязан к голове. Поэтому уходи. Боритесь с бессмысленной борьбой. Умри с другими. Но сделай себе одолжение.

Пройди по Долине Смерти. Это на восток отсюда, где у Райдена есть его... фактически, я не разрушу сюрприз. Просто ищи приплывающие камни, и ты выяснишь то, что я имею в виду. И возможно если ты увидишь то, что Райден делает с партизанами, то ты, наконец, схватишь своего маленького друга и понесешься сломя голову в середину нигде, надеясь, что Буреносцы никогда тебя не найдут.

Я не могу поверить, что он позволяет мне уйти. Но я не собираюсь давать ему шанс передумать. Его плащ падает на пол, когда я, шатаясь, встаю и брежу прочь.

- И если Райден когда-нибудь поймает тебя, ищи руководство, которое я вырезал на стене. Если ты будешь так умна, как я думаю, что оно подскажет тебе, как выпутаться.

Я останавливаюсь у входа в пещеру.

- Ты мог бы пойти со мной. Бури будут...

- Слишком поздно, чтобы спасти меня, любимая, - прерывает он. - Кроме того, как я могу покинуть такое прекрасное место?

- Если ты передумаешь...

- Нет. И я не пойду рассказывать всем, где я. В следующий раз, когда я найду незнакомца на своем пляже, можешь держать пари, что я сначала убью его, а потом буду задавать вопросы.

- Ваша война в безопасности со мной, - обещаю я.

Потом я поворачиваюсь и выхожу из пещеры.

Делая мои первые шаги к свободе.

Глава 17

Вейн

Извинение Одри играет в моей голове на автоповторении всю ночь, и у меня все еще нет долбаной идеи, что она имеет в виду.

Прости за что?

И зачем посылать Западный, чтобы сказать мне это?

Почему она просто не пришла домой?

Но есть худший вопрос, гноящийся в глубине моего сознания.

Я пытаюсь держать его там, пытаюсь запереть его и притвориться, что его не существует, так я не должен буду отвечать на него. Но когда я гляжу из моего окна на пустое небо, я шепчу это мимолетному бризу.

- Она расстанется со мной?

Слова должны казаться глупыми. Мы связаны. Конечно, она хочет быть со мной.

- Но... тогда почему она не здесь?

Моя комната начинает вращаться, и я должен выйти.

Я обдираю плечо, когда я поднимаюсь из моего окна, но я только чувствую боль. Ужасающая нечувствительность раздувается во мне, когда мое тело уже принимает то, с чем моя голова борется и сопротивляется.

Я должен сильнее бороться.

- Куда же ты направляешься? - зовет Фенг, когда я бегу по траве.

Честно, я понятия не имею, но я протискиваюсь мимо него и направляюсь в финиковую рощу.

Я предполагаю, что не должен быть удивлен, когда он следует за мной. Или когда я возвращаюсь назад к сожженной лачуге. Но если я надеялся найти другое сообщение... которое волшебным образом объясняет все... я полностью разочарован.

Ничего нет.

Никакого тепла на ветру. Никаких пучков проекта, который я чувствовал ранее. Я не могу даже почувствовать напряжение нашей связи, но я не могу сказать, это просто, потому что я чертовски устал или потому что она наконец убежала достаточно далеко, чтобы вырваться на свободу.

Я не позволю уйти ей настолько легко.

Я достигаю ветров и спутываю их вокруг меня. Я должен найти ее.
Исправить это.

Мои ноги едва отрываются от земли, прежде чем кто-то хватает меня.

- О чем ты думаешь? - кричит Фенг, когда я пытаюсь вырваться от него. - Ты сошел с ума?

Может быть.

Или, может быть, это сон... еще один трюк Райдена, чтобы заманить меня в ловушку... и мне просто необходимо найти способ освободиться от него.

Я кусаю себя за палец, ожидая резкой боли, чтобы вырваться.

Все это дает мне кровавую рану и железный вкус на языке.

- Эй, - говорит Фенг, таща меня за руку. - Скажи мне, что не так. Дай мне помочь тебе.

Доброта в его голосе настолько не по Фенговски... это должно означать, это не реально.

Но... это слишком больно быть фальшивкой.

Я перестаю бороться, и Фенг ослабляет свою хватку и позволяет мне отползти в угол. Я хватаю несколько пальмовых листьев, которые Одри использовала для сна, и сворачиваюсь калачиком с ними, не заботясь о том, что они покрыты жуками. Даже если бы я смог убежать от Фенга, что я собираюсь делать? Летать по всему миру, надеясь, что смогу разыскать ее?

- А что потом?

Просить ее, чтобы она вернулась со мной обратно?

Я бы стал просить. Она стоит этого.

Она стоит всего.

Но я знаю, что это не поможет. Как только Одри решится...

Она решится?

Я не знаю.

Я не хочу знать.

Я также устал, чтобы думать больше. Пусть ветра Райдена найдут меня... кошмары не могут быть хуже, чем это....

Я могу услышать Фенга, кричащего на меня снова, но его голос слишком далеко. Я не могу понять его. В какой-то момент я также слышу других вокруг меня, но у меня нет энергии слушать. Я просто хочу спать.

Может быть, я загадал желание, потому что я чувствую себя странно, теплый ветерок течет в мой разум, наполняя меня своей сладкой лихорадкой. И когда он обвивается вокруг моей головы, я чувствую памяти распутывается от хаоса.

Белый, заснеженный лес. Холодный и тихий, и путь более мокрый и скользкий, чем я ожидал. Я без сапог или пальто, и мои пальцы рук и ног заледенели, но сейчас мне просто необходимо уйти.

Снег просачивается сквозь мои джинсы, окутывая мои худые оцепенелые ноги... но он чувствуется хорошо, чтобы быть снаружи, после стольких дней в ловушке в помещении.

Я никогда не вернусь в ту каюту снова.

Больше не прячусь от ветра.

Больше не слушая моих родителей, пробиваюсь через стены, пытаюсь угадать, почему я постоянно слышу свое имя.

Я бегу, пока мои легкие не чувствуются готовыми взорваться, и когда я останавливаюсь, чтобы отдышаться, я дрожу так сильно, мои зубы стучат. Я обнимаю себя, пытаюсь согреться, но я не привык к такому виду погоды. Худшее, что у меня было, это облачный день.

Новый снег начинает падать, и я снова начинаю двигаться, пытаюсь найти своего рода приют от шторма. Но деревья слишком тонкие... их ветви слишком слабые и худые, чтобы дать мне какую-нибудь защиту. И чем дальше я бегу, тем более усталым я становлюсь, пока я едва могу поднять ноги через толстые черпаки снега.

Я должен вернуться... даже если это заставляет меня хотеть плакать.

Я поворачиваюсь, чтобы вернуться той же дорогой, но не могу найти следы. Все гладко и бело и смотрит точно так же, и чем больше я пытаюсь найти свой путь, тем больше я путаюсь.

Я зову на помощь, но снег приглушает мои слова, и даже когда я кричу во все горло, я знаю, что они никогда не услышат меня в доме.

Они, вероятно, даже не поняли, что я ухожу.

Снег падает сильнее, и я спотыкаюсь, бродя кругами, в поисках чего угодно, что может сказать мне, где я нахожусь. Все это выглядит одинаково... пусто и страшно, и мне хочется плакать, но моих глаза, слишком замерзли, так что я бегу так быстро, как могу.

Я не помню деталей. Я не чувствую своих ног. Но я помню, что боль в моей голове, когда я падаю, свет мигает, позади моих глаз. Я пытаюсь двигаться, но я не могу... все, что я могу сделать, это смотреть, как красные пятна на снегу растут, когда я считаю мои тяжелые вздохи.

Я не знаю, как долго я лежу, но я знаю, дрожь останавливается. Я чувствую, как биение моего сердца замедляется, и я закрываю глаза и позволяю себе плыть по ледяному ветру.

- Вейн?

Мягкий голос похожим на сон. Я хочу ответить, но рот не работает.

Максимум, что я могу сделать, это открыть глаза.

В темноволосая девушка, садится на корточки передо мной, смотрит на меня темными, обеспокоенными глазами.

Я не знаю ее имени, но я знаю ее. Она живет с людьми, которые вытащили нас из нашего дома посреди ночи. Кто сказал нам, что мы должны доверять им, если мы хотим остаться в живых. Кто приказал нам оставаться внутри, и которые продолжают заставлять нас переселяться в новые дома каждые несколько недель.

Я ненавижу эту девочку... и я ненавижу ее родителей еще сильнее.

Но когда она укрывает меня своей курткой и прижимает свое теплую руку к моей щеке, я нахожу в себе силы прошептать: - не бросай меня.

- Не брошу, - шепчет она в ответ.

И она не бросает.

Она сидит рядом со мной, держа меня за руку, зовя помощь, пока ее папа, наконец, не находит нас и не несет меня обратно в хижину. И она держит меня за руку, когда мама плачет, а папа кричит на меня за то, что я сбежал, и все заворачивают меня в одеяла и заматывают мою голову.

Даже когда они заканчивают со мной, и я лежу рядом с огнем, я и сейчас чувствую, как она держит мою руку.

- Останься, - шепчу я, боясь остаться в одиночестве.

- Останусь, - обещает она, садясь рядом со мной.

Я все еще чувствую ее тепло, когда уплываю в сон.

Глава 18

Одри

Мне не следовало этого делать.

Я должна мчаться назад к безопасности Бурь.

К Вейну.

Я думаю, куда это я направляюсь. Я даже пропускаю первую дорогу, которая могла бы направить меня на восток.

Но как только она оказывает позади меня, страх, который привил Астон, начал пускать корни, заставляя меня задаться вопросом, поворачивалась ли я спиной к чему-то решающему. И когда вторая серая, извилистая дорога появляется ниже, рой Восточных путается вокруг меня, таща меня к неизвестному.

Сначала я пытаюсь сопротивляться им, но потом я слышу знакомую мелодию песни своего отца в воздухе. Лирическое добавление, песня храбрости, поиска правды и продолжения борьбы. Но главным образом она была о доверии к ветру.

Таким образом, я позволяю ветрам тянуть меня на восток. Двигая меня к долине смерти.

Я дрейфую с Восточными большую часть пути, но когда я прохожу мимо пылающей башни в небольшом, отрывочном городе, я приземляюсь и отсылаю проекты. Странная структура - очевидно "Самый большой Термометр в мире", и у этого есть круглый, красный знак в основании, который гласит **ВОРОТА ДОЛИНЫ СМЕРТИ**.

Отсюда нет пути назад.

Я зову три Западных, чтобы нести меня остальную часть моего пути. Если появятся Буреносцы там, куда я иду, то я должна буду проникнуть незамеченной, и полет, а Западными скроет мой след. Никто не сможет понять их слова.

Их мирные песни успокаивают мои нервы, когда я начинаю подниматься обратно в небо, после пустой дороги в горы. Солнце начинает подниматься, когда я достигаю самого высокого пика, разрисовывая всю долину оранжевым и розовым цветом. Это должно быть захватывающий дух вид... и во многих отношениях это так. Но все в этом месте кричит имя Райдена.

Выжженные, пустые дюны.

Неустойчивые вихри в небе.

Здесь нет мира. Нет спокойствия.

Только бесконечная борьба за выживание.

И это массив. Протянувшийся на много миль в любом направлении до тех пор, пока пустыня не встречает темные скалы гор.

Я прошу сильнейшие Западные соткать мне щит, когда я плыву в направлении ближайшего пика и приземляюсь возле руин шахты, пытаюсь выяснить, где начать поиски.

- Давай, Восточные... вы хотели, чтобы я пришла сюда. Какая-нибудь помощь?

Нет ответа.

Несколько следов отмечают белую, меловую землю, и подо мной несколько рушащихся зданий, но очевидно, что никто не подходил к этому месту очень долгое время. Фактически, я не видела ни одну из отвратительных машин, дымящих вдоль дороги. Никаких палаток или поселений у путей. Это, похоже, что всю долину оставили... и я не могу сказать, что виню их. Даже в начале дня жар почти душит.

Я закрываю глаза и слушаю ветры, надеясь найти мелодию о плавающих камнях, о которых упомянул Астон. Но они поют только о солнце и тихой пустоте полета в одиночку. Я собираюсь двигаться вперед, если найду один проект, поющий о бесах и играх.

Если бы существовал способ подвести итог Райдену, все будет хорошо.

Я зову его к себе и прошу, отнести меня туда, куда нужно.

Северные устал и не желает повиноваться. Но я прошу снова... на этот раз тверже, и он несет меня над отрезками потрескавшейся земли и катящихся дюн, пока он не охватывает ряд гор и опускает меня в широкий бассейн с плоским белым грунтом. Резкий запах соли скользит по воздуху, и я понимаю, что нахожусь в пересохшем дне озера. Остаток времени, когда эта долина, должно быть, была более пышной. Более дружелюбной.

До того как это все засохло.

Это вызывает во мне чувство неловкости, находиться ниже уровня моря, когда я уже снизилась слишком далеко от чистого воздуха выше. Но я сдерживаю желание убежать наверх и проложить свой путь через острые, соленые образования до тех пор, пока я не достигну знака того, что скажет мне, где я нахожусь.

ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА ДЬЯВОЛА.

Это должно быть тем, что проект означал, черти и игры... не свинец я надеялась.

Ветры намного бесполезнее здесь, шепчущие свои песни так мягко, что я должна напрячься, чтобы услышать их. Они бегут стремглав далеко от меня, прежде чем я могу позвать их к себе. Один порыв упоминает место, где ветер заканчивается, но когда я прошу, чтобы он взял меня туда, он проносится в безоблачное небо, прежде чем команда полностью покидает мои губы. Таким образом, я возвращаюсь через бассейн, пересекая землю, она трескается как соты, когда я пытаюсь найти более устойчивые проекты.

Душный жар покидает меня, впитывая пот и покрывая коркой соли и песка. Я начинаю волноваться, что я трачу впустую свое время, когда я ловлю заключительную часть Западного бриза, поющего о камнях, которые вползают и ползают самостоятельно. Я зову проект к себе, с облегчением, когда он повинуется. И когда я слушаю неравную мелодию, я знаю, что нахожу то, в чем я нуждаюсь.

Песня начинается как баллада о валунах, которые запечатывают их собственные следы в земле. Но она заканчивается как плач, оплакивая неопишную потерю в долине неподвижности и печали. Западные чувствуются особенно, отказываясь взять меня туда, но когда я добавляю просьбу до конца моей командой, они сжимает свою хватку и поднимают меня в небо.

Воздух становится более тяжелым, когда мы летим, когда он пытается прижать меня к земле. И когда я вхожу в плоский бассейн, небо становится ноюще пустым.

Проект несет и несет меня в панике.

Я держу их под контролем достаточно долго, чтобы приземлиться на бледную, потрескавшуюся землю, но как только ветры отпускают меня, они в ужасе улетают прочь. Мой западный щит так же неудобен, но я прошу не оставлять меня, и он хочет остаться, обхватывая меня еще крепче.

Я не виню ветры в их страхах. Неестественная жуткая неподвижность. Тут не спокойно. Те всегда соединяются с тишиной... и кольца бассейна трутся с душераздирающим визгом. Как будто все грубое и ужасное копится и разрывается. Я пытаюсь найти источник хаоса, но все, что я вижу, это большие валуны, беспорядочно рассеянные по выжженной земле. Изогнутые линии пролегают по земле, отмечая их блуждающую поездку через бассейн. Они должны быть приплывающими камнями.

Но где Буреносцы?

Большие трещины глубоко бороздят гору вдоль бесплодных земель, и я предполагаю, что солдаты Райдена должны скрываться где-нибудь в тех тенях. Но я не могу сказать где, и пока я не уверена, я должна оставаться скрытой. На сей раз я не совершу ошибок.

Я нахожу узкую щель в самом близком предгорье и ползу внутрь, спускаясь с глаз долой. Если Буреносцы будут здесь, то они покажут себя в конечном итоге. Я просто должна быть терпеливой.

Это нелегко. Жгучее дневное солнце заставляет зубчатые камни, к которым я прижата, чувствоваться горящими углями. Даже тень не обеспечивает облегчения.

Я отвлекаюсь, повторно заплетая мои волосы, удивленная тем, как хорошо это чувствуется, снова быть в стиле опекуна. В течение многих лет коса была почти болезненной. Тянуло слишком сильно и оказывало слишком большого количества давления на меня. Но теперь она чувствуется естественно.

Это чувствуется хорошо.

Мне только жаль, что у меня не было шанса забрать мой кулон опекуна от туда, куда Астон бросил его на пляже. Хотелось бы надеяться, что Бури дадут мне другой.

Предполагается, что они дадут мне возможность продолжить мою службу... Честно, возможно, что они поручат опекуну защищать меня... что слишком странно для меня.

Мою жизнь никогда не нужно было бережно хранить. Я просто жила, чтобы служить другим.

Но теперь я Западная... что-то в этом роде. Я связана с королем.

Все изменится.

Я мысленно пробегаюсь по списку Бурь, с которыми я знакома, пытаюсь решить, кого же я бы предпочла... но раскат грома возвращает меня к реальности.

Я ошеломленно смотрю, узнавая тяжелые серые облака, покрывающие небо. Несколько минут назад это был четкий участок синего.

Вспыхивает молния, и я наклоняюсь вперед, чтобы лучше рассмотреть на долину, засасывая в себя дыхание, когда я вижу двух буреносцев рядом, дислоцирующихся за широкой трещиной в плохих землях. Их серые мундиры еще темнее выглядят пятнами на их руках, маркируя их внутреннее грозное облако.

Снова раскаты грома, и в ослепительной вспышке молнии полосы с неба идут вниз... прямо рядом с человеком, который, кажется, появился из ниоткуда.

Одетый с головы до пят в белый плащ с его длинными белокурыми волосами, кружащимися вокруг его лица, он похож на богов из древних мифов и легенд.

Я знаю, кто он даже до того, как Буреносцы припадают на одно колено. Кланяясь своему лидеру.

Глава 19

Вейн

Я просыпаюсь в своей постели, не знаю, как я туда попал. Моя голова - пятно, а мои воспоминания даже размыты. Но я очень хорошо понимаю, что руки обвилились вокруг меня.

Я потягиваюсь, и все что я вижу светлые волнистые волосы.

- Какого хрена? - кричу я, вскакивая на ноги.

Я успокаиваюсь, когда вижу, что я по-прежнему одет во вчерашнюю одежду, но как, черт побери, Солана оказалась в моей постели?

И то, что произошло, пока она была здесь???

- Нормально, - говорит она, садясь и расчесывая волосы, не глядя на меня, как будто это совершенно нормально, что мы только что провели эту ночь вместе. По крайней мере, она тоже одета... хотя я не знаю, если ее маленькое платье действительно имеет значение. Я уверен, что моя мама...

- О, Боже... ты должна уйти. Моя мама взбесится.

Я поселюсь здесь на всю оставшуюся вечность, и она заставит меня сидеть после школы на специальных лекциях о подростковой беременности и болезнях, передающихся половым путем и...

- Вообще-то, твоя мама знает, что я здесь.

- Что?

- Она настояла, чтобы я осталась на покрывале, и нам пришлось держать дверь открытой.

- Ладно, что?

Я оборачиваюсь, и конечно же, моя дверь открыта. И это определенно похоже на правила моей мамы, но... она даже не оставила бы в покое Одри и меня на несколько секунд.

- Она боролась с нами сначала, - признается Солана. - Но когда я объяснила, что могу помочь тебе спать, она согласилась.

Все еще. Я не могу даже...

- Подожди, я спал?

- А что ты думал, ты делал всю ночь?

Моя очередь краснеть.

- Я не знаю. Я был в каком-то беспорядке.

- Да, я заметила. - Она встает, смотрит вокруг, как будто она пытается решить уйти или нет.

Часть меня хочет, чтобы она ушла. Но я помню свое обещание Гасу.

Кроме того, она помогала мне спать... действительно очень долго. На моих часах 12:24, что позднее, чем моя мама когда-либо давали мне спать. Я до сих пор уставший, но самое страшное истощение исчезло.

Я провожу руками по волосам и сажусь на край кровати.

- Прости. Это все просто действительно странно.

- Я знаю, - бормочет Солана, разглаживая тонкую желтую ткань своего платья, заставляя его облегать ее изгибы еще больше. - Для меня также.

Она говорит последнюю часть так мягко, как будто она не хочет, чтобы я услышал ее. Но я слышу. И я чувствую себя еще хуже.

- Слушай, о вчерашнем...

Я даже не знаю, с чего начать. Я все еще пытаюсь понять тот факт, что она здесь. Складки на моей подушке отпечатались на ее щеке. Стоящей рядом со множеством свернутых боксеров, которые я никогда не потрудился убрать. Таким образом, я начинаю с единственной вещи, о которой я могу думать.

- Прости за то, что я сказал.

Она кусает губы и смотрит в сторону.

- Все в порядке.

Ого, она врет даже хуже, чем я.

Но я не знаю, что еще сказать, чтобы сделать это лучше.

- Итак, э-э, как ты помогала мне спать? - спрашиваю я, решив, проще сменить тему. - Я думал, что Бури уже перепробовали все, что только могли придумать.

- Они не знают о соблазне. Это уловка, которую я придумала несколько лет назад, и я только попробовала ее на одном другом человеке. - Она идет к

моему окну, которое впервые плотно закрыто с тех пор, как Одри ушла. - Ночью моему бывшему опекуну раньше снились ужасные кадры из прошлого, и я знала, что Южный мог потянуть воспоминания, таким образом, я попыталась послать в ее ум, чтобы посмотреть, могла ли я изменить ее сны. Это заняло какое-то время, чтобы найти правильную команду, и это только работает, если я там держу контроль. Но она сказала, что это помогло.

- Да, это помогает.

Теперь, когда моя голова очищается, я могу не забыть вновь пережитое воспоминание о нас с Одри в снегу. У меня никогда не было вспышек того момента прежде, но теперь, когда он вернулся, я собираюсь держаться за него так сильно, как могу.

Она осталась со мной в тот холодный, страшный день, держа меня за руку. Она заботилась.

И если она не оставила бы меня, когда мы были просто глупыми детьми, которые даже не нравились друг к другу, как она могла оставить меня теперь?

Но она действительно ушла, мой мозг напоминает мне, и я хочу вырвать его и растоптать его в мякоть. Она ушла двадцать пять дней назад.

Да, но она обещала, что вернется, и я должен верить этому. Я не оставляю надежду просто, потому что она послала два неопределенных слова по небу. По крайней мере, пока.

- Ты в порядке? - спрашивает Солана, когда я встаю и иду к своему шкафу, ища резину или что-то еще, чтобы избавиться от моего несвежего утреннего дыхания. Я соглашаюсь на ядерный Mento, который, вероятно, лежал в моем кармане в течение, по крайней мере, месяца, но эй, он мятный... не то, чтобы я пытаюсь произвести на Солану впечатление. Что, конечно, хорошо, потому что я также мельком увидел волосы в зеркале, и блин, я никогда не понимал, что это могло быть высоким-и-длинным, соевым, и примазано к моей голове все это время.

- Да, я в порядке. Я просто все еще уставший.

- Я знаю. Бури сказали, что ты не спал недели. - Она опускает глаза к рукам, крутя широкую золотую манжету на запястье. - Они спросили, буду ли я готова остаться с тобой ночью, чтобы помочь тебе спать. Я сказала им, что буду, если ты будешь не против.

Я случайно проглатываю жвачку.

Я так сильно кашляю, я не могу говорить, что, вероятно, лучше, потому что я не знаю, что делать с мыслью присутствия горячей девушки в моей постели всю ночь. Я имею в виду, это своего рода окончательная фантазия, кроме... Не той девушки.

А что, если бы Одри пришла домой и нашла нас вместе?

- Это звучит как действительно плохая идея, - говорю я ей, когда мой голос наконец работает снова.

- Почему?

- Потому что... - Я не могу поверить, что я объясняю это. Она моя бывшая невеста, в некотором роде, и я обычно сплю в своих боксерах! - Я не знаю. Ты действительно не думаешь, что это будет странно?

Солана пожимает плечами и смотрит в сторону, и я вижу, как щеки становятся розовыми. И вот тогда я понимаю...

Когда я проснулся, ее руки обвились вокруг меня.

Все это время я считал, что для Соланы это было просто облегчением отказ от обручения, как и для меня. Но, может быть...

Солана поправляет волосы у лица, скрываясь за ним, когда она берет фотографию в рамке с моего стола. На этой фотографии - я с родителями в походе несколько лет назад.

- Я считаю, что мы происходим из двух различных миров, - говорит она спокойно. - Ты рос здесь в доме с семьей, не зная ничего о сильфидах или Райдене или обо мне. Но я потратила всю свою жизнь на бегство, никогда не имея дома или имущества, не больше чем, что я могла нести. Даже моих опекунов иногда забирали от меня... - Ее голос раскалывается, и она ставит фотографию и поворачивается ко мне лицом. - Единственная вещь, за которую я когда-либо должна была держаться, была ты.

Мне снова тяжело глотать, но на сей раз это глыба в моем горле, не жвачка. Я сглатываю.

- Солана...

- Не надо, - шепчет она. - Я не говорю, что люблю тебя. Я даже не знаю тебя. Я просто... - Ее глаза блестят слезами, и она смаргивает их. - Это просто трудно привыкать к идее абсолютно другой жизни.

Я определенно могу понять то чувство.

- Прости, - бормочу я, откидываясь назад на кровати. - Это весь такой беспорядок, не так ли?

- Да, - соглашается она, всхлипывая.

Это настолько безумно. Солана стоит здесь и плачет из-за меня... между тем Одри, возможно, уже бросила меня.

Я вздыхаю.

- Тебе лучше без меня. Действительно. Я - боль. И я ужасен с девочками. Просто спросите любую, с кем я когда-либо встречался.

- О. Так ты... встречался с кем-то?

Мой мозг превращается в бегущий поток ругательств.

Почему? Почему я говорю об этом?

- Хм... хорошо... что любопытное то, что каждый делает здесь, так что... да. Но Одри всегда приходила и ломала все, прежде чем что-нибудь могло случиться.

- Одри ходила на твои свидания?

Я не могу не улыбаться, когда вспоминаю, как некоторые из моих самых печально свиданий стали катастрофами. - Давай просто скажем, что она взялась за работу очень серьезно.

- Ох. - Солана откидывает волосы назад и поправляет платье, делая ее декольте даже больше. - Это хорошо, я думаю. Я всегда думала, что это

странно, что Бури выбрали ее в качестве твоего опекуна. Я имею в виду, разве она не нашего возраста?

- Да, нашего.

Я собираюсь сказать больше, когда понимаю, что хмурый взгляд на лице Соланы сильно похож на ревность. И последней вещью, в которой я нуждаюсь, это любая драма между Одри и Соланой.

Повисает действительно действительно действительно действительно действительно действительно долгая, неудобная тишина. Я дохожу до точки желая кричать в подушку, когда Солана, наконец, говорит:

- Так...

Она переминается с ноги на ногу около края кровати, как она раздумывает о том, должна ли она сесть рядом со мной. Я резко дергаюсь, и она садится.

Трудно игнорировать, когда часть моего мозга кричит, КРАСИВАЯ ДЕВУШКА НА МОЕЙ ПОСТЕЛИ!!!!!! Особенно, когда она поворачивается ко мне и спрашивает:

- Так ты действительно не хочешь спать со мной?

Я не могу не покраснеть.

- Я не знаю.

- Тебе нужно спать, верно?

Да, нужно... и это очень сладкий бонус, что ее маленький трюк со сном также помогает мне вернуть больше воспоминаний.

Я прочищаю горло.

- Думаю, мы могли бы попробовать. Но не каждую ночь.

- Не волнуйся. Мне тоже иногда нужно спать.

- Ох, верно. Подожди... ты прошлой ночью не спала?

Она кивает, и я не могу решить, стесняюсь или ужасаюсь... но я предполагаю, что это потому, что я чувствую себя почти разрушенным.

Особенно, когда она добавляет:

- Ты иногда бормочешь.

Мое лицо серьезно чувствуется, как будто оно собирается покраснеть на данный момент.

- Я хочу знать, что я сказал?

- Наверное, нет.

- О, Боже.

- Расслабься, я шучу. Если честно, я не понимаю. Единственное слово, которое я поймала - было "Останься".

- "Останься", - повторяю я.

- Да. Когда мы привезли тебя домой. Твоя мама спорила с Бурями, и я не была уверена, должна ли я быть здесь, потому что раньше ты был так зол. Но когда я попыталась убрать руку, ты сжал ее крепче и пробормотал: "Останься". Так я и сделала.

Ее щеки покрывает румянец, и она смотрит на свое правое запястье, снова выворачивая золотые манжеты.

Она, должно быть, подумала, что я имел в виду ее.

- Это браслет твоих родителей? - спрашиваю я, пытаюсь сменить тему.

- На самом деле мне это дали Бури. - Несколько секунд проходит, прежде чем она добавляет: - это то, что мы называем связь. Большинство людей носит их на левом запястье, чтобы символизировать их связь, но и они дали мне это представлять...

Она не заканчивает. Но когда она протягивает его мне, я вижу буквы S и V, запечатленные в центре вырезанного солнца.

- Ну, - говорю я, стараясь, чтобы мой тон был легким. - Думаю, тебе не придется больше носить это.

- Да. Верно.

И все же, она не снимает его.

У меня есть ощущение, что я знаю, что это означает.

- Доброе утро, соня, - кричит моя мама в дверях... видимо, потому что Вселенная решила, что этот момент необходимо сделать еще более неловким.

- Хорошо провел ночь?

Она с улыбкой смотрит на меня, и я почти уверен, что это доказательство того, что тело моей мамы захвачено. Особенно, когда она поворачивается к Солане и говорит:

- Большое тебе спасибо за это!

- Конечно.

Я с облегчением услышать легкий скрип в голосе Соланы. По крайней мере, она понимает, насколько странно это.

Моя мама протягивает ей бледно-желтую сумку.

- Бури перевезли твои вещи, так что ты можешь принять душ и переодеться. Если хочешь, можешь воспользоваться моей ванной. Вейн еще не убирался так долго что, наверное, опасно для здоровья людей.

- У меня было немного дел, - ворчу я.

- Ванная всего через мою спальню, - говорит моя мама Солане, указывая вниз по коридору. - Чистые полотенца на столе и возьми что-нибудь еще, что захочешь. Ты знаешь, как работает душ, верно?

- Она - сильфида, не инопланетянка, мама, - прерываю я, когда Солана скользит мимо моей мамы и исчезает в глубине коридора.

Моя мама краснеет.

- Правильно. - Она ждет, пока Солана закрывает дверь ванной. Затем она поворачивается ко мне и говорит: - Так, интересная ночь.

- Да, что-то вроде того... и с каких это пор ты ничего делаешь, когда горячая девушка спит в моей комнате?

Я оглядываюсь на кровать, не знаете, как избавиться от картины "там растянулась Солана". Я думаю, что мне понадобится помочь Одри, чтобы заменить это...

- О-о, пожалуйста, Вейн. Я знала, что вы двое всего лишь спите... и я была счастлива видеть тебя, наконец, отдохнувшей.

- Ладно, кто ты, и что ты сделала с моей матерью?

Моя мама смеется.

- Прекрати быть таким странным и иди, умойся. Я сделаю завтрак.

Я веду себя странно?

Я?

Я топаю в ванную и прыгаю под душ. Вода течет, как ручеек, и я понимаю, Солана забирает все давление воды... а об этом плохо думать, потому что я вдруг представляю себе ее, всю мокрую и возбужденную и...

Почему она должны быть горячей?

Бури не могли найти мне в тренера какого-нибудь горбуна с бородавками и кривыми зубами?

Или не могла она, по крайней мере, быть заинтересована во мне, как я в ней?

Я думаю о печали в ее глазах, когда она сказала, что я - все, за что ей пришлось держаться.

Я знаю, что она имеет в виду. Вот как это было для меня с Одри...

Я ополаскиваю волосы и выключаю воду, с облегчением, когда слышу, чтобы душ Соланы прежнему работает. Будем надеяться, что она одна из тех девушек, кто принимает ванную долго, потому что мне нужно поговорить с мамой. Она была слишком приятна со всем этим, и у меня ужасное чувство, что я знаю, почему. Моя мама никогда не была большой фанаткой Одри. В принципе она винит ее за все опасные вещи, которые произошли в последнее время... и последнее, что мне нужно - это чтобы она играла роль свахи. Запах бекона ударяет меня, когда я иду в сторону кухни, но мама не делает торпеды, как я думал. Стол покрыт вафельницей, мисками с клубникой, засахаренными орехи и домашними сливками.

Она делает сахарные вафли, их она делает только пару раз в год, потому что над ними долго работать. И она должна сделать тесто на ночь, так ясно, что она планировала это почти в тот момент, когда Солана пришла сюда.

- Что? - спрашивает она, когда ловит меня, хмурившимся.

- Я знаю, что ты делаешь.

- Что я делаю?

- Ох, пожалуйста. - Я хватаю одну клубничку... что она запустила в долбаный шоколад... и кусаю. - Ты никогда не делала всего этого, когда Айзек остается ночевать.

- Потому что я видела, что Айзек ест чизбургер, который был в своей машине в течение всего дня. Плюс я знаю, что он любит гамбургеры. Как у него дела, кстати? Я больше не вижу его.

- Не пытайся сменить тему. Я знаю. Тебе нравится Солана.

- Мне нравится Солана. Она кажется очень милой девушкой, и я хотела как-то отблагодарить ее за то, что она была здесь всю ночь, чтобы помочь тебе спать. Я так беспокоюсь о тебе, дорогой.

Она протягивает руку и касается моих влажных волос, убирая их с глаз, и я замечаю, что у нее глубокая складка между бровей.

- Я в порядке, мам.

- Да? Потому что все, что я вижу, ты несешься на секретные миссии, и тебя тащат домой без сознания.

Она права. Это довольно сильно суммирует мои последние несколько недель.

Моя мама вздыхает.

- Я знаю, что ты не просил, но я знаю, что ты пытаешься быть осторожным. Но я просто хочу убедиться, что ты счастлив.

- Я счастлив.

Моя мама ставит бекон, который жарила на бумажное полотенце, чтобы просушить.

- Могу я спросить тебя кое о чем?

Я беру кусочек и кусаю.

- Возможно.

Она на меня не смотрит, ориентируясь на вафельное тесто, она волнуется, когда она спрашивает:

- Где Одри?

- Я же говорил тебе, что не знаю.

- Я знаю. Но.. тебе не кажется, что ты должен знать... если, она так много значит для тебя, как я думаю...

Я шикаю на нее, смотрю в холл, чтобы убедиться, что мои дверь в ванную моих родителей по-прежнему закрыта. Так и есть. И я слышу, как в раковине работает вода, так что я сомневаюсь, что Солана может услышать. Но все-таки.

Бури знают, что моя мама знает об Одри. Я рассказал им, что мы использовали то, что она моя подруга в качестве прикрытия, а моя мама по-прежнему не понимает, что это было. Я уверен, что они купились на это. Но последнее, что мне нужно - это дать Солане еще одну причину испытывать чувство ревности.

- Я просто думаю, что это кое о чем говорит, что она не вернется, - моя мама говорит тихо. - И я бы хотела, чтобы ты не пропустил кое-что, что могло бы быть большим только потому, что твое сердце цепляется на то, что, может быть, уже закончилось.

- Это не закончилось.

Это не так.

- И что ты имеешь в виду "пропустил"? Что ты знаешь?

- Ничего, - настаивает она на своем. Но ее щеки тоже покраснели, а голос слишком писклявый.

- Бури тебе сказали, да?

Я не рассказывал моим родителям о помолвке... зачем мне это? Я разорвал ее. Но я всегда считал, моя мама будет психовать, если она все узнаешь... не смейте контролировать моего сына! Но, по-видимому...

- Невероятно. Ты поговорила с ней на одну ночь, и вдруг ты в команде Соланы?

Она поворачивается ко мне лицом.

- Я в команде Вейна. Все, что я хочу - видеть тебя улыбающимся. Но я каждый день смотрю, как ты выглядишь еще более уставшим и зачуханным... и я знаю, что в большей степени потому, что она ушла. И я ненавижу это. Я ненавижу видеть, что она ранила тебя.

- Она этого не делала.

Мы оба знаем, что она лжет. Но она возвращается к вафлям.

Несколько минут спустя Солана входит в комнату с мокрыми волосами и в самом обтягивающем в мире белом платье. Я думаю, что носок мог бы прикрыть ее больше... и я усмехаюсь, когда вижу, как у мамы отвисла челюсть.

Как тебе нравится в команде Соланы сейчас?

Солана дергает тонкую ткань, тянет на какую-то долю дюйма вниз по ее загорелым бедрам.

- Это потому, чтобы это мой дар.

- Что? - спрашиваем мы с мамой одновременно.

Солана дергает ее скудное платье, и я должен заставить мои глаза не задерживаться на ней.

Снова, почему она должна быть горячей?

- Мое тело может хранить ветер, если я позволю это. Что-то вроде накопителя. И Бури думают, что это поможет в следующем бою, давая им Арсенал, который не могут уничтожить Буреносцы, так что я пытаюсь собрать столько, сколько могу. Значит, мне нужно иметь столько открытой кожи, насколько это возможно.

Я не уверен, что моя мама не взбесится. Идея, что ветер кружит вокруг кожи Соланы или разговор о другом сражении.

Что бы это ни было, все, что она делает, это прочищает горло и говорит:

- Ты прекрасна.

- Спасибо, - бормочет что-то Солана, заправляя волосы за ухо, и, глядя на меня.

Я отвожу взгляд.

Моя мама берет первую сахарную вафлю из вафельницы и кладет ее на тарелку.

- Так, ты же любишь вафли, Солана?

- Э, ммм. - Солана смотрит на ее ноги. - Я не могу ничего есть.

Мамина улыбка исчезает и трудно не ухмыльнуться на нее.

Второй удар Соланы.

- Я возьму все, - говорю я маме, усаживаясь за стол.

Солана ерзает секунду перед тем, как она садится напротив меня, и моя мама ничего не говорит, когда она протягивает мне тарелку с огромной шапкой ягод и взбитых сливок, что я едва могу видеть вафли... именно так, как мне нравится.

- Я думал, что не есть - дело только для опекунов? - спрашиваю я Солану, прежде чем откусить огромный кусок. Это даже лучше, чем я помню.

Сладкие и хрустящие, но как-то тягучие как масло тоже.

Солана жадно смотрит на мой вафли.

- Это так. Но все, что я ем, занимает много места, что могло бы провести больше энергии. А сейчас Бурям необходим весь дополнительный ветер, который мы можем получить.

- Я думаю, - говорю я, интересно, что это чувствуется для нее, ветер дует постоянно, крутясь внутри нее. - А ты не могла бы...

Неистовый стук в дверь прерывает мой вопрос, и я бегу, чтобы открыть дверь с мамой, идущей по моим горячим следам.

Гас стоит на месте, широко раскрыв глаза и тяжело дыша. Его волосы наполовину выбились из его косы, а его мундир влажный от пота.

- Вы должны пойти со мной, - говорит он, таща Солану и меня наружу. - Нас атакуют.

Глава 20

Одри

Я должна попасть внутрь горы.

Меня не волнует, насколько это опасно, или сколько исчезнувших ветров и визжащего воздуха предупреждают о каком-то неопишемом зле.

Райден здесь.

Я сомневаюсь, что Астон знал, что Райден сделает редкую экскурсию из его крепости, но это должно быть то, почему Восточные тянули меня сюда. И даже если это просто удачно подвернувшийся шанс, я должна использовать его в своих интересах.

Не время для осторожности.

Время выложить это все на линию.

Я смотрю, как Райден уводит своих Буреносцев в гору, удивляясь, что ни один из них не остается снаружи стоять на страже. Это похоже на ошибку... хотя я благодарна, что они это сделали. Но потом я вспоминаю, что это Райден.

Он не какой-то принц, который унаследовал корону при рождении. Он боролся за нее, убивал за нее, прокладывая себе путь наверх, чтобы стать самой влиятельной живой Сильфидой.

Он не нуждается в своих Буреносцах, чтобы защитить его. Только делать свое грязное дело.

Что делает меня более решительной, чем когда-либо.

Я могу почувствовать беспокойство в своем Западном щите, но я шепчу ему оставаться спокойным, когда я считаю секунды, ожидая, пока не пройдет пятьсот, прежде чем я брошусь из своего укрытия. Я осматриваю бассейн, когда бегу, наполовину ожидая, что Буреносец выпрыгнет из тени. Но когда я достигаю входа, там действительно пусто. Никаких признаков жизни кроме новых следов на земле.

Все, что мне нужно делать, это следовать за ними.

Моя голова кричит мне остановиться, призывает вернуться, или по крайней мере дать мне больше времени, чтобы подготовиться. Но я не могу рискнуть потерять этот шанс.

Я тянусь и распутываю свою косу, зная, что будет более безопасно не быть похожим на Бурь. Потом я глубоко вздыхаю и ступаю в темноту.

Путь становится узким, когда он уходит в землю, и звук приглушенной очистки наполняет темную пустоту. Нет ни света, чтобы вести меня, таким образом, я иду, опираясь рукой на песчаную стену, удивляясь, когда чувствую, что грубое зерно меняется под моими кончиками пальцев. Весь

тоннель, так или иначе, вращается вокруг меня, когда я иду через циклон, который всасывается в землю.

Водоворот.

Я слышала слухи о тюрьмах зла Райдена, но я всегда надеялась, что это было не так.

Теперь я понимаю, почему ветры настолько робкие.

Водоворот пожирает ветер.

Мой Западный щит дрожит, но я обещаю бережно хранить его. Если бы Водоворот мог обнаружить мое присутствие, проект уже был бы израсходован. Однако, бриз по моей коже продолжает сопротивляться, пытаюсь утянуть меня назад на возвышенность с каждым шагом, который я делаю.

Воздух становится прохладным и влажным, и я начинаю думать, что у пути нет конца, когда тускло-желтый свет исчезает из поля зрения. Я прижимаюсь так плотно к стене, как могу и прислушиваться к признакам жизни. Трудно сказать по скрежету песка, но я не слышу голосов или шагов и не вижу мерцающих теней.

Я ползу вперед, пробираясь в небольшую круглую комнату, где я закрываю рот, чтобы не дать вырваться крику.

Темные цепи свисают с потолка, каждые опутаны вокруг тела — хотя в действительности это больше не тела. Они - серо-синие увядшие раковины, которые висят сморщенные и высушенные в их темной униформе Сил Бури, их лица так сморщились и перекосились, что я могу только сказать, что они - сильфиды. Я никогда не видела этот вид распада. Они похожи на изюм на солнце, как будто их высосали досуха или...

Я зажимаю рот, когда замечаю пятна пыли, прерывающей их искаженные конечности и погружающей в медленно вращающиеся стены.

Водоворот ест их живьем.

У меня нет слов для этого уровня зла... и это должно быть то, что Астон хотел мне показать.

Я никогда не чувствовала себя настолько безнадежно.

Особенно, когда я понимаю, что знаю одну из жертв.

Невозможно узнать его сгнившее лицо... но Теман всегда прикреплял золотое солнце над символом Силы Бури на рукаве.

Он был моим учителем Южного.

Мы... не ладили.

Теман всегда был радостный, спокойный и непринужденный... все желания, которые я не хотела. Он даже попытался убедить меня, что я должна подождать, чтобы стать опекуном. Взять несколько лет для себя, прежде чем дать клятву служить.

И все же, четыре года спустя он был первым из Бурь, кто голосовал в мою пользу на моем слушании опекуна, и моим самым верным защитником, когда голосовала моя мать.

Он верил в меня, доверял мне, и когда я уставилась на его скрюченный, рушащийся труп, я чувствую, что подвела его.

Если бы я сильнее заставляла Вейна... больше рисковала, заставляя, его сделать прорыв раньше... то это имело бы значение?

Теман еще жив?

Я смахиваю слезы, когда отпихиваю в темный угол разума эту мысль.

Я не могу сосредоточиться на каких-то "а что если".

Все, что я могу сделать - учиться на моих ошибках и продолжать сильнее держаться.

Однако, я шепчу извинения Теману, когда склоняю голову в трауре. И именно тогда я замечаю другие тела.

Разбросанные по краям комнаты в небрежных грудях как упавшие листья.

Обычные Странники Ветра в повседневной одежде. Мы всегда были обособленной расой, рассеянной по всему миру, куда идут свободные потоки ветров, а земные линии редки. Но Райден должен выслеживать каждую сильфиду одну за другой, вынуждая ее поклясться в верности или умереть. Некоторые даже похожи на детей.

Я понятия не имею, сколько времени я там стою, уставившись на неопишумую жестокость. Но голоса, прибывающие из другого тоннеля, возвращают меня обратно к действительности.

Голоса неподалеку.

У меня нет достаточно времени, чтобы убежать... и когда я слышу глубокий, быстро развивающийся голос Райдена, я не хочу. Я не могу понять, что он говорит, но мне удастся поймать одно слово.

- Вейн.

Мне хочется плакать, когда я понимаю, есть только одно место, чтобы спрятаться, но я вынуждаю мои ноги нести меня к самой высокой кучи трупов и залезаю внутрь. Приторно серая пыль рассыпается вокруг меня, и я задерживаю дыхание, надеясь, что не закашляюсь.

Или меня не вырвет.

Пожалуйста, пусть это будет быстро.

Пожалуйста, пусть они не увидят меня.

И если я выживу, пожалуйста, сотрите этот момент из моих воспоминаний. Шаги приближаются, и я ловлю больше кусочков их разговора, такие слова как "готовятся" и "демонстрация" — но это слишком неопределенно и изменчиво для меня, чтобы иметь какой-то смысл. И к тому времени, когда они входят в комнату, все, что я могу услышать - это глубокий, хриплый смех. Он отзывается эхом от пещеристых стен, настолько холодных и жестоких в этом месте смерти и отчаяния, это крутит все во мне с гневом.

Я все еще держусь, когда цепи гремят, и кто-то с низким, носовым голосом спрашивает:

- Я могу помочь вам, моему господину?

- Да, я хочу этот кулон для своей коллекции.

Я не знаю, что делает мне больнее: знание, что Райден собирает почерневшие кулоны опекунов, которых он убил; или тот факт, что он на расстоянии только в несколько футов, и я ничего не могу сделать, чтобы уничтожить его. Я не могу двигаться в месте, где он поддерживает всю силу.

Шаги приближаются, заставляя землю дрожать.

- Что-то чувствуется не так, - бормочет Райден.

- Не так? - спрашивает новый голос.

- Да. - Райден делает несколько шагов назад. Потом снова придвигается ближе. - Здесь есть что-то. Намек жизни.

Он знает, что я здесь.

Я проклиная свою глупость, когда шаги гремят ближе.

Все кончено.

Он найдет меня и почувствует Западный, обернутый вокруг меня, и это будет конец. Я буду бороться до последнего дыхания, но я все лишь буду следующим иссохшим телом, свисающим с потолка.

- Это, здесь, - говорит Райден, его голос мучительно близко. - Это все еще живое.

- Ты прав, - говорит Буреносец, придвигаясь тоже поближе.

Груз надо мной становится легче, когда кто-то хватает тела и бросает их в сторону. Я жду большие руки, которые протянутся и схватят меня... но они вырывают другое тело.

- Я натяну ее обратно, - предлагает один из Буреносцев.

- Нет никакой нужды волноваться, - говорит Райден ему. - Мы почти покончили с этим местом. Просто поставь ее на землю, и я позабочусь о ней. Я слышу глухой стук, когда Буреносец повинует, а затем я слышу пару других шагов.

Потом следует отвратительный хруст.

Я прикусываю щеку, надеясь, что это отвлечет меня достаточно, чтобы помешать мне выдать себя.

Где-то в панике и боли я слышу, как Райден говорит что-то о сборе и долгожданном заключенном. Потом я слышу, как их шаги удаляются.

Я должна досчитать до пятисот, чтобы удостовериться, что они действительно ушли, но я едва выдерживаю еще минуту в пыли и распаде. Я вылезаю из груды, душа кашель руками, когда я ползу по полу, ненавидя, как близко я к самой новой жертве Райдена.

Ее руки вытянуты, как будто она тянется к свободе. Но ее череп разбит в центре. Раздавлен одним из ботинок Райдена.

Моя грудь напрягается, а глаза жжет, но мне удается сопротивляться рыданиям, когда я встаю на ноги.

Я хочу бежать, атаковать и разорвать Райдена на маленькие кусочки за каждое ужасное преступление, которое он совершил.

Но сейчас не время.

Скоро, обещаю я себе, когда начинаю долгий подъем назад к поверхности.

Путь становится более ярким, когда я иду, и когда солнечный свет начинает ослеплять меня, я прижимаюсь к стене и проверяю наличие охранников. Я не вижу признаков никаких Буреносцев, но я все еще медленно скольжу к выходу, придерживаясь теней, когда я проскальзываю в пустую щель.

Воздух горячий и тем не менее, но я проглатываю его, благодарная быть свободной от испорченного Водоворота. Визжащий вопль успокоился,

сменился низким гулом толпы, и когда я ползу к краю щели, я вижу, что Райден стоит в центре бассейна. Спинай ко мне, и он балансирует на одном из самых высоких камней, сталкиваясь с группой Буреносцев. Быстрая переключка говорит мне, что здесь, по крайней мере пятьдесят человек, и от белых полос на их руках я предполагаю, что они - его лучшие солдаты. Возможно даже его лидеры.

Странно видеть их собранных так открыто. Стоящих среди земельных линий долины, без беспокойства о том, что кто-то раскроет их.

Я не вижу лицо Райдена, но я вижу лица его Буреносцев. Их глаза распахнуты от ужаса... и возможно немного от страха.

Мой Западный щит тащит меня, прося бежать к безопасности. Я предлагаю выпустить проект, вместо этого. Я не собираюсь вынуждать его страдать наряду со мной. Но он остается рядом, запутываясь сильнее.

- Я знаю, что вы становитесь обеспокоенными жаром, - говорит Райден, его голос резкий, отзывающийся эхом от стен долины. - Ветры говорят мне, что была задержка. Очевидно, он попытался бороться. Когда они когда-либо научатся?

Приглушенный смех толпы заставляет меня хотеть бросить что-то, но один взгляд на штанину Райдена заставляет меня застыть на месте.

Белая ткань забрызгана красным.

- Я могу вас уверить, это хорошо будет стоять ожиданий, - обещает Райден. - И тем временем, позвольте мне ослабить ваш дискомфорт.

Он шипит странный завиток слов, частично рычание, частично хрип, и флот сероватого Северного наполняет воздух, понижая температуру по крайней мере на двадцать градусов. Я ныряю назад в Водоворот, чтобы избежать ветров, когда они опускаются и ныряют и мчатся вокруг бассейна. Если они тронут меня, то они выдадут мое местоположение.

- Так лучше? - кричит Райден, когда ветры исчезают так быстро, как они появились.

Буреносцы бормочут, соглашаясь, и я выскальзываю наружу, когда Райден говорит им:

- Вся наша тяжелая работа, все наши годы терпения и настойчивости, привели нас к сегодняшнему дню. Некоторые из вас, возможно, сомневались, что это когда-либо произошло бы. Я сам время от времени задавался тем же вопросом. Но это поворотный момент, я работал... искал. Ранее мы попробовали и потерпели неудачу... но сегодня мы наконец имеем то, в чем мы нуждаемся. Всего через несколько коротких минут вы увидите. У меня теперь есть ключ, который даст мне власть не только, чтобы разрушить последнее из этого жалкого восстания, но и управлять всем миром!

Звучат аплодисменты, когда Буреносцы переваривают эту информацию, и интересно, испуганы ли некоторые из них столь же как и я. Но когда Райден топает своей окровавленной ногой и кричит:

- Кто со мной? - они все поднимают правые руки прямо перед собой, а затем прислоняют их к лбам в приветственном жесте.

- Скажите мне, кричит Райден. - Кто устал от проживания в тених земных людей — слабые, жалкие существа, которые даже не могут устоять в шторме? Кто устал от разрешения им владеть главными землями, в то время как мы скрываемся?

Больше ропотов соглашения, прежде чем все повторяют свое странное приветствие.

- Ветры стали дикими против земных, штурмуя их земли и разрывая все, чем они владеют. Небо приняло решение избавиться от них... но оно нуждается в нашей помощи. Они были слишком эластичны, полагаясь на их технологии. их эвакуации и их чистую силу в числах. Но не дольше. Это день, когда мы присоединяемся к борьбе ветров, чтобы исправить землю, и мы не остановимся, пока каждое последнее из этих бесполезных существ не будет возвращено в землю, которой они принадлежат! Вы со мной?

На сей раз толпа взрывается сразу, и звук заставляет меня дрожать под палящим пустынным солнцем. Но что-то еще в речи Райдена было намного более пугающим... что-то, что я хочу притвориться, будто я не слышала, потому что тогда я не должна буду решать, верно ли это.

Райден продолжает говорить о наличии "ключа" и "силы", которые он "искал".

Это почти звучит, как будто он...

Но он не может.

Я не верю в это.

Я прижимаю руку к груди, пытаюсь почувствовать горящее напряжение связи... но мое сердце колотится слишком быстро.

Я не могу говорить.

Я не могу думать.

- В любой момент мой долгожданный заключенный прибудет, и затем я покажу вам, как мы выиграем эту войну, - кричит Райден. - Сегодня мы изменим будущее!

Он вскидывает руки, и толпа сходит с ума. Кричат, хлопают, поют:

- Приведите заключенного. Приведите заключенного! - Подпитывая энергию друг друга.

Каждое повторение сокрушает меня сильнее.

Есть только один заключенный, который мог предоставить Райдену такую власть.

Ключ, который он искал.

Тот, кого он попытался и не смог поймать раньше.

Райден, должно быть, наконец захватил Вейна.

Глава 21

Вейн

Этого не может быть.

Я знаю, что Бури готовили меня к этому моменту... но когда Гас тянет Солану и меня через рощу, я не могу вспомнить ни одну вещь, которой Фанг учил меня. Я едва помню свое собственное имя.

Все, что я могу сделать - уставиться на пятно крови на руке Гаса, пытаюсь не думать о том, куда это ведет, или из кого это вылилось, или сколько еще крови я увижу сегодня.

- Стоп! - кричит моя мама, когда она преследует нас. - Куда вы забираете его? Что происходит?

- У нас сейчас нет на это времени, - говорит Гас ей.

- У вас есть время, чтобы объяснить, куда вы забираете моего сына, - настаивает моя мама, хватая меня за руку и начиная перетягивание каната Вейна.

- Ладно, ой! - резко я убираюсь от них обоих, выворачивая мои запястья в процессе. - Прекрати, Гас. Ты не можешь свалиться как снег на голову, скинуть бомбу "мы являемся объектом нападения" и не сказать нам, что происходит или что мы, как предполагается, делаем или куда моя семья предполагается должна уйти или...

- Честно? Я не знаю, - признает Гас, уставившись в безоблачное небо, которое кажется слишком ясным и синим для нападения. - Фенг послал мне кусок кактуса, покрытого его кровью. Во всем сообщении было сказано, была "засада".

Его голос раскалывается, и он отводит взгляд.

Моя мама тянется к моей руке, сжимая ее настолько сильно, что там прекращается кровообращение.

- Там было эхо? - шепчет Солана.

Гас качает головой.

Она кладет руку ему на плечо.

- Тогда все еще есть надежда. И мы знаем, что нет никакого лучшего борца. Гас смотрит на ее руку, единственная слеза катится вниз по его щеке, когда он кивает.

Я никогда не понимал, что он и Фанг были так близки.

Фенг, исправляюсь я.

- Так или иначе это все, что я знаю, - добавляет Гас после секунды. - Оз взял флот Бурь к Дереву Джошуа, где патрулировал Фенг. Остальная часть нашей силы разделена между Базой в Пограничной области и Чистой Речной Базой, которая также послала нам сигнал тревоги этим утром. Таким образом, Оз сказал мне забрать вас обоих под землю в случае, если следующее движение Райдена будет сюда.

- Это твой большой план — скрыть их под землей? - спрашивает моя мама, придерживая меня. - Позвольте мне забрать его. Я отвезу его куда угодно, куда вы захотите. В автомобиле полный бак и...

- Это не работает, мама. - Я накрываю ее руку моей, ненавидя, что я могу чувствовать, что она дрожит. - Я знаю, что ты хочешь помочь, но если они действительно придут сюда за мной, то я смогу опередить их. Особенно не в нашей потрепанной старой Хонде.

Я могу сказать, что она хочет спорить, но все, что она спрашивает:

- Куда вы пойдете?

- Оз сказал, что ты знаешь место, - говорит мне Гас. - Где-то в центре пустыни?

Моя кожа чешется просто от мысли о возвращении к Водовороту... и последняя вещь, которую я хочу, состоит в том, чтобы провести еще несколько часов с Ареллой.

- Но что относительно моих родителей? Кто-то должен остаться с ними.

- Я же сказал... все ушли.

Солана вздыхает, и все внутри сжимается. Внезапно, спрятаться в Водовороте похоже на довольно хорошую идею. Кроме...

- Я не оставлю свою семью незащищенной, Гас. Если не будет никого больше, то я останусь с ними.

- Это только поставит их в большую опасность, Вейн. Ты - тот, кого хочет Райден.

- Но по крайней мере я могу защитить их.

Гас фыркает.

- Ты действительно думаешь, что можешь самостоятельно справиться с Буреносцем.

- Я буду в порядке, - прерывает меня мама, хотя ее голос не звучит так. - Иди с Гасом. Не беспокойся обо мне. Я просто... Я заберу твоего папу с работы, и мы снова уедем из города.

- Может не быть времени, чтобы уехать достаточно далеко, - говорю я ей.

- Ну, тогда я... - Она не заканчивает предложение, потому что нет ничего, что она может сделать. Это я должен делать.

- Я должен пойти с ними, - говорю я Гасу, выпрямляясь, таким образом, он знает, что я имею это в виду.

Он забирает назад распущенные волосы, размазывая тонкую полосу крови по лбу.

- У меня есть свои приказы, Вейн.

- Да, ну, в общем, это - моя семья, Гости.

Его глаза вспыхивают, когда я произношу его полное имя. Угадывая, что он думает, что это кажется столь же глупым, как и я.

- И давай не забывать, что я - единственный, кто знает, куда ты, как предполагается, забираешь меня, - напоминаю я ему. - Так... ты - своего рода разозлишься.

- Как насчет этого? - спрашивает Солана, ступая между нами, когда Гаса делает выпад ко мне. - Я пойду с родителями Вейна, чтобы следить за ними, а ты можешь забрать Вейна под землю.

- Ты не должна этого делать, - говорит ей моя мама, но это, фактически, довольно хорошая идея.

Гас, кажется, не соглашается.

- Ты не Буря...

- Я знаю, как бороться, - настаивает Солана.

У нее действительно есть мышцы под теми изгибами. Я видел, как она выбивала дерьмо из нескольких людей. Хотя трудно вообразить ее, выполняя это в том платье. Хорошо... без того, чтобы что-нибудь показалось.

Гас все еще не выглядит убежденным. Только когда Солана добавляет:

- Я была без опекуна в течение двух лет. И единственная причина по которой я пережила то нападение...

Гас поднимает руку, и она умолкает.

Я не могу сказать, он выглядит так, будто хочет задушить что-то или свернуться в клубок и заплакать. Все, что он говорит:

- Мне было приказано забрать вас обоих под землю.

- Пошли на фиг свои приказы.

- Я думаю, что имеет в виду Вейн, - говорит Солана, вскакивая, - то, что иногда лучше защитить больше людей, чем мы можем. Позволь мне делать это. И имейте в виду, что это - вероятно, единственный способ, благодаря которому ты заставишь Вейна сотрудничать.

Я не могу сдержать усмешку, и когда я встречаю глаза Соланы, я отчасти хочу обнять ее. Но это было бы в десять тысяч раз неудобнее, а так я просто говорю "спасибо" и оставляю все как есть.

Гас вскидывает руки.

- Отлично! Если ты хочешь пойти с ними, иди с ними. Но держи ухо к ветрам и не возвращайся, пока не услышишь, что все чисто.

- Хорошо, - обещает Солана.

- И позвони папе, скажи ему ехать домой с работы, сейчас, - говорю я маме.

Она кивает и душит меня объятием.

- Будь осторожен. У тебя телефон с собой? Напишешь мне, когда будешь в безопасности?

- Я уверен, что не смогу достать сотовый там, куда я собираюсь, - говорю я ей, обнимая крепче.

Я даже не ношу больше телефон со собой. У меня нет никого, кто позвонит мне. Я отрезал своих друзей, и Бури точно не слишком хорошо разбираются в технологиях.

- Мы напрасно теряем время, - говорит Гас.

Я отпускаю маму.

- Идем.

- Отлично. Скажи мне, куда мы направляемся.

- Зачем? Разве ты не эксперт в моем преследовании?

Я оборачиваю несколько Восточных вокруг меня и взлетаю в небо, прежде чем он может ответить.

Гас нагоняет меня несколько секунд спустя, и мы движемся на восток. Но каждые несколько миль я замечаю, что Гас смотрит на север.

Я не вижу никаких признаков шторма. Небо ясное, и перистые облака и ветры чувствуются стабильными и нормальными. Если у Гаса не было бы крови Фенга на руке, я бы никогда не подумал, что есть какая-то опасность.

- Так... как ты знаешь Фенга? - спрашиваю я, вспоминая более раннюю слезу Гаса.

Он молчит так долго, что становится интересно, слышал ли он меня. Потом он говорит:

- Он - мой отец.

Ничего себе... откуда я мог это знать?

- Прости, - бормочу я, ненавидя, как криво это звучит. - Я не понимал.

- Это потому, что я похож на мать. Она была симпатичной.

Он вызывает улыбку, высвечивая прекрасные ямочки. Я хочу улыбнуться в ответ, но не могу не заметить, что он использовал слово "был".

- И твоя мама, она...

- Она была опекуном Соланы.

О.

О.

Ну... это объясняет, почему он так сильно отреагировал на ее упоминание того нападения.

- Так вот что ты имел в виду, говоря о том, что у ваших семей есть общая история.

- Да. Моя мама в каком-то роде оставила нас, когда она взяла на себя роль опекуна Соланы. Фенг попросил ее не делать этого. Он знал, что последний опекун Соланы был убит, и что это был только вопрос времени, прежде чем Буреносцы снова разыщут Солану. Но это то, чего хотела моя мама. Она была сердита, и она хотела сделать что-то большее. - Он вздыхает. - Я предполагаю, что это не имеет большого смысла, если я не дам тебе всю трагическую историю. Ты готов к этому?

Я киваю, ошеломленный от того, как мало я знаю о Гасе. Он похож на такого добродушного парня, но я предполагаю, что должен был считать, что у него было какое-то более темное дерьмо. Почему еще он был бы настолько молодым опекуном?

- Моя мама попала в засаду Буреносца, когда она была на восьмом месяце беременности, моей сестрой. Он оставил ее в живых, но ребенок... - Он откашливается. - Хуже всего, что моя мама не была даже опекуном. Фенг был, и он только что выиграл большую битву с Райденом... одна из единственных побед, которые когда-либо имели Бури. И очевидно, если вы заставляете Райдена выглядеть слабым, он приходит за тобой лично.

Он замолкает на минуту, и я изо всех сил пытаюсь понять что сказать. Я имею в виду, я думаю то, что произошло с моей семьей, было жестко, но...

- Так или иначе, - говорит он, - не удивительно, моя мама никогда не могла справиться с этим. Все, чего она хотела - мести. Она присоединилась к Бурям, записываясь на каждое опасное задание, на которое могла. Она фактически добровольно предложила защищать тебя, но Бури выбрали Одри. Так несколько недель спустя, когда Солана нуждалась в новом опекуне, моя мама нещадно критиковала его. К тому времени я уже включился в список Бурь, таким образом, она оставила меня там с Фенгом, обещая нам, что она будет осторожна. Но она только продержалась два года до того, как Буреносец догнал их. - Он снова смотрит на север. - Фенг никогда не мог справиться с этим.

Слушать этот разговор - заставляет меня понять, почему я никогда не предполагал связь кроме того, как отличающиеся они выглядят.

- Твой папа не возражает против того, что ты называешь его Фенгом?

- Фактически, это была его идея. После того, что произошло с моей мамой, он хотел сделать максимально трудно для Райдена узнать, кто была его семья.

- Думаю, это имеет смысл.

Я смотрю, как он глядит север кучу времени, и понимаю то, что он должен думать.

- Ты должен быть с Бурями прямо сейчас.

- Я должен следовать приказам.

- Это тупо. Ты сделал свое дело. Ты сказал мне, куда идти, и я пойду туда, не нужна няня для отдыха. Пойди, помоги своему отцу.

Гас выглядит соблазненным, но он качает головой.

- У Бурь была причина того, чтобы не брать меня с ними.

- Да, и у твоего папы была причина отправить сообщения тебе.

Гас смотрит на высохшую кровь на большом пальце. Потом он вытирает ее о штанах.

- Он послал его мне так, чтобы я мог защитить тебя.

- Тьфу... я сыт этим по горло

Я не хочу быть бесполезным слабаком, которого все должны защищать.

Я являюсь последним чертовым Западным.

Я должен быть там, возглавляя.

Разве не ради этого они тренировали меня?

Я все еще не уверен, как я собираюсь справляться с насилием, которое вызывает во мне рвоту, но если я, как когда-нибудь предполагается, убегу Райдена, я оказываюсь перед необходимостью начать вставать и бороться.

- Что ты делаешь? - спрашивает Гас, когда я ныряю и приземляюсь посреди пустыни. - Это то, куда мы идем?

Я не отвечаю, зову один Восточный, один Северный и один Южный, наматываю их друг вокруг друга, чтобы сделать шип ветра. Он отличается от способа, которому Одри учила меня, но за последние несколько недель я узнал, что они более сильны так. Один из каждого ветра.

Я протягиваю руки и зову Западный, который я пропускаю.

- Значит, ты можешь управлять четвертым ветром, - говорит Гас, уставившись на проект, когда ветер циркулирует вокруг моей талии.

- Ты думал, что я не могу?

- Я начинал задаваться вопросом.

Я закатываю глаза и сплетаю Западный вокруг шипа ветра, приказывая, чтобы проекты сошлись.

Ветры сливаются в пятно, скручиваясь в моей хватке и колеблясь над моей головой, когда трещина разделяет центр. Гас прикрывает голову когда он ожидает, что шип взорвется. Но унылая внешняя оболочка просто откатывается, оставляя мерцающий темно-синий шип с острыми точками в каждом конце и вспыхивающем блеске.

- Ничего себе, - выдыхает Гас, когда он медленно тянется к нему. - Могу я?

Я киваю, и он колеблется секунду до того, как он сжимает пальцы вокруг этого.

- Дерьмо это как... тело.

Я не могу сдержать смех.

- Это сила четырех.

- Думаю, что так. - Он разрезает им воздух несколько раз, прежде чем повернутся ко мне. - Ты понимаешь, что я никогда не отдам это, верно?

- О, в самом деле?

Я шепчу:

- Иди, - Западный и шип из его руки выплывает прямо в мою.

- Ты что-то сказал?

Гас моргает.

- Ладно, ну и ну. Это чертовски впечатляющее.

- Я рад, что ты так думаешь, потому что я иду с тобой к Бурям. Я устал от того, чтобы надо мной все трясутся и опекают, я - не какой-то тонкий маленький цветочек, который они должны защищать.

- Никто не думает, что ты - цветок, Вейн. Мы все чувствовали твой запах после тренировки.

- Возможно так, но я больше не собираюсь скрываться в песке, и ты можешь попытаться загнать меня в него, но мы знаем, что это пустая трата времени. Поэтому позволь нам просто пропустить ту часть и пойти, спасти твоего отца.

Он все еще не выглядит убежденным, таким образом, я предлагаю одну вещь, я знаю, что выиграю.

- Я сделаю тебе твой собственный особый шип ветра. Ты не сможешь им командовать, но я буду отслеживать его для тебя.

Я швыряю шип в кактус, и колючие растение взрывается, забрасывая нас со липкой тиной.

- Он не распутался, - бормочет Гас, указывая на шип ветра, лежащий в луже зеленоватой слизи.

Я зову шипу к себе и вручаю его Гасу.

Он смотрит на него в течение нескольких секунд, прежде чем он засовывает его за ремень своих ножен ветрореза. Я тку другой шип для себя, жалея, что я не надел пояс со своими шортами. Я предполагаю, что это то, почему Бури продолжают желать, чтобы я носил униформу опекуна.

- Ладно, - говорю я, проделывая отверстие в моем кармане и просовывая шип. - Вооруженный и готовый. Теперь давай пойдем, найдем Фенга.

Гас кивает и запутывает себя в группе соседних Восточных.

- На сей раз ты следуешь за мной.

Он ведет меня в горы по лесу остроконечных, изогнутых деревьев Джошуа. Я продолжаю искать для разнообразия ветры или шторм на расстоянии. Но все остается ярким, ясным и нормальным.

Пока Гас не определяет мазок красного цвета на земле.

Он опускает нас в область, по которой я помню, как путешествовал пешком с моей семьей. Сад странного зеленого цвета, трубы заводов, которые

смотрятся своего рода как то, что произошло бы, если бы пальмы и кактусы соединились и имели детишек. Я делаю все возможное, чтобы избежать белых шипов, которые почти, кажется, тянутся ко мне, когда мы пробиваемся к запятнанному красным кактусу.

- Это его кровь, - говорит Гас спокойно, когда он тянется и касается сломанной основы. - Это должно быть то место, где он захватил ветер и послал ко мне.

- Но я не слышу его эхо в воздухе, - напоминаю я ему, когда он отворачивается, чтобы вытереть глаза. - Значит, он все еще жив.

Гас кивает, втягивая воздух.

- Мы должны найти Бури. Оз преследовал Буреносцев на юго-востоке.

Я могу услышать соседние проекты, шепча ту же самую вещь... и ветер, как предполагается, не лжет. И все же...

Есть один проект, поющий абсолютно другую песню.

Я зову к себе Западный, позволяя ему заполнить воздух его предупреждением о заложнике, идущим на север в долину смерти. И когда я слушаю другие ветры снова, я понимаю, что нет никакой мелодии к их песне. Они шепчут словам без жизни или энергии.

- Я думаю, что Буреносцы что-то сделали с ветрами, - говорю я, перепроверя Западный, чтобы удостовериться, что я не схожу с ума. - Этот Западный говорит, что Фенга забрали в Долину Смерти.

Гас поворачивает ладони к северу, концентрируясь настолько сильно, что глубокая линия формируется между его бровями.

- Я не могу прочесть его след тем путем. Может ты?

Я ищу соседний воздух чувствующий Фена. Намек прохладной энергии вокруг кровавого кактуса должен быть им, таким образом, я держусь за то ощущение и тянусь дальше, концентрируясь на Западном, идущим с севера, пока не нахожу проект, несущий тот же самый холодный порыв.

Я задыхаюсь, когда понимаю, что это не единственный след, который несет ветер.

- Что случилось? - спрашивает Гас, когда зову к себе проект, но моя голова кружится слишком быстро, чтобы ответить.

Покалывающее тепло становится все сильнее, когда ветер становится ближе. И искры чувствуются, как удар в живот, когда Западный обтекает меня, поет о девушке, которая нашла больше, чем она искала в долине смерти.

- Он определенно на этом пути, - шепчу я Гасу.

И Одри тоже.

Глава 22

Одри

Вейн у Райдена.

Мысль заставляет меня хотеть пройти через бассейн, прижать Райдена к земле и разодрать его кожу, пока не останется ничего кроме костей. Но все, что я могу сделать - прижать ноги к груди, обхватить их руками так сильно,

как я могу, и качаться назад и вперед, в то время как Райден продолжает свою речь.

Я рад, что он стоит ко мне спиной, я не должна видеть его холодное, высокомерное лицо... хотя волнение в глазах его Буреносцев одинаково отвратительно.

Сфокусируйся.

Думай.

Возможно, я неправа.

Я концентрируюсь на сердце, делая медленные, глубокие вздохи. Боль моей связи определенно там... таким образом, Вейн все еще жив. Но... она слабая. Жгучий жар - теперь мягкое тепло, и кромсающее напряжение - теперь нежный рывок.

Это произошло бы, только если я придвигалась ближе к Вейну.

Или если Буреносцы ведут его сюда...

Моя голова кружится, и я ложусь, прижимаясь щекой к хрупкой земле. Я могла остаться здесь, никогда не вставать, никогда не иметь возможность, чтобы встать перед Райденом, держащим Вейна в тисках.

Или я могу подняться и выяснить как спасти его.

Я выбираю план Б.

Было ли это случайной удачей или желанием Восточного, который вел меня сюда. Который дает мне шанс удостовериться, что Вейн не закончит как еще одна высушенная глыба, свисающая с потолка Водоворота. Все, в чем я нуждаюсь - это план.

Я встаю и просматриваю долину, ища какую-то удивительную идею, которая позволит мне, выкрасть заключенного из тисков самого влиятельного Странника Ветра на земле и пятидесяти из его ведущих солдат — без каких-либо ветров, чтобы помочь мне бороться.

У темных гор есть потенциал. Их пережитые, пыльные склоны легко разрушились, если бы я вызвала лавину. Но падающие скалы никогда не дойдут туда, где стоит Райден. В лучшем случае это отвлекло бы... что могло быть полезно. Я могла бы ворваться и схватить Вейна и...

Быть побежденной, прежде чем я даже сделаю несколько шагов.

У Райдена есть все преимущества. Мои единственные активы - удивление и единственный Западный щит. Этого не будет достаточно.

Если бы у меня был способ призвать Бури, и сообщить им, что я здесь, и что Вейн схвачен, то, возможно, они могли бы добраться сюда вовремя...

Ужасная мысль полностью замораживает меня.

Бури никогда бы не позволили Буреносцам взять Вейна.

Они боролись бы, чтобы спасти его до последнего вдоха...

Значит, если я прав, и Вейна схватили, я - вероятно, все, что он имеет в запасе.

Теперь я дрожу, цепляясь за мой Западный щит, так как я цеплялась за Вейна после шторма, который украл наши семьи и изменил все.

- Ах, вот и наш гость, - говорит Райден, указывая на серую полосу, несущуюся к нам от южного горизонта.

Торнадо.

- Расчистить путь, - кричит Райден, и его Буреносцы перелезают друг через друга, чтобы уйти с дороги.

Огромная воронка ревет в долине, забрасывая всех песком и камнями, когда прорывается через бассейн, разрушая осторожные следы, запечатленные приплывающими камнями. Она останавливается непосредственно перед Райденом, когда облака раздуваются выше, закрывая солнце.

Я сжимаю кулаки, так сильно, что мои ногти заставляют ладони кровоточить. Мальчик, которого я люблю... единственный кто, когда-либо имел значение... мог быть опутан в том шторме.

Я должна спасти его.

Должна.

Но когда я смотрю на властолюбивые лица Буреносцев, я понимаю что-то еще более пугающее.

Я должна выжить.

Вейн никогда не сдастся допросу Райдена. Он защитит Западный язык до последнего вздоха. Поэтому, если он у Райдена, и я не могу спасти его...

Я буду последним Западным.

Мне жаль, что я не могу разделить язык от своего разума... вернуться к тому, чтобы быть бесполезной Восточной, кто может пожертвовать, чтобы спасти его.

Но язык - часть того, кто я теперь.

Соответственно, я должна защитить его.

Толпа шагает вперед, когда торнадо распутывается, и три фигуры ступают из трубы. Два Буреносца с мазками красного на их сердитых лицах. И окровавленный, хромающий заключенный в черной униформе, его руки связаны на разрушенных желтых ветрах.

Его лицо закрыто капюшоном, и я пытаюсь сказать себе, что это не он.

Вейн ненавидел униформу Сил Бури. Я не могу предположить, чтобы он был готов надеть ее.

Но боль нашей связи чувствуется больше как пустая тоска. Когда все, что я должна была сделать, протянуть руку и поддержать его, сказать, что все будет хорошо.

Связь бы чувствовалась так, только если Вейн был здесь.

Последняя моя надежда исчезает, когда Райден поднимает кулаки в триумфе и кричит:

- Смотрите... начало нашей окончательной власти!

Он наматывает проект вокруг истекающей кровью ноги Вейна, дергая того в небо и размахивая им назад и вперед как изодранным флагом.

Радуюсь, Буреносцы кричат оскорбления и забрасывают Вейна камнями.

Валун попадает в голову и голова Вейна падает на плечи. Я не могу сказать, без сознания он или мертв.

Он не может быть мертв.

Он нужен Райдену живым.

Я повторяю напоминание много раз, но трудно верить, когда я наблюдаю, как Райден сильнее его трясет, и, тем не менее он не шевелится.

- Это то, что они называют могущественным воином, - кричит Райден, щелкая Вейном вокруг. - Это жалкое оправдание для Странников Ветра, которые смели бросить нам вызов?

Вейн наконец дергается, просыпаясь, освобождая глубокий, жалобный стон, который режет все во мне.

Я падаю на колени, жалея, что я не могу закрыть уши. Но я должна слышать то, что происходит. Я должна найти способ исправить это.

Райден ставит Вейна, ожидая, когда толпа успокоится, прежде чем он скажет:

- И все же, мы так же уязвимы.

Он спутывает команду, и приплывающий камень летит от земли и врезается в одного из Буреносцев, держащих Вейна, разрывая тело Буреносца на половинки.

Красные ручейки текут в трещины на земле и толпа падает, смертельно тихая, их лица, больше не держат улыбки для их лидера, когда Райден подходит к своему убитому солдату.

- Это то, почему мы не преуспели! - вопит Райден, пиная тело, когда он пытается удостовериться, что это мертво. - Мы медленные и уязвимые... и некоторые из нас позволяют важным миссиям быть отсроченными. - Он поворачивается

обратно к другому Буреносцу, который принес Вейна. - Я мог уничтожить тебя. Но я уже высказал свое мнение. Одним махом что-то может уничтожить нас. Даже слабак как он.

Он указывает на тело Вейна, колеблющееся в небе. На сей раз никто не радуется.

- Но у меня, наконец, есть решение, - говорит им Райден. - Соберитесь вокруг.

Медленно, аккуратно, Буреносцы формируют трудный круг вокруг него, переступая через их упавшего товарища.

Райден все еще стоит спиной ко мне, но я могу услышать улыбку в его голосе, когда он говорит:

- Водоворот сделал блестящую работу по хранению наших заключенных, подчиненных во время допросов и избавления от них, когда мы заканчиваем. Но мы так редко изучаем то, что мы хотим, и я всегда находил, что процесс немного расточительным. Все те совершенно хорошие солдаты, питаемые ветер, как кусочками мяса. Таким образом, я работал над лучшим решением. Я на ногах, не решаясь встать. Все в этом чувствуется неправильным. Райден предположил опросить Вейна... не делай этого, чем бы это ни было.

Райден наконец нашел способ требовать какую-то тайну, которую он хочет?

Я поворачиваюсь и бегу глубже в щель и начиная вибрировать в горе.

Возможно, если я доберусь до возвышенности то будет несколько ветров, и я могу соткать шип ветра и...

И что?

Убрать Райдена... злодея, которого мы пытались убить в течение многих десятилетий... одним прекрасным выстрелом?

Вероятно, нет.

Я уверена, что у него есть все виды обороноспособности, которые я не вижу. Но я могла забрать Вейна...

Мои руки дрожат настолько сильно, они теряют свою хватку на камнях, и я двигаюсь на несколько шагов, прежде чем мои ноги остановят мое падение. Должен быть другой выбор.

Должен.

Быть.

Другой выбор.

Райден начинает шипеть ряд команд, и я поднимаюсь быстрее, ища в воздухе любые проекты, которые я могу использовать. Я все еще не могу почувствовать никого... но ветер отвечает на требование Райдена.

Толстые серые порывы распутывают откуда ни возьмись, и я смотрю в ужасе, когда они оборачиваются в кокон вокруг Вейна, погребая его в их облачной раковине.

Я начинаю дрожать, когда вспоминая сливное отверстие, куда Буреносцы заманили меня в ловушку, когда они напали несколько недель назад. Я никогда не забуду тот способ, которым проекты резали и рвали, ломая меня постепенно. Если бы Вейн не разрушил раковину шипом ветра, то сливное отверстие поглотило бы меня полностью.

Я борюсь со своим путем к вершине горы, чувствуя мой первый проблеск надежды, когда я достигаю нескольких рассеянных бризов. Они слабы и отказываются отвечать на мой зов, но наконец Западные чувствуют присутствие моего щита и решают доверять мне... и как только они делают это, другие ветры следуют за ними. Я тку их в шип ветра и добавляю Западный, ныряя, когда ветры крутятся, потрескивают и формируют острое копьё воздуха. Я прослеживаю пальцем острый край.

Теперь у меня есть щит и меч. Возможно, этого будет достаточно.

Моя надежда исчезает, когда я возвращаюсь к бассейну.

Масса ветров раздувается в такой большой, что она отбрасывает физическую тень, покрывая весь круг Буреносцев.

- Вы, возможно, захотите сделать шаг назад, - предупреждает Райден, когда он рычит другую команду, и унылая серая ярость ветров восстает к жизни. Буреносцы отходят в сторону, когда масса утраивается в размере, ветры плачу и воют. Это кошачьи вопли... рычание... и я не могу двигаться, не могу думать, не могу сделать ничего кроме того, чтобы смотреть, ветры бушуют, пожирают и задаюсь вопросом, что происходит с человеком, пойманым в ловушку внутри.

Внешняя оболочка наконец рушится, и ветры вращаются внутрь, крутятся в торнадо, который раздувается выше и шире с каждым вторым прохождением. Я теряю след тела Вейна, когда вихрь наклоняется и ударяется о землю в огромной трубе циркуляции, темно-серых ветров. Две меньших трубы отклоняют вершину, простираясь к земле, но

останавливаются, прежде чем они достигнут главной трубы, и маленький шар ветров коронуется лучшим центром массы. Тени просачиваются между формами, в то время как ветры продолжают напрягаться, пока шторм почти не...

Я задыхаюсь.

Он не может...

Это не...

Мои страхи подтверждаются несколько секунд спустя, когда ветры заканчивают свой заключительный поворот, и трещина проходит по центру шторма. Обрывки разорванные ветром далеко разлетаются, цементируя остальную часть ветров в животное торнадо с головой и руками, приложенными к его туловищу.

Буреносцы отступают от монстра, который выше них, но Райден передвигается, его светлые волосы развеваются на ветру, когда он кричит что-то, что я не могу понять.

Монстр поднимает руку и приветствует.

- Узрите первый Живой Шторм. Начало нашей новой армии, - объявляет Райден, поворачиваясь к его солдатам лицом. - Построенный из крови нашего самого сильного врага и слитый с силой наших самых темных ветров. Я - его Хозяин, и он слепо повинуется мне. Но он может бороться как солдат и бушевать как ветер.

Каждое слово чувствуется подобно удару, но я подавляю свое рыдание и вынуждая себя принять их.

Я смотрю на шип ветра в руке, понимая, что пора позволить ему послужить своей цели.

Вейн - Живой Шторм.

И это моя обязанность - убить его.

Глава 23

Вейн

Я никогда не был внутри логова злодея раньше, но я уверен, что Долина Смерти встречает каждое клише требованием.

Жуткое имя - раз.

Расположено посередине нигде - два.

Несчастный, зачем кому-то захочется приехать сюда? условия - о-о, обязательно заключительное.

И бонусные очки за зловещие ветры, циркулирующие вокруг, поющие о монстрах и дьяволах и горах, куда ветер идет, чтобы умереть.

По крайней мере, я знаю, что мы находимся в правильном месте, но все же. В следующий раз я выбираю особняк на частном острове или что-то вроде того.

Мы останавливаемся каждые несколько миль, таким образом, я могу проверить Восточные на след Фенга, и я всегда ищу Одри.

Ее след все тянет меня в том же самом направлении.

Наша связь чувствуется сильнее, таким образом, я надеюсь, что это означает, что она не находится ни в какой серьезной опасности. Но ясно, что неважно, в какой беде оказался Фенг, Одри там же.

Серые облака появляются на горизонте, и ветры становятся более бешеными, когда Гас делает так, чтобы мы приземлились около пункта наблюдения на горный перевал.

- Я сам могу почувствовать след Фенга теперь, таким образом, я предполагаю, что они имеют с другой стороны этот диапазон, - говорит он мне, когда распутывает волосы из косы и снимает жакет опекуна. - Мы должны подготовиться здесь.

Я закатываю глаза, когда он снимает свою черную майку.

- Мы готовимся к сражению или танцуем в стрип-клубе?

- Пока мы не знаем то, с чем мы сталкиваемся, более безопасно, если я не буду похож на Бурю. - Он расстегивает синее ожерелье с серебряным кулоном пера и подворачивает его в ботинок. - И ты, возможно, захочешь убрать это.

Он указывает на браслет-компас, который Одри дала мне. Я никогда не снимаю его, но он прав. Это, вероятно, кричит, я - Западный.

С другой стороны мы несем сумасшедшие синие шипы ветра, таким образом, я держу пари, что они узнают, что что-то произошло.

Я открепляю зажим, ненавидя, чтобы руки дрожат, когда я запикиваю браслет в карман.

Я знаю, что мы идем в район боевых действий, и может быть тяжелая борьба впереди, но я, честно, более озабочен тем, что произойдет после этого.

Что, как предполагается, я должен сказать Одри?

Последнее известие, которое я получил от нее, было неопределенное извинение, которое она послала по небу... и это, возможно, очень хороший для Странников Ветра эквивалент сообщения о разрыве.

Я не уверен, что сделаю, если это было так.

Вероятно, схвачу ее за лодыжки и не отпущу, пока она не согласится дать мне еще один шанс. Но сначала я должен удостовериться, что она в безопасности, и мы должны спасти отца Гаса и выйти из этой долины живыми. Не с этими вещами я планировал столкнуться сегодня, когда проснулся... но эй, я также не ожидал, что в моей постели окажется горячая девушка, таким образом, это был день неожиданностей.

Я снимаю свою футболку и бросаю ее на землю.

- Ты можешь отставить одежду. Ты не носишь униформу Бурь.

- Да, но здесь чертовски жарко. Поэтому, каков план?

- Мы летим, хватаем моего папу и влезает в дерьмо там. И если кто-либо подходит к нам, мы используем их. - Он делает острый жест своим шипом ветра.

- Мне это нравится, - говорю я, даже при том, что моя голова кружится, а сердце колотится, и я не уверен, как я смогу нанести удар кому-то шипом ветра.

Или многократным кому-то...

- Готов? - спрашивает Гас, зовя к себе единственный Восточный.

Я отсылаю их.

- Я думаю, что мы должны полететь с Западными. Буреносцы не смогут почувствовать наш след на них.

- Хорошая мысль. - Гас ступает ближе и обхватывает руками мои плечи. Мне внезапно жаль, что я не оставил на себе рубашку.

Гас откашливается.

- Думаешь, что это было бы менее неловким, я стоял за твоей спиной?

- Мм, я не вижу, как это будет.

Я хватаю его руки и перемещаю их на мои локти, прежде чем зову каждый Западный поблизости и прошу сформировать пузырь ветра вокруг нас.

Проекты, кажется, нервничают, чтобы повиноваться... и я должен просить дважды, прежде чем они делают пузырь. Но они, наконец, запускают нас в небо, бросаясь с такой скоростью, как они могут, чтобы скрыть наши формы, когда мы летим том в направлении, куда ведут меня следы.

- Мы в правду сумасшедшие? - спрашивает Гас, когда облака закрывают солнце.

- Вероятно. Но что еще мы, как предполагается, сделаем?

- Я мог бы последовать моим указаниям, вместо того, чтобы рисковать жизнью, чтобы спасти моего отца. Он бы не хотел, чтобы я делал это.

- У меня были свои собственные причины, чтобы идти, Гас. И все будет хорошо. Я сталкивался и с худшим.

Я действительно хочу верить, что это правда, но у земли под нас есть широкая колея, бегущая по центру, что сильно походит на новый путь торнадо. И чем ближе мы подбираемся к долине, тем более бешеными Западные становятся в нашем пузыре. Требуется вся моя концентрация, чтобы держать их под контролем.

Таким образом, когда Гас кричит:

- Следа моего отца не стало! - это ломает мою концентрацию, и ветры распутывают.

Хорошие новости, мне удастся убедить один из Западных поймать нас.

Плохие новости, он не достаточно сильный, чтобы нести нас обоих и все, что он действительно делает, это замедляет наше падение.

Мы сильно ударяемся о землю... хотя приземление было, вероятно, намного более мягким для Гаса, так как чувак приземлился сверху меня. Я стону, как он скатывается, пытаюсь быть благодарным, что ничто не чувствуется сломанным. Гас вскакивает на ноги и двигается к краю утеса.

- Что происходит? - спрашиваю я, когда я спотыкаюсь.

У меня падает челюсть, когда я вижу все действие.

Долина наполнена по крайней мере пятьюдесятью Буреносцами... с каким-то белокурым парнем, который должен быть Райденом, стоящим в центре. Но ужаснее всего, что это ничто по сравнению с гигантским торнадо с головой и руками, которое нависло над всем.

Я смотрю в изумлении, когда оно берет гигантский валун и швыряет его в гору.

Половина обрыва скалы рушится.

Твою.

Же.

Мать.

- Что ты делаешь? - рычит Гас, когда я хватаю свой шип ветра и выстраиваю в линию мою цель.

- Я избавляюсь от этого... независимо от того, что это такое. - Я проверяю свое колебание, чувствуя головокружение, когда понимаю, что собираюсь убить что-то.

Но это не человек.

Это... ну... Я не знаю, что, черт возьми, это, но это не человек или сильфида — это наверняка.

Это сила смерти и зла и ничего иного... и я не собираюсь позволять Райдену использовать ее.

- Подожди, - говорит Гас, хватая меня за локоть и останавливая меня на середине.

- У нас нет времени ждать, Гас. Подумай о том, что может сделать эта штука, если она выйдет из долины.

- Да, но ты не можешь выдать наше местоположение и израсходовать одно из нашего единственного оружия, пока у нас нет моего отца и пути выбраться отсюда.

Я ненавижу его за то, что он прав.

А также, я должен найти Одри.

Но мы должны быть быстрыми, потому что у меня такое чувство, что Райден только принес его новую игрушку на "Покажи и Расскажи". Мы должны разрушить ее, прежде чем будет слишком поздно.

- Ты не сможешь найти его, - говорит мне Гас, когда я закрываю глаза и ищу воздух. - Следа Фенга полностью не стало.

Одри тоже.

Все ветры исчезли... и наша связь исчезла слишком много для меня, чтобы следовать.

Но должен быть способ найти ее.

Я заставляю себя сосредоточиться, прося мои инстинкты направлять меня, когда я поднимаю руки и ищу каждую унцию концентрации. Мой мозг чувствует, что он взорвется, но боль встает, когда теплый зуд колет мою ладонь, рассказывая мне, что там есть западный, где-то на другой стороне бассейна.

Я пытаюсь призвать его ко мне, но упрямый ветер не сдвигается с места, почти как если кто-то еще управляет им.

Это может быть Одри?

Пот стекает вниз по лицу, когда я пытаюсь заблокировать местоположение проекта, но все, что я могу сказать, то, что напряжение прибывает из одной из узких трещин в бесплодных землях.

- Куда ты идешь? - спрашивает Гас, когда я делаю разрыв самой близкой глыбы скал.

- Там кто-то есть, в одной из тех щелей.
- Ты думаешь, что это мой папа?
Я ненавижу себя за упущение всего о Фенге.
- Я не знаю. Я не могу даже сказать, из какой щели это идет.
- Хорошо, тогда давай проверим их все... но нам лучше быстрее двигаться. - Мы оглядываемся на гигантскую штормовую вещь, которая бросает больше скал в горы.
Гас тянет свой шип ветра и бежит к следующему обнажению. Но на полпути там я замираю.
Я видел, что что-то переместилось в одну из щелей, но это было слишком быстро, чтобы сказать, что это было.
Я искоса смотрю в тени, и это снова перемещается... и на сей раз я мельком вижу темные волосы и бледную кожу.
Мой восторг длится приблизительно .0004 секунды. Потом Одри выходит на узкий выступ посреди горы, вставая перед всеми Буреносцами, когда она вырачивает специальный шип ветра и швыряет его в свиепый Шторм Райдена.

Глава 24

Одри

Бросок того шипа ветра был самым трудным, что я когда-либо делала.
Я знаю, что Вейн лучше бы умер, чем служил бессмысленным наемником Райдена... но когда я наблюдаю, как бледно-синее копьё проносится по небу, я не могу заставить себя быть убежденной в этом, я планировала. Темные узоры в Живом Шторме так похожи на глаза, наблюдающие за мной, когда я уничтожаю его навсегда... и боль моей связи все еще остается в груди.
Что если малая часть Вейна осталась?
- Отклонись! - кричу я Западному, задерживая дыхание, пока шип не меняет курс. Он проходит мимо Вейна в дюймах над головой и приземляется на землю на расстоянии в несколько футов.
Прямо у ног Райдена.
- Приди! - шиплю я шипу, и он проносится к моей ждущей руке. На секунду мы с Райденом просто смотрим друг на друга, его ярость очевидна даже из таком большом расстоянии.
Но я также могу увидеть его голод.
Он знает о силе, которая у меня есть.
И он хочет ее.
- Есть два способа, которыми мы можем сделать это, - кричит Райден мне, когда его Буреносцы поворачиваются к нему, ожидая приказа. - У нас есть уловки. - Он зовет Живой Шторм. - Но у меня также есть моя армия. А у тебя?
Он ждет, как будто он ожидает, что флот Бурь высунется из теней.
- Это то, что я думаю. Значит, теперь ты можешь сдать. Или мы посмотрим, у кого из нас оружие сильнее... хотя у меня создается впечатление, что ты действительно не хочешь разрушать это. - Он проводит

рукой к трубе Живого Шторма, его голос нагружен ложным сочувствием, когда он просит, - Он был твоим другом?

Я нацеливаю свой шип в голову Райдена.

- Решай сама, - говорит он, когда его Буреносцы начинают подниматься в горы надо меня, заманивая меня в ловушку в каньоне.

Райден спутывает команду, которую я не могу понять, и я чувствую, что мои внутренности сжимаются, когда Живой Шторм раздувается в три раза к его уже и так огромному размеру, вырисовывающийся по долине в башне тени и ветра.

Я ныряю назад в щель, которую я измерила и скатываюсь, благодаря мой Западный щит, защищающий кожу от царапин острых скал. Как только я возвращаюсь на землю, я мчусь к Водовороту, надеюсь, что голодные, циркулирующие проекты будут держать Живой Шторм достаточно долго то меня, чтобы придумать план. Но я делаю только несколько шагов перед грозовой путаницей ветра вокруг меня, и тянет меня назад к открытой площадке.

- Не делай этого, Вейн, - кричу я, когда смотрю на неистовые ветры, пытаюсь найти тени, которые были похожи на глаза за несколько минут до этого.

Все, что я вижу - холодный, взбешенный Шторм.

Кулак напрягается, выбивая из меня дыхание, и я пытаюсь вытянуть свой свободный шип ветра, но я не могу дышать, и боль так остра, как будто все кости в моем теле раскалываются от давления.

Света мелькает, и я чувствую, что мое сознание начинает ускользать. Но в сером космосе между кошмаром и темнотой я вижу пятно глубокого синего цвета, пролетающее мимо меня и врезающееся в плечо Шторма.

Ветры воют, корчатся и крутятся, когда темный серый туман просачивается из раны Живущего Шторма, заставляя воздух становится на вкус соленым. Я зажимаю рот, когда извиваюсь избавленная от его ослабленной хватки... понимая ошибку, когда я падаю как птица с переломанными крыльями, и нет никаких ветров, чтобы сбежать или позвать на помощь.

Я готовлюсь к удару, но в следующую секунду мой Западный щит скачет, покрывая меня толстой раковиной воздуха, которая поглощает большую часть удара.

Гигантский кулак Живого Шторма мчится ко мне, и я встаю на ноги за секунды до того, как он ударяет там, где я лежала. Я спотыкаюсь и бреду к своему потерянному шипу ветра, но Шторм хватает мои ноги, и я должна цепляться за резкую землю со всей силой, которая у меня есть.

Мои руки начинают соскальзывать, когда пятно светлых волос полетает ко мне и разрезает запястье Шторма копьём темно-синего цвета.

Рука Шторма рушится в толстый серый туман, который лишает возможности видеть, когда его рев боли разрушает меня к самым глубоким частям моей сущности.

Я борюсь, прокладывая путь через летающие обломки, когда Шторм воет снова, и больше тумана взрывается вокруг меня.

Прежде чем я смогу сделать другой шаг, полоса синего пролетает мимо меня, разрезая самую толстую массу тумана. Отвратительные серые части тумана за секунду распадаются, и я вижу проблеск белокурого воина, когда он выращивает свой шип и направляет его в голову Шторма.

- Нет! - кричу я... но слишком поздно.

Шип поражает свою цель, и мир взрывается.

Удушливое облако закрывает все черным, когда земля дрожит, и камни льются дождем, и высокий визг иссушает мой мозг. Я знаю, что должна бежать, двигаться, дышать. Но я не могу.

Шторма не стало.

Вейна не стало.

Сильные руки хватают меня сзади, трясая меня крошечными искрами, когда они разворачивают меня.

- Эй, успокойся, - говорит мне знакомый голос, когда я пинаюсь, побеждаю и борюсь, чтобы вырваться на свободу. - Это - я.

Я замираю, искоса глядя через туман, чтобы посмотреть в лицо, оно столь же прекрасно, сколько и невозможно.

- Вейн? - Мои ноги подкашиваются, и я падаю в теплые руки, которые не должны быть здесь, впитывая электрические покалывания, которые я, как предполагалось, не почувствую снова. - Ты мертв.

- Я?

Он берет мое лицо в руки и наклоняет мой подбородок, вынуждая меня смотреть ему в глаза... яркие и синие даже во всей этой темноте и хаосе.

Я не знаю, это сон или заблуждение... но я знаю, как хочу это использовать.

Я притягиваю его лицо, чтобы взорвать и поцеловать его с каждой унцией любви и тоски, за которую я держалась все эти недели.

На вкус он вкуснее, чем я помню, и жар между нами интенсивнее, поднимается через меня как песчаная буря, когда отделяюсь от его губ и целую его глубже. Его искры горят на моем языке, когда я позволяю последним частям меня прийти в него... разделяясь полностью. Делая его моим.

Это все, что я хочу, и если каким-то образом я получаю этот сон вместо того, чтобы он утек, я никогда его не отпущу. Не дам страху встать между нами снова и снова.

Я слышу, другой взрыв и руки Вейна скользят к моим плечам и отодвигают меня мягко подальше.

Мы задыхаемся, и я дрожу от легкомысленного смеха.

Он все еще здесь.

Все еще теплый и красивый и...

- Мы в большой беде... ты действительно понимаешь это, да? - спрашивает он меня.

Я поднимаю глаза от его лица и понимаю, что туман очистился достаточно, чтобы показать хаос и разрушение вокруг нас.

- Я знаю, я объясню позже, - говорит Вейн кому-то позади меня, и я оборачиваюсь, чтобы встать перед белокурым воином, которого я признаю как Бурю, которую я неопределенно помню со своих дней в обучении.

- Похоже, я получаю три по цене одного, - кричит Райден, его глубокий голос эхом разносится по всему каньону.

Я смотрю и нахожу, что Шторм присел в утесах вокруг нас, считая шипы ветра отлично нацеленные на наши головы. Каждый возможный путь заблокирован... даже вход в Водоворот... и воздух наполнен только неуклюжими, сломанными проектами.

Райден стоит между двумя Буренцами на самом высоком предгорье, его спокойствия сочтется их позы и уверенности, когда он изучает нас троих.

- Теперь, на вашем месте, я бы сдался, - предупреждает он.

Вейн вытаскивает шип ветра, когда Гас откидывает волосы назад и передает мне оружие, который я потеряла. У него есть другой, более темный синий шип, сжатый в его кулаке.

- Есть идеи? - спрашивает его Вейн.

Он вытирает кровь, та течет вниз по его лицу от пореза около глаза.

- Да. Мы сражаемся.

Глава 25

Вейн

Огромная часть моего мозга хочет праздновать тот факт, что ОДРИ ПРОСТО ПОЦЕЛОВАЛА МЕНЯ!!!!!!! Но сейчас не время.

- Я очень щедр со своим терпением, - кричит Райден, когда Буреносцы на утесах проверяют свою цель.

- Я бы предпочел забрать вас троих со мной... но я действительно мне нужен только один. Так что сложите оружие на песке и спасите себя от ненужных потерь.

- Или вы могли положить те жалкие вещи, которые называете шипами ветра, - кричит Гас, протягивая шип, я сделал его сияющим солнечным светом вдоль острых краев, - и спасти меня от необходимости накостылять вам одному за другим.

Я хватаю его руку и тяну ближе ко нам с Одри.

- Вероятно, это не хорошая идея - злить парня, который может приказать нас убить в любую секунду.

Гас извивается в моей хватке.

- Он не собирается убивать нас. Он видел то, что я просто сделал к его скотским Штормом... он будет осторожен, пока он не увидит, насколько мы сильны. И бесить его - лучший способ заставить его сказать мне, где мой папа. Люди становятся неаккуратными, когда они злятся.

- Твой папа? - прерывает Одри.

Только звук ее голоса заставляет мое сердце колотиться. Чувак... сконцентрируйся!

- Буреносцы взяли его этим утром, - говорю я ей, удивленный,

как давно я не чувствовал ничего такого. - Вот как мы нашли это место. Мы следовали за их следом.

- Сколько ты здесь? - спрашивает Гас Одри. - Ты видела, куда они его привели?

- Видела, - шепчет Одри, сильно бледнея.

Гас хватается за руки.

- Что? Где он?

Она дрожит так, что я должен прижать ее к себе.

- Что случилось?

- Я... - Ее голос раскалывается, и она делает глубокое, дрожащее дыхание. - Шторм...

- Считаю до десяти! - кричит Райден.

Гас наклоняется ближе.

- У нас заканчивается время. Где мой папа?

- Девять! - кричит Райден.

Одри качает головой, единственная слеза катится вниз по ее щеке, когда она смотрит Гасу прямо в глаза.

- Шторм - это твой... Я видела, как Райден сделал его. Он взял заключенного, и он запутал его на темных ветрах и заставил их раздуться в гигантскую массу, как кокон. И когда проекты наконец распутали, все, что осталось, было...

Я вижу, как все краски уходят с лица Гаса, и я уверен, что с моим лицом тоже самое.

Так... странный Шторм с головой и руками.

Это был...

И когда Гас разрушил его, он...

- Семь! - Я слышу требование Райдена, когда Гас опускает свой шип ветра и отступает, когда он фактически может видеть кровь своего отца на нем.

- Как выглядел заключенный? - шепчу я.

- У него на лице был капюшон. Но на нем была униформа Сил Бури, и Райден сказал, что Буреносцы просто схватили его сегодня... и что он устроил драку и задержал их.

- Шесть!

- Боже, Гас... я даже не... - говорю я, когда глаза Гаса становятся туманными, и он начинает дрожать. - Мне так жаль... и я чувствую себя придурком, когда говорю это, но... прямо сейчас ты должен собраться. Мы - в серьезной беде. Я беру его шип ветра, и он подсакивает назад как от чумы.

- Пожалуйста, Гас. Если мы не сделаем что-то, Райдена получит точно то, что он хочет.

- Я дам ему, что он хочет, - кричит Гас, хватая шип из рук Одри.

Я предполагаю, что не должен быть удивлен, когда он оборачивается и швыряет его прямо в сердца Райдена... но я удивлен.

И Райден тоже.

Он кричит искаженную команду, и часть его разрушающих ветров ударяют по шипу. Но он разрезает них как масло, и Буреносцу рядом с Райденом

приходится убираться с пути... и шип делает толстую глубокую рану в руке Райдена, прежде чем тот делает непроницаемое лицо.

Все замирают.

Райден впивается взглядом в красный, который пропитывает его нетронутый рукав, и я предполагаю, что долгое время никто не давал ему отпор.

Буреносцы тоже кажутся потрясенными, наблюдая за их лидером широкими глазами и открытыми ртами, когда они не могут подумать, что у него идет кровь.

- Ладно, время удирать! - кричу я, когда Райден приказывает Буреносцам атаковать.

Ярость разбитых ветров поднимается, заставляя воздух чувствоваться толстым, когда они как когти полосуют и рвут нашу кожу. Мы несемся, петляем, чтобы сделать из себя более тяжелый для попадания цели, когда десятки шипов взрываются вокруг нас.

Теперь настало действительно удивительное время, чтобы сформировать трубопровод и высосать нас отсюда... но нет никаких проектов, которые можно позвать.

- Сюда, - кричит Одри, указывая на огромный валун, который даст нам, по крайней мере, временное укрытие.

Она с трудом делает еще один шаг, прежде чем шип ветра поражает ее плечо, сбивая на землю.

Я слышу свой крик, и слезы перекрывают мои глаза, но Одри встает на ноги и бежит к тени валуна. Гас и я следуем за ней, и я падаю на колени, притягивая ее ближе и проверяя ее раны.

На ней нет повреждений.

- Как это возможно? - спрашиваю я, проводя руками по ее прекрасной коже. Теплые искры заставляют мои руки покалывать, но я также могу почувствовать мягкий бриз.

- Это Западный, - объясняет Одри. - Он обернут вокруг меня как...

Остальную часть ее слов душит взрыв.

Партия шипов ветра ударяет в наш приют, и валун ломается в центре, когда камни и душ пыли поднимаются вокруг нас.

- Нам нужен щит, - кричит Одри, прежде чем прошептать ту же самую просьбу Западному.

Я смотрю в удивлении, как проект вокруг нее простирается в воздух над нами, тонко распространяется и окутывает нас шелковым куполом прохладного ветра. Я никогда не видел ничего подобного.

Я предполагаю, что не должен быть удивлен, что Одри уже знает больше о моем языке, чем я... она как королева, я - Лучшее, Чем Все Остальные во Всем. Но странно видеть, как естественно Западный отвечает, не заботясь, что она командует Восточным.

Я толкаю тонкие стены воздуха, и моя рука скользит прямо через нее.

- Э, это будет достаточно сильным?

- Предполагаю, что мы узнаем, - говорит она, когда шип ветра врезается в соседний валун, распыляя его на крошечные части. - Но он до сих пор охранял меня.

- Слава Богу - шепчу я, снова проводя рукой по ее прекрасному плечу. Она тянется и вытирает мой лоб.

- Все хорошо, - говорю я ей, когда мы смотрим на кровь на ее пальцах. Она кивает. Потом она тянет меня ближе и целует... так быстро, и поцелуй заканчивается прежде, чем я могу даже понять его. Но я все еще могу почувствовать ее жар на губах.

- Для чего это?

- Я потеряла тебя дважды за последние несколько дней. Я больше не хочу извиняться.

Ну, я... определенно поклонник таких взглядов. Но...

- Подожди.. дважды? Когда был еще один раз?

- Мы поговорим об этом позже. Прямо сейчас у нас есть вещи, о которых нужно больше волноваться.

Мы смотрим на Гаса.

Он выглядит потным и бледным и ясно посреди своего рода краха... не то, чтобы я обвиняю его.

Я хватаю его за руку и трясусь, когда другой шип ударяет в наше укрытие.

- Будь с нами, хорошо?

Он кивает, но это слабый кивок, и я могу сказать по тому, как он закрывает глаза, что нам повезет, если ему удастся бежать самостоятельно.

- Должен быть выход из этого, - говорю я Одри. - Я имею в виду, у нас есть сила четырех. Разве мы не должны быть неуправляемыми?

- Райден играет по другим правилам.

Камень, позади которого мы скрываемся, взрывается, но черепки и галька отскакивает от нашего щита. Я пытаюсь сказать себе, что это подразумевается, защитит нас, но когда я вижу два шипа ветра, летящие прямо в нас, я не могу удержаться от того, чтобы убраться Одри за себя, чтобы защитить ее.

Мы падаем и накрываемся, когда шипы поражают свою цель, и земля вибрирует от ударной волны, которая заставляет мои уши звенеть. Но когда я поднимаю голову, Западный все еще накрывает нас, создавая карман прозрачного воздуха в массивной стене пыли.

- Самая впечатляющая уловка, - кричит Райден где-то через бассейн.

Невозможно увидеть через хаос, но, кажется, что он становится ближе. - Вы должны будете научить меня этому, когда будете готовы сдаться.

- Да, я не думаю, что у нас будет шанс выполнить это, - кричу я в ответ...

хотя знаю, что наш безопасный небольшой пузырь оставляет нас пойманными в ловушку и превзойденными численностью. - Кстати, эта вещь портативная? - Я спрашиваю Одри.

Она проводит руками вдоль проекта.

- Я не могу придумать команду, которая сделала бы это, а ты?

Я закрываю глаза и шепчу просьбу, пробуя дать моим инстинктам вступить во владение. Но песня ветра становится тихой. Почти грустной. Песня о трудностях, которые слишком тяжелы, чтобы нести одному.

- Я думаю, что нам нужен один для каждого из нас, - говорю я ей.

- У нас будет еще два Восточных, если мы распутаем наши шипы ветра.

Верно...

- Но тогда у нас не будет оружия, никакого плана, только щит... и мы понятия не имеем, насколько сильный этот щит. Он действительно сможет поддержать против ветрорезов?

- Я не знаю, - признается Одри. - Я даже не знаю, готов ли Западный оградить Гаса, так как он не говорит на их языке... и ни у одного из других ветров нет команды, которая работает как эта. Я думаю, что это только Западное. Они - защитные ветры, не нападающие.

Три причудливо выглядящих шара темных, облачных ветров придерживаются нашего щита, и я тяну Одри к земле, когда они взрываются как гранаты.

Бедные Западные кричат, когда это ударяет, но ему все еще удается держать щит вокруг нас. Это самый упрямый, лояльный ветер, который я когда-либо видел. Вероятно, поэтому он так нравится Одри.

- Возможно, тогда мы должны лететь, - говорю я, когда Одри шепчет мягкие слова, чтобы поощрить наш верный щит. - Мы могли бы распутать шипы и использовать ветры, чтобы убраться отсюда.

- Ты действительно думаешь, что мы сможем опередить всю армию Райдена с горсткой усталых проектов?

- Если мы используем силу четырех.

Она качает головой.

- Есть уловка, которую они могут использовать, которая будет считать нас временно отстраненными в небе... даже со всеми четырьмя ветрами. Я не уверена, как это работает, но я была пойман в ловушку этим, и это оставило меня беспомощно вращаться в течение многих часов. Мы нуждаемся в чем-то слишком быстрым для них, чтобы вмешаться, как трубопровод. Но требуется очень определенного набора ветров.

И они в проигрыше.

Это похоже на добровольное попадание в торнадо и разрешение ему взорвать тебя где-то на сверхсветовой скорости. Но это вероятно, наш лучший выбор.

- Нам нужно отвлечение, - решаю я. - Что-то, что заставит Райдена напряженно трудиться, таким образом, мы сможем убраться достаточно далеко, чтобы найти ветры, чтобы сделать трубопровод. Есть идеи?

Другая единица причудливых гранат ветра летит в наш щит, и Одри кричит бедным Западным оставаться сильными, когда они взрываются.

Я никогда не слышал, что проект так визжал, как наш щит, когда ему фактически физически больно. Но тем не менее, он держится.

- Сколько ветров в этих шипах ветра? - спрашивает Одри, указывая на те два, которые я сделал.

- В каждом - только один.

Гигантский валун врезается в наш щит, но так или иначе удивительные Западные откидывают его прочь. Он безопасно разрушается рядом с нами в гигантском облаке пыли.

Одри садится прямее.

- А что касательно хабуба?

- Прости, чего?

- Хабуб - это большая пыльная буря, которая глотает все на своем пути.

- Хорошо, я пытаюсь думать, как это сработает, но все, что я слышу - "болван".

Она впивается взглядом в меня, когда другая волна ударяет шипы ветра против нас настолько сильно, что я вижу, как наш бедный щит слегка колеблется. Они должны быть почти над нами, и у меня есть ужасное чувство, что, когда они доберутся сюда, они смогут достать прямо через наш небольшой купол воздуха, точно так же, как я могу. Предполагается, что Западный сможет протянуть до тех пор.

- Хабуб сработает, - настаивает Одри.

- Ладно, тебе нужно перестать называть это так.

Она игнорирует меня.

- Раньше все время мой отец делал их. Они - один из лучших способов вызвать массовый беспорядок... что нам нужно прямо сейчас. Мой отец всегда использовал Восточные, но я держу пари, что мы могли сделать это с Западными.

- Ладно, откладываем в сторону шутки о хабуб, я приберегу их на потом, между прочим, сколько проектов использовал твой пап для этого?

- Сотни, - признается она.

Другой взрыв шипов ветра качает нас, и мы шепчем успокоительные слова, чтобы успокоить испуганный щит.

- Трех Западных, которые у нас есть, тем не менее, может быть достаточно, - говорит Одри спокойно. - Два шипа, плюс тот, что обернут над нами. Нам требуются только несколько минут, таким образом, мы можем добраться до возвышенности и найти ветры, чтобы вырваться отсюда.

- Верно, но тем временем у нас не будет оружия, никакого щита, ничего.

- Я не вижу другого выбора... а ты?

Нет.

Но...

- Я учился Западному, и они очень хитры, чтобы заставить их сделать что-то сильное. Они поют о мире, спокойствии и приюте.

- Я знаю, я нашла то же самое. Но хабубы - просто безумство силы и пыли. Мы не причиняем никому боли. Мы просто создаем достаточно хаоса, чтобы отвлечь Райдена, таким образом, он ослабит свою охрану, и несколько здоровых ветров смогут просочиться.

Еще один из шипов ветра атакует, и на сей раз пыль и камни прорываются через небольшие промежутки, появляющиеся в нашем щите. Западные не собираются больше держаться.

- Так, что ты хочешь сделать? - спрашивает меня Одри.

Я не могу принять это решение.

Если что-то пойдет не так, как надо и Гас, или Одра попадут в плен...

Я беру ее руки, откашливаясь, таким образом, я могу вытеснить свои следующие слова.

- Слушай. Райден, не собирается убивать меня. Я мог бы заключить с ним сделку...

- Нет, Вейн. Он видел, что я говорю На западом. И он убьет Гаса только из-за мести... или оставит его в живых и... - Она дрожит, обхватывая себя руками. - Я сама видела, что он может сделать.

Зеленоватого оттенка ее кожи и дрожи в голосе достаточно, чтобы убедить меня.

- Хорошо тогда я предполагаю, что мы должны будем просто сделать это, - говорю я спокойно. - И надеяться, что Западные сделают большой хабуб.

Глава 26

Одри

Буреносцы придвигаются ближе.

Я могу почувствовать силу взрывов.

Страх пронзает наш лояльный Западный щит.

Райден казался потрясенным нападением Гаса. Пораженный тем фактом, что он не мог сдержать его. Разъяренный, что его армия видела намек на его слабость.

Если он поймает нас теперь, то это только будет ради изучения нашего языка. Он также удостоверится, что мы наказаны, яростно и публично так, чтобы не возникало никакого вопроса, кто безраздельно властвует.

Несомненно, у кого окончательная сила.

Мои руки дрожат, когда я помогаю Вейну распутать наши шипы ветра, и я пытаюсь потянуть спокойствие и мир от Западных, когда я наматываю их вокруг запястья.

- Что? - спрашиваю я, когда ловлю Вейна на том, что он смотрит на меня.

Застенчивая улыбка показалась в уголках его губ, что кажется неуместным, когда взрывы отзываются эхом вокруг нас.

- Прости. Это просто... каждый раз, когда Бури просят, чтобы я научил их Западному, я чувствую себя больным. Я не могу представить, что доверяю им ту ответственность. Но когда это - ты, я...

Он не заканчивает, но его улыбка говорит мне то, что он не произносит. Те же самые слова, которые я внезапно должна сказать, даже при том, что наше время заканчивается... или возможно особенно из-за этого. В случае, если я никогда не получу другого шанса, я должна сказать ему.

- Я рада, что выбрала тебя.

Я рассчитывала на глупую усмешку или самодовольную ухмылку, которую я так хорошо помню. Вместо этого его глаза становятся стеклянными, и он отводит взгляд.

Он откашливается.

- Так, какая команда для хабуба? Пожалуйста, скажи мне, что это включает слово "стучать".

Я чувствую, что улыбаюсь, даже при том, что я паникую внутри.

Я видела, как мой отец делал хабубы, но он никогда не учил меня, как делать это. И во время моего обучения в Бурях я была так сосредоточена на изучении сильных нападений, которые уберут большинство солдат, что я никогда не потрудилась изучать что-то еще. Я никогда не знала, что в сдержанности была сила. Только когда я начала слушать Западные. всю мою жизнь меня учили, что западный ветер был слаб. Никто не понимал, сколько силы идет из ветров, которые готовы сотрудничать, вместо доминирования, как Северные. Как осторожность стабилизирует проекты против ловушек, в которые могла бы нырнуть Восточная груда обломков. Как они всегда остаются быстрыми и активными, в отличие от вялого Южного. Они - самые согласные, послушные ветры, которые я когда-то испытывала... и поэтому ли из-за их легкой природы или вследствие страданий, так много потерь и одиночества, я не могу быть уверена. Но я знаю, что могу убедить их сделать это. Я просто должна найти правильные слова.

- Ты когда-нибудь призывал хабуб? - спрашиваю я Гаса, надеясь, что команда могла бы быть одинаковой на любом языке.

Гас качает головой, его глаза, все еще столь же безучастные, я даже не могу сказать, понимает ли он меня.

- Ты не знаешь, как это сделать? - спрашивает Вейн, представляясь столь возбужденным, как я чувствую.

- Я могу понять это, - обещаю я, приказывая себе верить в это.

Я вспоминаю хабубы, которые я видела. Мой отец всегда вызывал быстрый нисходящий поток, который разбивал землю настолько сильно, что она поднимала высокую стену пыли. Большая часть силы прибыла из того, сколько ветров он использовал, но если я смогу заставить свой Западный течь в цикле, высоко взлететь, а затем резко отступить и так много раз, то они могли бы быть вызвать тот же самый эффект после нескольких вращений.

Но это сложная команда. Отдельное слово не объяснит много шагов. Для этого мне будет нужна цепь слов, как то, когда я зову ветер.

Западные, циркулирующие вокруг моего запястья, чувствуются слишком отвлекающимися, слишком разбитые всем хаосом, чтобы разделить их тайны. Таким образом, я сосредотачиваюсь на своем лояльном щите, ненавидя, что я должна повернуться к нему снова. Чувства проекта, утомленные и увядшие, и его голос спокоен, его слова теперь заикаются, когда он поет.

Звук разбивает мое сердце, и мне жаль, что я не могу отослать бедный ветер, сказать ему блуждать по бесконечному небу и никогда не волноваться обо мне снова. Но я все еще нуждаюсь в его помощи, таким образом, я шепчу, мягко извиняясь, и прошу об еще одной услуге.

Песня проекта становится печальной и сладкой, шепча о продолжении, когда все остальное чувствуется холодным. И одна фраза выделяется из других. Сила мира.

Чем тяжелее я сосредотачиваюсь на нем, тем больше я чувствую, что другие слова покалывают в моем уме, циркулируя и выстраиваясь, пока я не узнаю то, что мои инстинкты говорят мне произнести.

Всплеск, и напряжение, и подъем увеличиваются. Потом падение и катастрофа с силой мира.

Правильность команды тяжело ощущается на языке, отчаянный шепот слова и заставляет их работать. Но не сейчас. Не пока Буреносцы близко, и я могу быть уверена, что хаос повлияет на них так, как нам нужно.

Вейн тянется к моей руке, когда земля снова дрожит, и я могу почувствовать, что бедные щит борется, чтобы держаться, цепляясь за нас троих с всей силой, которая у него есть.

- Я хочу, чтобы ты пообещала мне кое-что, - говорит Вейн, ожидая, когда я посмотрю на него. - Если что-то пойдет не так, как надо, и Райден схватит меня, я хочу, чтобы ты сбежала... нет, не спорь. - Он прижимает мою ладонь к щеке, закрывая глаза, когда искры танцуют между нами. - Я достаточно силен, чтобы справиться независимо от того, что Райден со мной сделает. Но я не достаточно силен, чтобы видеть, как он причиняет тебе боль.

- Вейн...

- Нет, действительно, Одри. Райден доставал меня последние несколько недель, посылая мне кошмары, заставляя меня верить, что ты у него, и он... - Он дрожит. - Я никогда не хочу, чтобы это было реально. Таким образом, мне нужно, чтобы ты пообещала, что, если ты сможешь уйти, ты уйдешь. Даже если это означает бросить меня. И попытайся забрать Гаса, если сможешь.

Я гляжу на Гаса, который ясно в шоке... не двигается и не мигает. Я могу только сказать, что он дышит. Мысль о спасении его вместо Вейна заставляет меня хотеть кричать. Но я могу понять нужду Вейна, поэтому я киваю.

- Надеюсь, что этого не произойдет.

- Но если произойдет?

- Тогда обещаю.

Он хватает меня и целует. Все еще электрический, голодный и захватывающий. Но есть печаль на сей раз, и я понимаю, что он прощается.

Я не позволю ему оставить надежду.

Я прижимаюсь ближе, пытаюсь позволить ему почувствовать мою уверенность, пытаюсь показать ему, что он может верить в меня снова, пытаюсь...

- Так, это воины, которые думают, что могут победить меня? Два томящихся от любви подростка и опекун, который выглядит готовым испачкаться?

Вейн и я отдаляемся и находим круг Буреносцев, окружающий нас. Райден стоит в центре, так близко, что я вижу серо-голубой цвет его глаз. Углы его челюсти. Свободные пряди волос, которые шлепаются по лбу.

Есть что-то почти очаровывающее в его улыбке, когда он говорит:

- Двое из вас будут моими совершенно особыми гостями. Особенно ты. - Он указывает на меня, и я чувствую, что хватка Вейна напрягается на моей руке.

- Что касается тебя, — он поворачивается к Гасу, — Ты получишь честь заменить Живой Шторм, который ты разрушил. И я удостоверюсь, что на сей раз процесс будет особенно болезненным.

Колкость вырывает Гаса из его оцепенения, и в одном пятне движения он ныряет к Райдену и...

Он врежется в стену нашего щита и падает обратно в грязь.

- Захватывающе, - говорит Райден, когда он выходит вперед, проводя руками вдоль края Западного.

Я вижу, что Вейн задерживает дыхание, и понимаю, что делаю то же самое. Но независимо от того как сильно Райден нажимает, его рука не может пройти через барьер.

- Еще раз повторюсь, твои способности очень впечатляющие. И все же, твоя небрежность предают. - Он тянется назад и вытаскивает шип ветра, который Гас кинул в него. - Я подозреваю, что могу использовать это, чтобы взорвать ваш небольшой приют, очень интересный способ использовать его, чтобы раскромсать мой Живой Шторм. Но я не хотел бы рискнуть разрушать мою новую игрушку.

Он проводит ладонью вдоль точного края, и я должна помешать себе не сделать к нему выпад.

- Приди! - кричит Вейн Западному, и шип летит из руки Райдена и проходит прямо через щит.

Прежде чем Вейн ловит его, Буреносцы вытаскивают свои ветрорезы и заряды, но они выпиты щитом, который все еще чудесно держится сильным. Райден смеется, запрокидывая голову так, что я вижу его горло.

- Bravo. Но каково теперь твое движение? Ты собираешься прокрутить меня? Ветры сказали мне, как хорошо это произошло в прошлый раз, когда ты стал жестоки. Но, возможно, ты думаешь, что теперь ты сильнее. - Он выходит вперед, протягивая руки и обнажая грудь. - Тогда вперед.

- Давай, - просит Гас его.

- Не надо, - шепчу я.

Нет никакого способа, которым Райден возьмет на себя такой риск... даже если он думает, что Вейн слишком мирный. У него должна быть защита, которую мы не видим, и если Вейн нападет, то это будет иметь неприятные последствия для нас.

Вейн смотрит на Гаса. Потом на меня.

Его хватка на шипе расслабляется.

Гас качает головой, когда Райден смеется снова.

- Это то, что я думал.

- Я не собираюсь тебя убивать, - говорит Вейн, его голос более темный, чем я когда-либо слышала его. - Потому что смерть была бы слишком легка.

- Действительно? Это то, как это было для твоих родителей? - спрашивает Райден. - Легко?

- Нет. У них было что-то, ради чего жить. А у тебя? - Он шепчет команду, чтобы размотать шип ветра и улыбается, когда у Райдена отвисает челюсть. - Все, что у тебя есть - это сила. И я собираюсь устранить ее. Заставить тебя пережить остальную часть твоих дней, зная, что ты приблизился и потерпел неудачу. А затем ты сможешь умереть, один и никому не нужный.

- Если я не убью его сначала, - ворчит Гас.

Райден наклоняет голову, чтобы посмотреть Вейну в глаза.

- Я знаю ради чего ты должен жить, — он смотрит на меня, — и я надеюсь заставить тебя смотреть, как я ломаю ее на кусочки часть за частью.

Вейна трясет, когда он тянется к моей второй руке. Я начинаю скручивать наши пальцы вместе, но он сопротивляется, наматывая Западный, который он распутал из шипа ветра, вокруг моего запястья.

Наши глаза встречаются, и я чувствую дрожь внутри, когда я понимаю то, что он говорит мне.

Пора.

Я впитываю один последний порыв теплоты от прикосновения Вейна, собирая всю храбрость, когда концентрируюсь на четырех Западных, которые теперь у нас есть. Я хочу удержать наш щит и использовать только три потока из шипов ветра... но проекты настолько робкие и утомленные, я знаю, что их не будет достаточно.

Даже с щитом, работающим с ними, они все еще не смогут быть достаточно сильными.

Но мы должны рискнуть.

Один глубокий вздох успокаивает мое мчащееся сердце. Тогда я кричу Западную команду, и щит распутывает, ругаясь с другими ветрами, когда они проносятся в небо.

Буреносцы поднимают свои ветрорезы и отскакивают назад, готовящиеся, чтобы напасть на ветра. Но когда проекты ударяют в землю, они даже не поднимают достаточного количества пыли, чтобы сделать облако.

Райден так сильно смеется, что это отзывается эхом вокруг каньона.

- И вот так заканчивает свою жизнь последнего живущего Западного.

Буреносцы ставят нас на ноги, когда ветры возвращаются. Но когда они снова ударяют, они едва поднимают больше пыли, чем первый раз.

Райден смеется сильнее, крича слово, которое заставляет его высушивающие серые ветры запутаться вокруг Вейна и Гаса, когда он хватает мое запястье одной рукой и расчехляет его ветрорез другой. Лезвие - тускло-черного цвета, и когда он прижимает острый край к моему боку, сотни острых как бритва ожогов появляются и жалят с энергией, которую я никогда не чувствовала раньше. Я уверена, что быть пораженным молнией менее болезненно.

Вейн борется, чтобы добраться до меня... но Буреносец держит его слишком сильно. И когда Западные снова приземляются, их удар почти более слабый на сей раз, только рассеивает немного гальки.

- Теперь, кто сильнее? - спрашивает Райден, когда он прижимает лезвие глубже к моему боку.

На сей раз я воздерживаюсь от крика, но я чувствую, как кровь бежит по коже, и я вижу, как Вейн наблюдает это. Он пытается вырваться из хватки Буреносца, но его руки и ноги, все еще связаны высушивающими ветрами, он падает к сухой, резкой земле.

Райден с силой втыкает свой ветрорез в мое плечо, и оно немедленно кровоточит.

- Я мог разрезать ее на половинки прямо сейчас, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить меня. Хотя это действительно похоже на пустую трату.

Он водит пальцами по моему травмированному бедру, заставляя мою кожу гореть солью своего потного прикосновения.

Слезы текут по лицу Вейна, когда он борется вперед, но Райден снова пинает его, на сей раз в бок. Я слышу хруст кости Вейна, и он не двигается.

Болезненные ветры, связывающие его, сделали его бледным... а когда я поворачиваюсь к Гасу, я вижу, что он уже в отключке.

- Пожалуйста, - я прошу Западные, когда чувствую, что они ударяют вниз снова. - Пожалуйста, боритесь сильнее. Пожалуйста, помогите нам.

Трое из ветров не отвечают. Но мой лояльный щит несется ко мне, наматываясь вокруг меня, ослабляя боль моей раны прохладным бризом. Я закрываю глаза, и когда я успокаиваюсь, я чувствую, что два слова жгут мой язык.

Получить помощь.

Я кричу их, и проекты далеко убегают, собираясь с другими, прежде чем они бросаются в небо.

- Похоже, что ваши ветры оставили вас, - шепчет Райден в мое ухо. - Такого безумия предоставления им выбора.

Он тянет свой ветрорез, рана меня еще раз в процессе, и запутывает меня в его злых ветрах. Острые, высушивающие проекты тянутся через мою кожу, и я чувствую, как моя энергия исчезает. В ушах начинает звенеть, а зрение тускнеет, и я собираюсь сдать темноте, когда хлопок громче гром прорывает все вокруг, качая землю, таким образом, сильная хватка Райлена уходит.

Я падаю на колени, кашляя от облака пыли, которое жжет мои глаза, когда я борюсь, чтобы дышать. Густой коричневый воздух покрывает все, но я могу разобрать темное пятно на земле поблизости и пробраться к нему, чувствуя мою первую реальную надежду, когда я вижу, что это ветрорез Райдена.

Земля снова дрожит, и я понимаю, что это Западные. Десятки из них, возможно даже сотни, бьют в унисон, поднимая так много песка, что небо становится черными. Я слышу кашель и крики, когда Райден и Буреносцы командуют своими ветрами, но разрушенные проекты только разносят пыль и поднимают больше обломков.

Я извиваюсь в своих путях, крутюсь, пока я не освобождаю правую руку. Я могу только согнуть запястье, но мне удастся схватить рукоятку ветрореза и наклонить лезвие достаточно для этого, когда я прислоняюсь к нему, ветры, связывающие меня, распутываются в затяжке дыма. Потом я хватаю ветрорез

и встаю на ноги, нащупывая через ослепляющую пыль, неспособную сказать, двигаюсь ли я к Вейну или от него.

Моя работа продвигается медленно, и я дважды ударяюсь о Буреносцев и едва отбиваю их лезвия. Я кричу мой верный щит и проект бросается ко мне. Когда они опутываются вокруг меня, я могу наконец дышать и видеть снова, и я бегу, ища Вейна и Гаса, надеясь, что Буреносцы не убили их. Сначала я нахожу Гаса... отвергнутым как груды мусора. Его голова мягко падает, когда я перемещаю его, но когда я убираю его путы, его глаза открываются... а затем немедленно закрываюсь от пыли.

Я зову другой Западный и прошу его оградить его. Проект не хочет повиноваться, но он наконец соглашается намотаться вокруг лица Гаса, очищая воздух достаточно для него, чтобы дышать.

- Где Вейн? - спрашивает он, когда кашляет и пытается дышать.

- Я не знаю. - Я тяну Гаса на ноги, и он тянется к ветрорезу Райдена. Мое обучение кричит сопротивляться, но я напоминаю себе, что произошло, когда я напала на Астона. Лучше иметь оружие в руках кого-то способного к убийству.

- Пожалуйста, - шепчу я своему Западному щиту. - Если ты знаешь, где Вейн, помоги мне найти его.

Проект не отвечает, оставляя Гаса и меня одних.

Гас хватается меня за руку, таким образом, мы не можем разделиться, и мы пробираемся в самую толстую часть шторма.

- Вы с Вейном связаны, правильно? - кричит он, когда мы бежим. - Я даже не представлял это?

Мое лицо горит, когда я киваю, но я не слышу осуждения в его тоне, когда он говорит:

- Тогда разве ты не можешь почувствовать, где он?

Он хлещет Буреносца, который пересекает наш путь, и я закрываю глаза, пытаюсь не думать о брызгах красного цвета.

- Напряжение нашей связи слабеет, когда мы близко друг к другу, но я посмотрю, могу ли я почувствовать его.

Я прошу, чтобы мой Западный оставил меня на мгновение, таким образом, я могу поискать в небе след Вейна.

Пыль так густа, что она покрывает мой язык, но я вынуждаю себя сконцентрироваться, ища намеков тепла или какой-то признак контакта на других ветрах. Я чувствую, что проглотила половину пустыни, прежде чем я наконец чувствую электрическое покалывание, которое мне нужно.

Я сжимаю свою руку на руке Гаса, и мы взлетаем, он режет все на нашем пути, и я следую за теплом в воздухе, пока не врезаюсь в голую грудь.

- Слава Богу, ты в порядке, - говорит Вейн, когда я оборачиваю щит обратно вокруг меня и призываю один к нему.

Я жду, чтобы Западный покрыл нас как вторая кожа. Потом я попадаю в руки Вейна и цепляюсь за него так сильно, как могу.

Вейн прижимает меня к себе, но его рука касается глубокой раны в моей боку, и я ненавижу, что вздрагиваю.

Он отделяет, глядя на кровь на руке.

- Я убью Райдена.

- Нет... он - мой, - настаивает Гас.

- Фактически... вы оба неправы, - кричит Райден, разделяя пыль достаточно, чтобы показать, где он скрывался. Он покрыт болезненными серыми ветрами, и он выглядит бледным и зеленым от их эффектов. Но они, кажется, позволяют ему вдыхать шторм. - Еще раз вам удалось произвести на меня впечатление вашими силами. Но пора остановить эти глупые игры. Отзови этот смешной хабуб, и я обещаю, что позволю вам всем жить.

- Или мы теперь убьем тебя, - говорит Гас, держа ветрорез Райдена.

- Попробуй и увидишь, что получится.

Я кладу руку на плечо Гаса, чтобы остановить его. Я уверена, что Райден не шутит.

Западные снова ударяют, но Райден даже не вздрагивает.

Мы не сможем убежать от него.. если мы не сделаем что-то новое. И именно тогда я понимаю, что мой Западный снова изменил свою песню.

Каждый стих теперь заканчивается тем же самым словом.. как будто он просит меня послушать подсказку. Команда не имеет смысла, но этот проект до сих пор не подводил меня.

Я сжимаю свою хватку на Гасе и Вейне и кричу:

- Слейся!

Западные меняют направление, собираясь вместе, раздуваясь в более толстый и более сильный. Я думала, что шторм был хаосом прежде, но теперь это непроницаемая стена задыхающей пыли, которая заманивает в ловушку всех Буреносцев, даже Райдена, в тяжелый воздух, в котором Гасу, Вейну и мне разрешают двигаться с непринужденностью. Наши Западные щиты должно быть говорят другим ветрам позволять нам проходить.

Мы бежим с такой скоростью, с какой можем, не оглядываясь назад, когда земля становится более крутой. И чем выше мы поднимаемся, тем больше воздух очищается, пока нам наконец не удастся собрать ветры, которые нам нужны для трубопровода.

- Подожди, - кричит Вейн, добавляя Западный к соединению, прежде чем я даю заключительную команду.

Тогда он берет меня за руку, хватая Гаса и кричит:

- Усились! - и вихрь расширяется вокруг нас, вытаскивая нас из долины.

Глава 27

Вейн

Не могу поверить, что мы живы.

Ну... пока.

Я не знаю, сколько времени тот сумасшедший ветер будет держать в ловушке

Райдена в Долине Смерти, но держу пари, что он просит слишком много последние несколько сотен лет. Преимущество, у нас есть несколько часов. Возможно меньше.

Вихрь выплевывает нас на открытую площадку, и я делаю полезные вещи, когда кричу и кручусь, в то время как Одри распутывает трубопровод, и Гас собирает Южные и запутывает их вокруг нас, чтобы замедлить наше падение. По крайней мере, я не забываю выпустить Западные щиты. Мы должны наши жизни тем утомленным проектам. Они имеют право быть свободными.

Ветры вокруг Гаса и меня уходят в серое небо сумерек. Но щит Одри сжимает свою хватку, и от улыбки на ее лице я могу сказать, что она хочет, чтобы он остался. Только Одри могла сделать Западным ее новым домашним животным.

- Где мы? - спрашивает Гас, когда мы приземляемся посреди еще одной пустыни. Я начинаю задаваться вопросом, является ли это все, что есть в этом долбаном штате, когда я понимаю, что мы фактически больше не находимся в Калифорнии.

По горизонту на расстоянии есть замок, Эйфелева башня и дьявольская неоновая пирамида. Предоставьте мне право выкинуть нас в Лас-Вегас.

- Похоже, что мы, по крайней мере, в трех часах от дома. Никто не хочет пробежаться по шведскому столу для начала? Или возможно пожениться перед Элвисом?

Я понимаю, что я произнес только тогда, когда шутка слетает с губ.

- Это не предложение, - говорю я Одри, интересно, ее щеки покраснели настолько же, насколько я себя чувствую. Это трудно сказать в тусклом лунном свете. - Я никогда не... ну, я никогда не думал... я просто имею в виду... Я сделал бы это лучше, чем... не то, чтобы я думаю о предложении... по крайней мере, не сейчас... я просто...

Пожалуйста, кто-нибудь пристрелите меня.

Потом Гас откашливается, и я понимаю, что есть целый другой уровень неловкостей в этой ситуации.

Я вздыхаю.

- Слушай. Я знаю, что не могу просить тебя...

- Не волнуйся, я не собираюсь никому говорить, - прерывает Гас. - Этот ваше дело. Я не влезаю в него.

Ну, это хорошо... я думаю. Я не знаю, я, своего рода, много всего скрываю.

Но я должен буду поговорить с Одри и посмотреть, что она думает по поводу того, чтобы предать все огласке.

- Но мне и так все ясно, - добавляет Гас, - Она - то, из-за чего ты полз к горам все время, чтобы проверить, правильно?

- Все время? - повторяет Одри.

- Всегда, когда я мог, - признаю я. - Нахождение твоего следа было единственной вещью, которая заставляла меня двигаться.

Ее лицо вытягивается, и я тянусь к ней.

- Эй... я не имел в виду ничего такого. Я просто скучал по тебе. Я... - Моя рука задевает что-то влажное на ее боку, и она вздрагивает. - У тебя все еще идет кровь?

Я поднимаю ее рубашку сбоку, и мое зрение затуманивается, когда я вижу темную, зубчатую глубокую рану, которая начинается выше ее бедра и переходит на живот.

- Все хорошо, - настаивает она, когда я ищу что-нибудь, что можно использовать, чтобы закрыть рану.

Я пытаюсь оторвать основание своих шорт, но плотная ткань отказывается разрываться.

Почему я должен был снять свою глупую рубашку?

- Эй, - говорит она, наматывая ее Западный вокруг талии, - Все хорошо, смотри? Ветер помогает нам заживать.

Я не могу сказать, останавливает ли прохладный бриз фактически кровь или просто смахивает ее подальше... но я думаю, что она должна будет сделать до тех пор, пока мы не сможем вернуться домой.

- Ты чувствуешь угрозу? - спрашивает Одри Гаса, который вытянул руки, сканируя воздух.

- Нет. Я ничего не чувствую.

Он крадется по пустыне без лишних слов.

Трудно разглядеть в тусклом свете, но я слышу, как он расчехляет свой ветрорез и начинает выбивать из чего-то дерьмо.

Одри смотрит на меня, и я знаю, что она ждет, что я пойду, поговорю с ним.

Но что я, как предполагается, скажу? Думаю, что что-то о его папе, но я нифига не разбираюсь эмоциональных вещах как это.

Проходит несколько минут, и Гас все еще идет в город, таким образом, я наконец начинаю.

- Эй, - бормочу я, прекрасное начало. - Э... ты в порядке?

- О, да, в полном. - Он делает замах и отрезает верхушку сухого, жидкого кустарника.

- Слушай. Я знаю, ты злишься... я не виню тебя. То, что произошло с Фенгом, было... и я не имею в виду то, что ты сделал со Штормом... Я имею в виду то, что сделал Райден. К тому времени, когда ты добрался туда...

Эх, я действительно хреново в этом разбираюсь.

- Я знаю, что этим был не мой отец, - ворчит Гас, разрезая другое растение. - И я всегда знал, что, вероятно, потеряю его. Это то, что происходит с опекунами... это в присяге, которой мы все клянемся. Просто... - он вздыхает и смотрит на звезды, — Нет действительно ничего. Я не могу даже найти его эхо.

- Я тоже никогда не находила эхо своего отца, - говорит Одри, подходя ко мне. - И я знаю, что это, вероятно, кажется сумасшедшим, но... иногда я думаю, может быть он не ушел. Такое чувство, что часть его все еще здесь... маленький намек его присутствия в бризе, который находит меня, когда я нуждаюсь в нем больше всего.

Ее голос раскалывается, и я тянусь к ее руке.

Она никогда не говорила мне это... и я понятия не имею, возможно ли это. Но я надеюсь, что это так.

Гас наверное тоже, потому что он глубоко вздыхает и убирает темное лезвие своего ветрореза обратно в ножны.

Ветрорез Райдена.

Я хочу схватить его и швырнуть в пустыню, насколько я могу... но более страшная мысль полностью останавливает меня.

Мы взяли оружие Райдена.

И сбежали.

И я насмеялся над ним перед всеми.

Если Райден следовал за мамой Гаса, чтобы наказать Фенга за его победу... насколько сильно он захочет принять ответные меры против меня за все это?

- Я должен вернуться домой, - говорю я, пиная себя за то, что не додумался об этом раньше. Сколько минут мы уже потратили впустую?

Солана с моими родителями... и я не сказал им возвращаться, таким образом, они еще не должны быть дома. Но я мог поставить что угодно, что у Райдена есть способ разыскать их.

Одри должно быть знает, о чем я думаю, потому что она кладет руку мне на плечо.

- Бури защитят их.

Я киваю, надеясь, что она права... но когда мы уходили, Бури были все были отозваны. И даже если они вернулись, защита моей семьи никогда не была их очень высоким приоритетом...

- Мы должны использовать другой трубопровод, чтобы вернуться, - говорю я, съеживаясь, когда предлагаю это. Запуск через один чувствуется, как полет из рогатки, выжженной в гигантском вакууме, а затем падение назад к земле на скорости ракеты.

Одри качает головой.

- Трубопроводы должны использоваться только для чрезвычайных ситуаций.

- Это чрезвычайная ситуация!

- Нет, она права. Они довольно нестабильны... особенно на большом расстоянии, - говорит мне Гас. - И если они разрушаются, в то время как ты находишься в нет, то ты ничего не можешь сделать.

Забавно, что Одри никогда не упоминала что, когда-то она учила меня, как их делать.

- Но мы добрались до Лас-Вегаса, - напоминаю я им. - Возможно четвертый ветер делает трубопроводы более безопасными.

- Или нам повезло, - спорит Гас. - Я думал, что моя голова собиралась взорваться, а ты?

Фактически, я думал, что моя кожа собиралась оторвать... но я не хочу допускать этого. Я должен вернуться домой.

Одри сжимает мою руку.

- Полет с силой четыре принесет нас туда за половину времени. И я не думаю, что Райден попытается пойти туда. Он назвал Живой Шторм первым из его новой армии... я не думаю, что он нападет, пока он не сделает больше. Но даже если мы мчимся к другому сражению, нам требуется время, чтобы придумать стратегию, и мы можем сделать это во время путешествия.

Она зовет проекты всех четырех ветров и ткет их в пузырь ветра вокруг нас.

- Думаю, что мы должны лететь вместе. По-отдельности это трудно.

Гас двигается позади меня и берется за плечи. Я могу сказать, что он пытается избежать тех мест, куда Райден ударил меня, но ушиб покрывает всю мою долбаную лопатку. На боку еще хуже, и все болит каждый раз, когда я глубоко вдыхаю. Я не был бы удивлен, если Райден сломал несколько ребер.

Но это ничего по сравнению с тем, что он сделал Одри. Я пытаюсь найти место на ее талии, за которое можно было бы безопасно взяться, но все слишком сырое и кровавое. Она берет мои руки и двигает их ниже.

- Даже не думай, - бормочет она, когда я понимаю, что практически держу ее за зад.

Если бы Гаса здесь не было, а моя семья не была в опасности... и она была бы без ран, то... у меня было бы много идей. Но при этих обстоятельствах, все, что я хочу сделать - вернуть в долину с такой скоростью, с которой мы можем.

Одра кричит "Поднимись", и мы взлетаем в небо быстрее, чем я когда-либо летел прежде. Звезды становятся размытым пятном, и я слышу Одри, она шепчет, регулирует, контролирует ветры, когда мы летим. Но ее голос кажется усталым, и тени под глазами почти столь же темные как и мой ушиб.

- Эй, - говорю я ей, притягивая ближе. - Давай я. Ты должна отдохнуть.

Она улыбается.

- Это, вероятно, не очень хорошая идея позволить нам резко упасть и умереть.

- Э... я могу гулять по ветрам. Как еще ты думаешь, я добрался сюда? Это заняло у меня несколько попыток разобраться, но как только я выяснил, как слышать оттенки ветра, это было легко.

- Оттенки?

- Да. Как прямо сейчас, Восточные стремятся вращаться налево. Таким образом, я уговорил бы их вернуться на путь.

Она втягивает воздух.

- Что... что-то болит?

- Нет, это просто... просто подарок моего отца....

- Да? Ну, думаю, должно быть, ты поделила его со мной, когда мы сблизилась.

Одри трясет головой.

- Я никогда не слышала о подарках, проходящих во время связи. У моих родителей не было такого. У моей мамы был свой дар... у папы - свой.

- У моих тоже, - бормочет Гас.

Одри молчит так долго, что я наконец спрашиваю:

- Ты в порядке?

- Да, я просто пытаюсь понять, что это означает. Я никогда не слышала о связях, разделяющих языки, и все же...

Я тяну ее еще ближе, чувствуя взрыв теплового порыва между нами, когда я шепчу:

- Я думаю, что это означает, что нам предназначено быть вместе.

- Если вы двое увлечетесь, то я выкину вас из пузыря, - предупреждает Гас.

Я не могу удержаться от смеха.

- Позже, - шепчу я Одри, и мне нравится, что она вздрагивает.

Я все еще не могу поверить, что она здесь. Вернулась в мои руки после всех этих недель.

- Разве мы не должны придумать стратегию? - спрашивает Гас, и я полностью ненавижу его за то, что он прав.

Мы нуждаемся в чем-то лучше, чем его план хватай-и-бей, так как он точно не подходил в Долине Смерти. Не то, чтобы план Одри атаковать Живой Шторм в одиночку, был намного лучше.

- Почему ты была там? - спрашиваю я, понимая, что она никогда не объясняла этого. - Ты знала, что Райден будет там сегодня?

- Нет. Астон сказал мне, что мне нужно идти в Долину Смерти... но я сомневаюсь, что он знал, что Райден будет там.

- Астон? - Я хочу разрушить внезапную волну ревности... но это полностью похоже на одного из тех опрятных британских парней, которые всегда подлизываются к девочкам.

Это не заставляет меня чувствовать себя немного лучше, когда Гас спрашивает:

- Подожди... Астон... Астон?

Одри кивает.

Они оба не молчат так долго, что у моего ума есть время, чтобы вспомнить Астона, сильфиду Джеймса Бонда. Потом Одри говорит мне, что он сумасшедший экс-буря, что он держал ее в заложниках в северных пещерах, и к концу ее истории я так сильно кусаю внутреннюю щеку, что чувствую вкус крови.

- Он...? - я не могу сказать это.

Она тянется и гладит меня по лицу.

- Он не причинял мне боли. Я думаю, что он был, главным образом, просто... одинокий.

Мне не нравится то, как она говорит то слово... как будто почти чувствует жалость к парню, который связал ее и угрожал убить. Экс-буря или нет, это автоматически квалифицирует его в списке "Мертвые для меня", который я начал составлять.

- Ты действительно не думаешь, что он знал, что Райден шел туда? - спрашивает Гас.

- Нет, я думаю, что это было счастливой случайностью. Я действительно верю Восточным, которые уговорили меня пойти туда, зная, что там будет Райден. Но я думаю, что Астон послал меня туда, потому что он хотел, чтобы я увидела Водоворот.

На сей раз дрожит Гас.

- Я слышал об этом.

Одра смотрит в темноту.

- Это было намного злее, чем ты слышал.

Злее.

Слово дает мне странный трепет в животе.

Я все еще не решил, что я чувствую к Арелле, пойманной в ловушку в Водовороте. Но это не похоже на хороший знак, что Райден использует их, или что Одри кажется настолько взволнованной.

Интересно, как она отреагирует, когда я скажу ей о ее маме... не то, чтобы у меня есть какая-то идея, как сделать это. Я должен буду найти правильное время и поднять эту тему.

Не сегодня. У нас будет достаточно времени... и даже если мы в безопасности, я могу придумать больше хороших способов провести нашу первую ночь вместе.

Мы проносимся мимо пылающего отеля крупного индийского казино, что означает, что мы наконец рядом. Одри замедляет ветры, когда странные динозавры Кабазона мелькают. Потом она меняет курс, направляя нас в горы и опуская нас на один из более низких пиков.

Я задерживаю дыхание, кому все мы прислушиваемся к признакам шторма. Небо - ясное. Ветра - спокойные.

- Во всех проектах, прибывающих с северо-востока ничего не говорится о нападении, - говорит Одри, закрывая глаза. - И я не чувствую волнения в долине.

- Я тоже, - соглашается Гас.

Все мы отсылаем наши чувства, насколько, насколько они могут уйти, но все тихо.

Даже слишком тихо.

- Где Бури? - шепчет Одри.

- Они пошли, чтобы найти моего отца. - Голос Гаса цепляется на слове, и он должен откашляться, прежде чем продолжить. - Буреносцы сделали ложный след, и я предполагаю, что Бури еще не поняли этого. Я использую экстренный зов их возврата, чтобы они примчались.

- Хочешь, чтобы мы остались с...

- Нет, - прерывает меня Гас. - Мне нужно немного пространства.

Я киваю.

Одри тоже кивает. Потом она обнимает меня за талию, посылая покалывающие волны высокой температуры через мои больные плечи, когда я запутываю нас в Западный и направляю нас назад в мой дом.

Все окна темные, когда мы приземляемся на траве, таким образом, моя семья наверное все еще в движении. Я знаю, что должен позвонить им и сказать возвращаться, но там им, вероятно, безопаснее. Плюс, мы с Одри могли бы использовать некоторое время. Нам много чего нужно выяснить.

- Так... - говорю я после того, как проверяю воздух, чтобы перепроверить, что мы в безопасности. - Что теперь?

- Я не знаю.

Она смотрит на ноги и убирает волосы за ухо.

Странно видеть ее взгляд, настолько застенчивым. Еще более причудливо думать, что она здесь, стоит возле моего дома, держит меня за руку.

Мы не расстались.

Фактически, я вполне уверен, мы никогда не были больше вместе, чем сейчас.

Остается выяснить только одно:

- К тебе или ко мне?

В ночи разносится ее нервный смех.

Я притягиваю ее ближе, обнимая ее руками тебя за шею, и я впитываю дыхание как жар ее искр тела против меня. Я почти забыл, что я без рубашки... но я очень хочу узнать об этом сейчас.

Очень хочу узнать, насколько крошечная у нее майка.

Я откашливаюсь.

- Похоже, для меня это довольно простое решение. С одной стороны, у тебя - неуклюжие пальмовые листья. И ошибки. И мертвые существа.

- Мертвые существа?

- Гэвин был занят. Кстати, он очень зол на тебя. Он может вырвать некоторые пряди твоих волос, когда увидит тебя.

- Я бы его не винила. - Она кладет голову мне на грудь, вызывая новую волну искр, из-за которой мне трудно дышать.

- Так... ко мне? - шепчу я. - Нет чокнутой птицы. Нам нужно помыться. К тому же есть милая, мягкая кровать...

Она откидывается назад, чтобы смотреть на меня.

- Я не думаю, что это хорошая идея.

- Вообще-то, я думаю, что это очень хорошая идея. В значительной степени, лучшая идея, которая когда-либо у меня была.

Она улыбается и встает на цыпочки, кляня меня в губы, прежде чем отойти.

Я хватаю ее за руки, чтобы помешать ей уйти.

- Я обещаю, что буду идеальным джентльменом.

Она не выглядит убежденной.

Опускаю глаза на наши руки, переплетая пальцы вместе.

- Я просто... Я чувствую, что если я позволю тебе скрыться с моих глаз, ты, возможно, снова исчезнешь.

Печаль просачивается в ее черты, и она поднимает мою руку к губам, целуя центр моей ладони.

- Я никуда не уйду.

- Тогда останься со мной.

Я с трудом могу в это поверить, когда она кивает, и мои ноги становятся слабыми и шаткими, когда я веду ее к дому.

Я забыл положить ключ к парадной двери, таким образом, мы направляемся в мою спальню, и я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть на фиговую рощу... где Фенг никогда не будет ждать меня снова.

Я глотаю комок в горле, когда пытаюсь открыть свое окно. Оно тоже заперто.

Одри смеется и подталкивает меня в бок, посылая проект под подоконник, он щелкает замком, и окно сразу открывается, как она сделала это тысячу раз прежде. Я улыбаюсь, когда понимаю, что она здесь.

Но на этот раз все по-другому.

На этот раз я не сплю, и она не таится.

Она поднимается первая, и я копирую ее шаги, на этот раз проскальзываю внутрь, не сдирая кожу. И как только мои ноги ступают на коврик, я тяну ее к себе, целую лоб, щеки...

- Я думала, что ты собирался быть идеальным джентльменом, - шепчет она против моих губ.

- Ну, может быть, не идеальным.

Я чувствую ее улыбку, когда она двигает руки по моей шее и запутывает пальцы в волосах.

- Я надеялась, что ты скажешь это.

Потом она целует меня, и искры настолько горячие, настолько яркие, я клянусь, что они почти ослепляют меня... но когда я открываю глаза, я действительно слепну, и это не имеет никакого отношения к поцелую.

Лампа у моей кровати теперь включена, и когда я искоса смотрю через явный свет, я вижу движение под покрывалом.

У меня есть как раз достаточно времени, чтобы подумать "Вот дерьмо".

Затем Солана отбрасывает волосы и говорит:

- Я предполагаю, что это настоящая причина, почему ты отменил нашу помолвку.

Глава 28

Одри

Я не знаю, что чувствовать, когда я наблюдаю, как Солана вытаскивает свои длинные, загорелые ноги из-под покрывала на кровати Вейна.

Она симпатичнее, чем я помню. Мягкие завитки и яркие глаза и загорелые, изящные конечности.

И Вейн едва кажется немного удивленным, что видит ее.

Главным образом он выглядит виноватым.

Я пытаюсь отделиться от него, но он сжимает руки.

- Это не то, чем кажется.

- В самом деле? - резко говорит Солана до того как я смогу сформировать последовательный ответ.

- Поскольку похоже, что ты связан с другой девушкой.

Вейн поворачивается, чтобы встать перед ней.

- Ну, ладно, я предполагаю, что это то, на что это похоже... и я сожалею, что ты должна была узнать это так. - Он поворачивается ко мне. - Но я обещаю, что она здесь только потому, что она предложила защищать моих родителей, в то время как меня здесь нет. И она, как даже предполагалось, не должна быть дома, - добавляет он, возвращаясь к Солане. - Ты сказала, что забереешь их в какое-нибудь безопасное место.

- Я и взяла. А затем я услышала в ветрах, что Бури вернулись, таким образом, мы сделали то же самое.

- Это не объясняет, почему ты в его постели, - говорю я, жалея, что я не кажусь настолько ревнивой, насколько чувствую. Она имеет такое же право быть там, и как я.. вероятно, даже больше, так как у нее браслет с обещанием на запястье.

Однако, иррациональный гнев заставляет меня захотеть вцепиться ей в лицо, когда она скрещивает руки и говорит:

- Мы с Вейном спали вместе.

- Просто спали, - поправляет Вейн... впиваясь в нее взглядом, прежде чем он поворачивается ко мне. - И только потому, что я был в отчаянии. Я говорил тебе, что Райден посылал мне кошмары, верно? Солана знает уловку, которая блокирует их. - Я хочу кивнуть... хочу заставить части его истории сложиться в правду, которая смыкает кислую глыбу в моем горле. Но я не могу прекратить смотреть на вмятину на подушке Вейна, отображающую Солану, лежащую в темноте, ожидающую его, чтобы он лег на кровать рядом с ней.

Это то, чего он хотел?

- Эй, - говорит Вейн, поворачивая меня за подбородок к нему и вынуждая меня посмотреть ему в глаза. Они широко открыты, взволнованы и сосредоточены только на мне.

- Клянусь, ты снилась мне все время.

- Что? - спрашиваем мы с Соланой одновременно.

Я мягко торжествую, когда он игнорирует ее и говорит мне:

- Мне приснился день, я попытался убежать, когда мне было семь лет.

Помнишь? Шел снег, и я заблудился в лесу, а затем я упал и не мог встать, и я думал, что умру там в полном одиночестве. Но ты нашла меня, и ты позвала своего папу, и он привел меня домой. И даже при том, что мы не были друзьями, ты осталась со мной той ночью у огня, пока я не заснул. Я попросил, чтобы ты осталась, и ты осталась.

Я слышу как Солана бормочит "останься", но не могу оторвать взгляд от Вейна.

Я заблокировала тот момент со всем остальным тем временем моей жизни. Но я действительно не забыла, как нашла его в лесу, дрожащего как упавший неоперившийся юнец, и цепляющегося за мою руку, как будто я была единственной, которая имела значение в мире. И я не забыла, как смотрела на него позже той ночью, как свет от камина падал на его кожу, и как я думала, что у него было хорошее лицо.

Мне было семь лет, и я даже не знала, что означала та мысль. Но она была там.

Прежде чем Буреносец Райдена сломал наши жизни, и Бури сделали свои великие планы относительно Вейна.

- Вейн... это ты?

Вейн ворчит что-то шепотом, когда его мама врывается в комнату.

- Слава Богу... я так волновалась...

Она замолкает, когда видит меня.

- О. - Ее взгляд бросается от Соланы к Вейну. Потом обратно ко мне.

- О.

- Мама, не начинай, - предупреждает Вейн, когда она тянется к моей руке. - Это был долгий день.

Не начинай что? Задумываюсь я, когда его мама подходит ближе, чтобы исследовать ушиб на его плече. Он выглядит более болезненным в ярком свете... хотя тот на боку - хуже. Я не могу даже смотреть на большое иссиня-черное пятно, не чувствуя, что мои глаза горят.

- Что произошло? - спрашивает она, ее голос дрожит, когда она тянется к порезу на его щеке. - Я думала, что Гас забрал тебя в какое-то безопасное место... где он? И когда появилась Одри...

- Мы можем отложить эти двадцать вопросов на попозже? - прерывает Вейн.

- Все хорошо. Гас ждет других Бурь, а остальное - действительно длинная история, которую у меня нет энергии рассказывать прямо сейчас. Но в ней будет Райден. И гигантский хабуб.

- Вы видели Райдена? - шепчет Солана.

Он кивает, она вздрагивает и обхватывает себя руками... что заставляет вырез на ее платье опуститься еще ниже на груди.

Я смотрю на Вейна, чтобы видеть, заметил ли он это, но он не смотрит на нее.

Он смотрит на меня... на рану на боку.

Он наклоняется, поднимая подол моей рубашки, и даже я не могу не ахнуть, когда вижу глубокую рану на свету. Западный держит ее в чистоте, но рана глубокая, и зубчатая кожа практически разодрана в клочья.

Я пытаюсь прикрыть уродливую рану, но Вейн хватает меня за руки, чтобы остановить.

- Мама, у нас есть аптечка?

- Она должна пойти в больницу. Наверное, вы оба, должны. Я пойду разбужу твоего папу.

- Мы не можем сделать этого, мама. У врачей возникнут вопросы о том, как нас поранили. Плюс человеческая медицина делает нас больными, помнишь?

- Верно, - бормочет она. - Не люди.

Она смотрит на нас троих, выглядя потерянной и беспомощной.

- Я буду в порядке, - говорю я всем, поднимая руки Вейна и обвивая их вокруг моих плеч, я знаю, что он не будет сопротивляться. Он принимает мое действие, притягивая меня к себе, и я не могу сдержаться от того, чтобы не посмотреть на Солану. Она вливается в меня взглядом, прежде чем отводит взгляд.

Она все еще хочет его.

- Пожалуйста, дай моей маме посмотреть рану, - шепчет Вейн, его дыхание задевает мою щеку. - Я бы не хотел, чтобы это превратилось в гигантское отверстие в твоём боку.

Я дрожу, неспособная помешать себе думать об Астоне.

- Мы должны сделать что-то, - вмешивается его мама. - Пойдем, я возьму бинты и мазь.

Я ненавижу идею оставить Солану и Вейна наедине. Но я чувствую себя лучше, когда вижу сладкие, взволнованные глаза Вейна, полностью сосредоточенные на мне, когда я следую за его мамой из комнаты.

Она приводит меня в загроможденную ванную комнату, которая должна быть ванной Вейна. Все в ней кричит "парень", от заплесневелой одежды и полотенец, наваленных на пол к полосатому зеркалу, до пестрых засохших пятен воды.

- Прошу прощение за беспорядок, - говорит она, когда она наклоняет и вытаскивает белую коробку с пометкой аптечка из шкафчика под раковиной.

- Ты знаешь Вейна.

Я не понимаю, что она задала вопрос, пока она не поворачивается ко мне лицом, ожидая моего ответа.

- Э... знаю, - это лучший ответ, который я могу придумать.

Ее лицо невозможно прочитать, когда она берет чистое белое полотенце и опускает его под дымящуюся воду из-под крана. Я тянусь, чтобы взять его у нее, но она не отпускает.

- Не волнуйся. Я видела много царапин и порезов за эти годы. Вейн был очень невезучим ребенком.

- Да, я помню.

- О. Так... ты знала его тогда?

Я киваю.

- До того как его родители..?

- Вейн не сказал вам?

- Он ничего не говорил мне.

Я не уверена, сколько я должна рассказывать. Но я могу сказать, что она отчаянно нуждается во мне, чтобы заполнить некоторые пробелы.

- Я знала Вейна, с тех пор как ему было шесть лет. Мои родители отвечали за защиту его семьи. - Ее глаза расширяются, когда она переваривает это.

- Твои родители пережили шторм? - шепчет она.

- Моя мама.

Я не учитываю почему. Безопасно предположить, что она не смотрела бы на меня печальными, сочувствующими глазами, если бы знала, что я была дочерью убийцы. И я не могу сказать, что винила бы ее.

Я откашливаюсь.

- Так или иначе, после этого, я добровольно предложила быть его опекуном, и я наблюдала за ним с тех пор. Пыталась охранять его.

- Я не могу решить, мило это или отчасти... странно, - говорит она через секунду.

- Честно, я тоже.

Она улыбается. Но это колеблющаяся улыбка. Усталая улыбка.

- Вейн знал, что ты наблюдаешь за ним?

- Я думаю, что он догадывался. Были несколько раз, когда он случайно видел меня... но они были слишком быстрыми для него, чтобы сказать, была ли я настоящей. Он не знал наверняка до некоторых недель назад, когда Буреносцы нашли,

и я была вынуждена показаться, чтобы защитить его.

Она кивает, скручивая полотенце в руках.

- А теперь... ты вернулась?

На сей раз я не пропускаю вопрос в ее тоне.

Я жду, когда она посмотрит на меня, прежде чем я скажу ей:

- Настолько, насколько он хочет, чтобы я была здесь.

Я не могу сказать, довольна ли она тем ответом. Это не должно иметь значение, но...

Я хочу понравиться его маме.

Это глупо и по-ребячески и вероятно невозможно. Но видя, как отчаянно она любит своего сына, причиняет мне боль внутри... что-то, за что я могу держаться, чтобы сказать себе, что я заслуживаю красивого мальчика, которого я украла. Возможно это ослабило бы крошечную часть вины, которая раздувается во мне каждый раз, когда я думаю о ужасном предательстве, которое я видела в глазах Соланы.

- Ты не можете поднять рубашку немного повыше? - спрашивает мама Вейна, протягивая полотенце.

Я делаю то, что она попросила, прислоняясь к столу, когда она садится на корточки и касается кожи вокруг моей раны.

Ее пальцы нежны, но уверены, когда она приглаживает зубчатые края раны.

- Она выглядит действительно болезненной.

- У меня были порезы и похуже.

Она хмурится, и я думаю, что она собирается спросить меня, что я имею в виду. Вместо этого она говорит:

- ... там бриз циркулирует вокруг твоей кожи?

- О... да. Он держал рану в чистоте для меня.

- Угу, - бормочет она, когда я распутываю проект и несу его к окну над душем. Мне приходится балансировать на краю ванны, чтобы дотянуться до него.

Я могу сказать, что Западный не хочет уходить, но пора позволить ему уйти.

- Будь в безопасности, - молю я, когда встаю на цыпочки и открываю стекло.

Проект бросается вокруг меня, напевая песню о дрейфе через дюны, и я надеюсь, что означает, что он останется рядом... но я не собираюсь говорить ему. Ветер заслуживает выбора.

Я подношу его к окну, позволяя ему просочиться через крошечные отверстия, когда я шепчу, что благодарю его и говорю ему:

- Будь свободным.

- Иногда я должна напоминать себе, что я не сумасшедшая, - бормочет его мама, когда я наблюдаю, как проект уплывает. - Я имею в виду... ты говоришь с ветром. И летаешь. И ты приводишь домой моего побитого сына и

у тебя рана и...

Ее руки дрожат так, что она роняет полотенце. Я уйду от ванны и поднимаю его. Она прислоняется к столу, крутя концы.

- Прости, я знаю, что это не твоя вина. Я просто... Я чувствую себя настолько беспомощной. Никто не учил меня, как воспитывать короля сильфид.

- Ну, вы делаете невероятную работу. И все мы знаем, как трудно с Вейном. Ее губа дрожит, и даже при том, что она улыбается, слеза скатывается вниз по ее щеке.

- Пообещай мне, что будешь охранять его.

- Я сделаю все, что я смогу.

Она прочищает горло, вытирая глаза, когда она становится на колени передо мной.

- Верно, я, как предполагается, помогаю тебе. - Я сжимаю зубы, когда она прижимает тряпку к моему порезу. - Больно? - спрашивает она, надавливая.

- Это просто отличается от того, к чему я привыкла. - Когда ветер чистит рану, это чувствуется более естественным. Но реальная разница - беспокойство в ее глазах. Я не уверена, что моя собственная мать когда-либо так на меня смотрела.

Свежая кровь сочится из глубокой раны, и мама Вейна вытирает ее прежде, чем распространить густой, прозрачный бальзам по ране. Она прижимает квадрат мягкого хлопка по моему боку и заклеивает края, чтобы держать его на месте. Я провожу пальцами вдоль ее работы, когда она удивлена тем, насколько лучше мой бок чувствуется.

- Спасибо.

Она улыбается, но хмурится, когда смотрит на меня.

- Не хочешь помыться?

- Я тонула в океане, была поймана в ловушку в песчаной буре? - Ее глаза расширяются, и я рада, что не говорю часть о груде трупов, в которых я пряталась. Просто взгляд на это заставляет меня хотеть сжечь все, что на мне надето.

- Я не думаю, что ты должна мыться, пока рана не заживает немного больше. Но ты можешь помыться этим. - Она тянет стопку чистых белых полотенец из шкафа и указывает на раковину. - И поищу, есть ли у нас сменное белье для тебя. Я постираю твою... это действительно униформа?

- Раньше была. И я надеюсь, что будет снова.

- Хорошо... Я могу выстирать ее сегодня вечером.

Тогда она оставляет меня, и я раздеваюсь, удивленная тем, как хорошо это чувствуется - вылезти из одежды. Ветер сохраняет ее главным образом чистой, сдувая любую грязь, которая прибивается к волокнам. Но полная стирка - хорошее начало с нуля.

Я наклоняюсь к раковине, смываю песок и соль из волос, мою лицо. Кожа становится розовой, когда я вытираю ее теплыми, смоченными полотенцами, затем становится своего нормального бледного цвета.

Мои шрамы еще бледнее.

Тонкие белые линии рассеялись по моему телу, каждый подарок от обучения или боев, которые у меня были.

Защита Вейна.

Я прослеживаю пальцами по ним, вспоминая боль от каждой раны.

Я не загорелая или не мягкая или почти столь же красивый как Солана... и я могу не быть тем человеком, которого выбрали Бури.

Но я заслужила его.

И если я должна бороться за него, я буду.

Глава 29

Вейн

Я жду, что Солана уйдет... или по крайней мере что-нибудь скажет. Но она ничего не делает. Она просто стоит там, крутит золотой манжет с нашими инициалами на нем. Много раз, и я не уверен, что кожа под ним целая.

Это, вероятно, о чем-то говорит, что она все еще не сняла браслет, но у меня нет энергии думать о том, что это означает.

Я должен уйти и оставить ее со всеми ее сложными, девичьими эмоциями.

Но это моя комната.

Плюс... Я плохо себя чувствую.

Я знаю, что фактически не сделал ничего плохого. Бури пообещали ей... не я.

И я очень ясно дал понять, что мне не интересно.

Но все-таки. Это должно быть хреново все так обнаружить.

- Эй, - бормочу я, когда больше не могу выносить тишину. - Мне... Мне действительно жаль, что я не сказать тебе раньше. Я просто не чувствовал, что могу сказать что-либо, пока Одри не вернулась.

Она закрывает глаза и делает медленный, глубокий вздох.

- Так... вы ребята просто...? Или вы были прежде...?

Я не силен в расшифровке неопределенного женского разговора. Но я думаю, что она спрашивает, сколько времени мы с Одри были связаны.

- Мы, мм... сделали это официально приблизительно месяц назад.

Она кивает так, будто ее это не удивляет, затем поворачивается спиной ко мне и идет к окну.

- Значит, никогда не было шанса, - шепчет она.

Я вздыхаю.

- Это... у нас с Одри всегда была связь. Даже когда мы были детьми. Я не знаю, как это объяснить, но она ведет к тому времени, даже до того, когда ты и я, как предполагалось... ну. ты знаешь.

- И все же, она все-таки ушла, - говорит она, поворачиваясь ко мне. - Это тебя не беспокоит?

- Ну, я скучал по ней, если это то, что ты имеешь в виду.

- А как насчет боли?

Моя рука автоматически тянется к груди, но горячей боли нет, она сменилась жаром прикосновения Одри... как будто каждая искра, которая пробегала между нами, заполнила пустое место, которое раньше было там.

- Это было зверски, не так ли? - спрашивает Солана спокойно. - Вот почему ты был в таком беспорядке ночью, и Бури позвали меня, чтобы помочь тебе спать, не так ли?

Фактически, это было, потому что я думал, что Одри порвала со мной... но у меня есть ощущение, что если я скажу ей это, будет только хуже.

- Я был в порядке.

Она не выглядит убежденной.

- Один из моих опекунов была отделена от мужа... и каждый день, когда она уходила, каждая миля, которую она помещала между ними, их связь рвала ее внутри. Были дни, когда она могла только дышать. Я раньше видела это и задумывалась, как она могла вынести это. И я волновалась за ее мужа, страдающего каждый день и знающего, что она могла удрать их муки, если бы она просто пошла домой.

- Я предполагаю, когда ты кого-то любишь, ты не возражаешь приносить жертвы, - говорю я, удостоверюсь, что подчеркиваю слово "любовь".

У меня есть чувство, что она говорит о семье Гаса... и у его мамы были симпатичные проклятые серьезные основания для необходимости в ее пространстве.

Точно так же, как сделала Одри.

- Ты действительно любишь ее? - шепчет Солана.

Я могу услышать просьбу в ее голосе, но я не могу дать ей то, что она хочет.

- Люблю.

Ее глаза полны слез, и она отворачивается, снова дергая золотую манжету на запястье.

Почему она просто не снимет его?

Вероятно, по той же самой причине, почему я даже не рассмотрел помолвку. Мне жаль, что ничего не было, что я мог сказать, чтобы сделать лучше. Но все, что я имею, является той же самой хромой вещью, о которой я уже сказал.

- Прости. Я никогда не хотел причинять тебе боль.

- Но сделал. Я сомневаюсь, что ты представляешь как насколько больно. -

Она тянется и начинает проводить линии на окне пальцем. - Ты знаешь, что это?

Это выглядит своего рода как клевер с четырьмя листьями, сделанными из четырех спиралей.

- Нет.

- Это гребень Южных. Метка моей семьи, которые были сотканы на воротах Брезенгарде. Или он был там до того, как Райден вторгся в столицу и заменил символ своими штормовыми облаками. Я мечтала о дне, чтобы увидеть, как он восстановится. Бури запланировали огромное празднование, таким образом, наш весь мир увидит, что все вернется на место. А теперь я буду там, чтобы стоять на коронации, наблюдая, как наследство моей семьи передают кому-то еще.

У меня внутри все завязывается в узел.

Все время Бури говорили о том, что я буду их королем... я, никогда не думал о факте, что я возьму ту роль у кого-то другого. Неудивительно, что они решили, что будет проще для меня просто жениться на Солане.

- Смотри, Солана. Я даже не хочу быть королем. Я был бы более, чем рад вернуть все это.

Они тебе не позволят, - она тянется и стирает загогулины на стекле, оставляя большую, чистую полосу. - Ты - последний Западный. Тот, кого все ждали. Я - просто девочка, которую ты не захотел.

Ее голос ломается на последнем слове, а затем ее плечи дрожат и... дерьмо... я не могу только стоять здесь и позволять ей плакать.

Я двигаюсь в ее сторону, задаваясь вопросом, что я, как предполагается, сделаю. Объятие кажется супернесоответствующим и даст гору осложнений между нами. Но как еще успокоить того, кто плачет?

Я наконец соглашаюсь на то, чтобы положить мою руку ей на спину. Она не вздрагивает при моем прикосновении, но она не прекращает плакать, также, это чувствуется неправильным просто моя рука там, как этот глупый мертвый вес. Таким образом, я убираю ее волосы и потираю ее плечи. Это то, что раньше делала моя мама, когда она пыталась успокоить меня, и я думаю, что она вероятно, в этом лучше меня.

- Мне действительно жаль, Солана. Если бы я мог изменить что-то, я был это сделал. Я даже поговорю с Бурями, посмотрим, есть ли что-то, что они могут сделать. Я не знаю, есть ли, но это стоит попытки.

Краем глаза, я вижу движение около дверного проема, и я резко убираю руку от Соланы, когда нахожу Одри, стоящую там в моей любимой рубашке с Бэтменом.

Только в моей любимой рубашке с Бэтменом.

Я знаю, что, вероятно, должно быть интересно, как долго она пробыла там, или обеспокоена ли она тем, что видит мою руку на Солане... но все, о чем я могу думать, это о том, как сильно она мне нравится в рубашке, в моей комнате, как будто она именно там, где должна быть.

- Как твоя рана? - спрашиваю я, когда мой голос снова работает.

- Сейчас лучше, - она смотрит на бок, потирая то место, где должна быть повязка, что заставляет рубашку подняться еще дальше вверх по ее ногам.

Я забыл, какими длинными они были. И гладкими. И...

Одри, должно быть, замечает, куда я смотрю, потому что она краснеет.

- Твоя мама стирает мою одежду, и она дала мне это поносить. Она дала мне ее брюки, но они слишком велики и соскользнули с моих бедер. Я надеюсь, ты не возражаешь.

Возражаю?

Единственная вещь, против которой я возражаю, состоит в том, что Солана, все еще стоит там, отказываясь оставлять нас наедине, так что мы с Одри не можем начать наверстывать потерянное время, как я планировал.

- Я принесла немного льда для тех ушибов, - объявляет моя мама, когда она возвращается в мою спальню. Я замечаю ее двойное поднятие бровей, когда она видит, как одета Одри, но она ничего не говорит. Вероятно, потому что

платье Соланы чуть короче. - И я положила некоторые одеяла для Одри на диване.

- Одри не будет спать на диване.

- О, в самом деле? Тогда где она будет спать? Потому что она не будет спать здесь, Вейн.

- Мы будем играть по твоим правилам — один из нас на покрывале, и мы будем держать дверь открытой.

- Этого не достаточно.

- Почему? Этого было достаточно для Соланы.

- Да, но ты не встречаешься с Соланой.

- Встречаешься, - бормочет Солана. - Это теперь немного дальше.

Мама сужает глаза.

- Что она имеет в виду?

- Ничего, - говорю я быстро, но Солана не пропускает это.

- Ты собираешься сказать ей? – спрашивает она меня.

- Сказать мне что?

Я могу только представить, какие сумасшедшие теории моя мама придумывает, но мне кажется, что правда будет столь же плохой.

Однако, я не могу придумать ложь, чтобы это исправить, таким образом, я беру руку Одри, сосредоточенную на моих ногах, когда я говорю:

- Мы с Одри связаны.

В комнате повисает мучительная тишина, и клянусь, что весь воздух исчезает, потому что я не могу больше дышать. Моя мама тоже не может больше дышать, потому что ее голос кажется супернапряженным, когда она спрашивает:

- Что значит "связаны"?

- Это означает, что теперь мы связаны друг с другом, - объясняет Одри, когда я не отвечаю. - Поцелуй - это другое для сильфид, чем для людей. Он формирует связь между нами. Физическую связь.

- И она постоянная?

Я закрываю глаза, когда киваю, жалея, что я не могу перемотать эпический ужас того, что, я знаю, грядет... но как ни печально я могу только управлять ветром, что прямо сейчас чувствуется довольно бесполезной силой.

- Как ты мог сделать это? - спрашивает моя мама, ее голос такой высокий, что я удивлен, что он не бьет стекла.

Моя ладонь становится потной, и я чувствую, что дрожу... но тогда я понимаю, что это дрожит Одри, а не я. Я смотрю на нее, ненавидя ту боль, которую вижу в ее глазах.

- Как я мог сделать что? - резко говорю я.

- Вейн, - говорит моя мама, сжимая пакет со льдом, настолько сильно, что лед потрескивает. - Я знаю, что ты думаешь, что любите ее... и, возможно, так и есть. Но тебе семнадцать лет. Ты действительно думаешь, что то, что ты хочешь сейчас, является тем, что ты будешь хотеть всегда?

- Да.

Моя мама качает головой.

- Она - твоя первая девушка, Вейн. Ты даже не рассмотрел...

Она не заканчивает предложение, но ее глаза сосредотачиваются на Солане. Я смотрю на Солану, она выглядит почти столь же неловко от инсинуаций моей мамы, как я чувствую. Но она также смотрит немного обнадеживающе, как будто часть ее задается вопросом, понимаю ли я, что сделал ошибку.

Я сжимаю руку Одри.

- Я знаю, что в это может быть трудно поверить, мама, но я знаю, что буду всегда любить Одри.

- Ты говоришь так сейчас...

- Нет... ты не понимаешь. Я любил Одри столько, сколько я могу помнить. Я никогда не говорил тебе, потому что, ну, в общем, это будет странно. Тем более, что я не знал, была ли она настоящей. Но да, Одри, всегда одна... и она всегда будет. Ты знаешь меня... ты знаешь, что я никогда не говорил бы это, если бы не был уверен. Я уверен.

- Я... не знаю, что сказать.

- Скажи, что доверяешь мне. Я выбрал правильную девушку... я обещаю.

- Прошу прощения, - говорит Солана, проталкиваясь мимо нас и практически выбегая из комнаты.

- Ну, я предполагаю, что это улажено, - говорит моя мама, наблюдая, как она исчезает в холле.

Я не могу сказать, сожаление ли в ее тоне, потому что Солане причинили боль, или потому что Солана ушла. Так или иначе, я не могу это больше выносить.

- Смотри, - говорю я и тру лоб, пытаюсь запихнуть назад мою головную боль.

- У меня всего много происходит прямо сейчас, и я просто... Мне нужно, чтобы ты просто доверяла мне... пожалуйста? Я нуждаюсь в ком-то на своей стороне или...

Мой голос раскалывается, и я отвожу взгляд.

Я не должен расстраиваться, но мне нужно, чтобы у родителей с этим все было в порядке. Я не могу разбираться с ними, Бурями, Соланой, Райденом и...

- Эй, - говорит моя мама, выходя вперед и обнимая меня. Так или иначе ей удастся избежать всех моих ушибов и не тронуть меня пакетом льда, когда она шепчет, - Хорошо, Вейн. Я буду доверять тебе.

- Спасибо, - шепчу я в ответ.

Я впитываю объятие достаточно долго для нас обоих и глубоко вздыхаю.

Потом она позволяет мне отойти и поворачивается к Одри.

- Я... думаю, я должна сказать, Добро пожаловать в семью!

Я улыбаюсь, когда она дает Одри самое неловкое объятие из всех неловких объятий... вместе с неудобным задним кусочком.

- Мы не женаты, мама. Нет... - я останавливаюсь, не решаясь сказать "пока нет". Это должно быть решением Одри.

Моя мама отпускает Одри и поворачивается ко мне.

- Хорошо тогда пока она не твоя жена, я собираюсь придерживаться своей

политики сна на диване. Я позволю вам, ребята, решить, кто получает кровать.

- Перестань... мы не собираемся ничего делать с тобой и папой внизу. И я думал, что ты сказала, что доверяешь мне.

Моя мама вздыхает... один из вздохов драматического вида, который встряхивает ее плечи.

- Прекрасно. Но вы будете держать дверь открытой, и я буду проверять вас, ребята, всю ночь.

Я не могу поверить, что она прогнулась. И я не могу удержаться от смеха, смотря, когда говорю ей:

- Кажется удивительным... и не жутким.

Слабая улыбка появляется у нее на губах, когда она смотрит на Одри.

- Посмотри, во что ты влезла?

- Я знаю, - говорит Одри спокойно. - Я предполагаю, что это хорошо, я люблю его.

Это первый раз, когда она использовала слово на букву Л, с тех пор как она вернулась, и я клянусь, что мое сердце пропускает удар. Глаза моей мамы становятся немного водянистыми, и ее голос кажется толще, когда она напоминает нам, что мы действительно не одни. Потом она бросает пакет льда на мою кровать, открывает мою дверь очень широко и говорит нам поспать.

- Так... это было интересно, - говорю я после нескольких секунд молчания.

- Да, - бормочет Одри.

Я вижу десятки вопросов в ее глазах... и я целую ее, прежде чем она может задать любой из них.

Я хотел медленный поцелуй, только чтобы ее успокоить, что все будет в порядке. Но когда она прижимается ближе, и я чувствую ее голые ноги, поцелуй углубляется до тех пор, пока я не задыхаюсь, и ее пальцы держатся за мою спину, а мои руки скользят...

- Я сказала, идите спать, - резко произносит моя мама, и мы отрываемся друг от друга, краснея, но ни один из нас не выглядит сильно сожалееющим.

Моя мама топает ногами, уходя, и я не могу удержаться от смеха, глядя, когда я сажусь на кровать, чувствуя себя немного слабым в коленях. Одри медлит секунду, прежде чем она ложится рядом со мной, автоматически принимая сторону, где я не сплю.

- Хочешь быть сверху или снизу? – спрашиваю я, и она поднимает брови. – Я имел в виду, одеяла.

- О. Сверху.

Я надеялся, что она скажет это. Теперь я могу смотреть на ее ноги.

Я скольжу под простыни, и Одри покрывает мои ушибы льдом, я ненавижу меня за то, что хихикаю, но чертовски холодно, и я выключаю свет.

- Тебе удобно? – шепчу я, когда она поворачивается несколько раз.

- Не очень. - Она придвигается ближе, кладя свою голову в пространство между моей шеей и незамороженным плечом. - Лучше.

Я усмехаюсь. Кто бы подумал, что Одри свернется калачиком?

Ее жар мчится по мне, и я понимаю, что это может быть недостаток плана делить кровать с Одри. Как я вообще смогу заснуть?

Я даже не уверен, должен ли я спать, в случае, если Райден пошлет жуткие ветры. Но затем Одри зовет несколько ближайших Восточных и ткет их в водоворот мягких колыбельных, как она раньше посылала меня каждую ночь. Мирное спокойствие их песни всегда охраняло меня, и я опускаюсь в чувство расслабления, все наконец вернулось так, как было раньше.

Лицо Одри врывается в мои мечты, позволяя мне смотреть ей в глаза. Ее дикие удары темных волос, щекочут мою кожу, когда она наклоняется и шепчет, что все будет хорошо. Она поет песню любви и мира, но слова становятся более печальными, исчезая в извинениях. Обещание, что она никогда не оставит меня снова.

Я хочу сказать ей, что я ей верю, но потом темная форма идет по ней, крадя ее песни и ее улыбку. Она отворачивается от меня и кричит... ужасный, леденящий крик, который заставляет мое тело вздрогнуть, когда я сажусь. Для моих горящих глаз слишком расплывчато, чтобы сказать мне, реально ли это, но я вижу красный и черный, кровь и тень, смешанные с отчаянными криками Одри.

И ветер. Так много ветра.

Буря темных проектов бушует и ревет и глотает все, чего они касаются, нет ничего кроме шторма и хаоса, разрывающих мою кожу, пытаюсь вытянуть меня. Я борюсь, чтобы держаться, когда преследующий смех заглушает ветры, вгрызаясь в мой мозг и заставляя мою голову пульсировать с каждым острым ударом.

Шторм распутывается, выращивая голову, руки и дикие темные волосы...

Живой Шторм Одри, которая присоединяется к армии других, воя и смеясь, когда они неистовствуют в мою долину, разрывая дороги, здания, автомобили, людей... все что стоит на пути.

Бури выступают против них, вставая в линию Штормов, Гас шагает вперед, поднимая ветрорез Райдена, чтобы хлестать и кромсать... но ветры бросают его в небо и рвут его на кусочку часть за частью. Его отчаянные крики смешивают с громом шторма, когда он рушится, чтобы рассеяться и потеряться в брize. Остальная часть опекунов поворачивается и бежит, но ветры глотают их целиком, обрызгивая землю красным, когда их тела искривляются в новые Штормы... армия, которая продолжает становиться более сильной, впитывая любого, кто смеет встать у нее на пути. Она направляется прямо ко мне.

Мои родители пытаются бежать, пытаются кричать, но Штормы слишком быстры, слишком беспощадны, когда они поднимают их как бумажные куклы и плюют их на землю раздавленными кучами. Оставляя только меня, стоящим в кругу мертвых деревьев, когда Штормы распутываются, и Райден выходит вперед с почти ликующей улыбкой.

- Я знаю, как сломать тебя, - говорит он мне, и я хочу убежать куда-нибудь в безопасное место.

Но все ушли.

И некуда бежать.

Он смеется, откидывает голову назад, когда говорит:

- Теперь ты умрешь.

Преодолеваю боль, бушующую в моей голове, и я чувствую, что мое тело ломается, но я не могу оторваться, не могу вытащить мой разум из ужаса, когда Райден связывает меня в своей гнусный ветер. Не до тех пор, пока теплый ветер сгоняет меня внутри, и тает, и густой туман.

Я прорываюсь, открывая глаза и вскакиваю с кровати... радуясь тому, что я в моей неразрушенной спальне, что мой мозг только регистрирует это, и это Солана склонилась надо мной вместо Одри.

Я падаю на пол, качая головой, чтобы спихнуть сон или кошмар или независимо от того, что это было. Но когда изображения переигрывают в моем уме, я понимаю, что это не была ни одна из тех вещей.

Это не было даже предупреждение.

Это было обещание.

Глава 30

Одри

Вейн не просыпается для меня.

Я попыталась кричать его имя. Пробовала бить жаром нашей связи, как делала в прошлом. Ничто не помогало. Даже поцелуи.

Тогда Солана услышала мои испуганные крики и ворвалась, отпихивая меня в сторону, и вползала поверх его. Она послала Южный в его ум, шепча команду, которую я никогда не слышала и...

Вейн проснулся.

Его папа повеселел, а его мама плакала и все, что я могла сделать - стоять в углу как посторонняя, задаваясь вопросом, почему он не проснулся для меня.

- Бури вернулись? - Вейн задыхается, протирая виски, когда он поднимается с пола и прислоняется к кровати.

- Я слышала, что Гас пришел в роццу приблизительно час назад, - отвечает Солана, и Вейн резко поднимает голову к ней.

- О, - бормочет он, - Я думал, что ты ушла.

- Нет. Я начала, но... Но мне некуда больше идти.

Даже я не могу не чувствовать жалость к ней. Хотя мое сочувствие становится неловким, когда Вейн спрашивает:

- Ты вытащила меня из кошмара, да?

Она краснеет, когда кивает.

- Твой ум боролся больше на сей раз, но я нашла способ вытащить тебя назад.

- Слава Богу, - шепчет мама Вейна, ее голос - толстый.

- Да, мы должны тебе, - добавляет его папа.

Солана практически пылает от похвалы, или возможно это просто слезы, я чувствую, что мои глаза горят. Но все, что Вейн говорит:

- Мы должны сказать Гасу позвать всех.

Боль в его тоне выдергивает меня с моего места, и я двигаюсь в его сторону, чувствуя, что все наблюдают за мной, когда я пытаюсь выяснить, что сделать. Касаться его почти кажется неправильным теперь, но когда я протягиваю руку, он хватается ее и цепляется за меня, как будто я - единственная вещь, держащая его на земле.

Я падаю на колени на неуклюжий серый коврик и обнимаю его, удивленная, что чувствую, что он дрожит. Я ловлю, как Солана наблюдает за нами, прежде чем она побежит к парадной двери, чтобы позвать Гаса... но я слишком потрясена, чтобы чувствовать торжество.

Почему он проснулся для нее?

Я знаю, что мы связаны, но это только означает, что он не должен заботиться о ком-то еще. Не то, чтобы он не может.

И у них ясно есть своего рода связь.

И когда я сначала вернулась в комнату вчера вечером, я слышала их шептания о том, что они поговорят о нем с Бурями... посмотрят, могло ли быть что-нибудь сделано...

- Что случилось? - спрашивает Вейн, притягивая меня к себе на колени.

Я перемещаю свой вес, изо всех сил пытаюсь удержать короткую рубашку, которая на мне надета.

- Я просто волнуюсь по поводу тебя. Ты... не просыпался.

Мне удастся помешать себе добавить "для меня".

Он тянется, убирая волосы мне за ухо.

- Я иногда делаю так, помнишь?

Я вынуждаю себя улыбнуться ему, но слова только тяжелее сдавливают мою грудь.

Я раньше была той, в ком он нуждался.

Он прислоняет лоб к моему, и я могу чувствовать гул нашей связи, мчащийся по мне как реактивная струя. Я нежусь в тепле, обещая себе, что я не буду одной из тех глупых девочек, которые волнуются о мальчике. Особенно о мальчике, который держит меня на полу его грязной комнаты и смотрит только на меня.

- Что происходит? - спрашивает Гас, заставляя нас с Вейном подпрыгнуть, когда он влетает в комнату, немного запыхавшись от его спринта по газону. - Еще кошмар?

- На сей раз это чувствовалось больше так, как Райден говорил прямо со мной...

- Голос Вейна затихает, и он тянет меня ближе. - Он идет.

Гас хватается за рукоятку своего ветрореза.

- Когда?

- Я не знаю. Но я сомневаюсь, что он будет долго ждать.

Его мама прикрывает рот и прислоняется к своему мужу.

- Но... это не имеет смысла, - говорит Солана через секунду. - Почему он предупреждает нас? Почему дает нам время, чтобы подготовиться?

- По той же самой причине, по которой кошка играет с добычей, - ворчит Гас, похоже, что он хочет ударить кого-нибудь кулаком.

- Страх - одно из самых мощных оружий, - добавляю я спокойно. - Хотя я не удивлюсь, есть это уловка.

- Вероятно, - соглашается Гас. - Что точно он показывал тебе, Вейн?

- Просто я собираюсь разрушить все, что тебе дорого моей армией Кошмарных Живых Штормов.

Я пытаюсь не дрожать, но мои плечи трясутся так или иначе.

Райден говорил о строительстве армии, но чтобы сделать это, ему будут нужны...

- Оз сказал, что вчера Буреносцы захватили двадцать девять Бурь, - нам говорит Гас, когда он знает то, что я думаю.

- Твою мать, - шепчет Вейн.

- Как они вязи так много? - Я никогда не слышала о таком сокрушительном поражении.

- Я предполагаю, что они думали, что только преследовали двух Буреносцев, но когда они вошли в каньон, третий Буреносец заманил их в засаду и дал какую-то команду, которая выгнала все ветры, с которыми они летели. Некоторые Бури ударились о дюны, но большинство смогло позвать проект, чтобы остановить их падение, и очевидно проекты просочились в их умы и убаюкали их всех. Тогда Буреносцы прокричал что-то, и проекты покраснели и взорвали всех, прежде чем другие могли сделать что-либо, чтобы остановить это.

- Райден хотел удостовериться, что он поймал самых сильных, - бормочу я. Хотя я удивлена, что среди них не было Оза.

- Двадцать девять Живых Штормов, - говорит Вейн, и дрожь в его голосе отражается в моем животе.

- Какие они? - спрашивает Солана спокойно.

- Поверь, ты не захочешь знать, - Гас волнуется, дергая рукава униформы, прежде чем он смотрит на меня. - Когда он изменил Фенга... сколько времени это заняло?

Момент был такой размытый и трудно сказать наверняка. Но я знаю, что это было не так.

- Лишь несколько минут.

Вейн выпрямляется.

- Так... он может уже быть на пути?

Гас наклоняется из окна, поворачивая лицо к душным бризам, несущимся через мягкий свет рассвета.

- Я еще не чувствую предупреждения.

- Но все мы знаем, как быстро ветры могут перейти, - напоминаю я ему.

- Что это означает? - спрашивает мама Вейна, и все мы затихаем. Она поворачивается к Вейну. - Мы снова должны уехать?

- Вероятно, - признает он.

Я никогда не видел ее взгляда, столь усталого, когда она кивает и говорит:

- И я предполагаю, что ты не сможешь пойти с нами?

- Нет, я буду нужен им здесь. - Он тянет меня ближе, таким образом, он может прошептать в мое ухо. - Но я хочу, чтобы ты пошла с ними.

- Я остаюсь с тобой.

- Ты могла бы присмотреть за ними для меня... и к тому же я не должен буду волноваться о тебе.

- Я не оставлю тебя.

- Я пойду с ними, - предлагает Солана. - Я сделаю то, что тебе нужно.

Я не знаю, что я ненавижу больше, как благодарно смотрит Вейн или как плохо я ощущаю не быть тем, кто заставил его так смотреть.

Но Гас шагает вперед до того, как Вейн может согласиться.

- Если у нас будет двадцать девять Живых Штормов, нам будет нужен каждый солдат, которого мы можем получить. Я знаю, что ты хочешь защитить своих родителей, Вейн. Поверь мне, я понимаю. Но я не думаю, что мы можем позволить себе отказаться от кого-то на сей раз.

- Да, мы будем в порядке, - скакивает папа Вейна. - Я становлюсь хорошим в опережении штормов. Еще не получил талон о превышении скорости!

Вейн выглядит готовым разорваться, когда он поворачивается к своей маме, которая так сильно сжимает руки, что ее пальцы бледнеют:

- Ты уверена, что с вами все будет в порядке?

- Я не волнуюсь по поводу нас, Вейн. - Она смотрит на меня. - Позаботишься о нем для меня?

Вопрос чувствуется подобно успокаивающемуся бризу.

Она могла обратиться с той просьбой к любому в комнате. Но она попросила меня.

- Я защищала его в течение десяти лет, - говорю я ей. - Ничего с ним не случится.

Вейн сжимает меня.

Солана отводит взгляд.

- Я думаю, что должна пойти, сделать немного кофе с собой, - говорит мама Вейна спокойно, бросая один последний взгляд на сына, прежде чем она выходит из комнаты.

Папа Вейн улыбается.

- По крайней мере, мне нравятся поездки. Возможно мы на сей раз посетим Большой каньон.

- Нет... идите на юг, - говорит ему Вейн. - В последний раз мы видели Райдена в Долине Смерти.

Улыбка его папы исчезает.

- Хорошо. Ну, тогда... в Мексику. Маргарита звучит довольно хорошо прямо сейчас. Экстра сухая текила.

Вейн вздыхает.

- Прости, что это происходит.

- Эй, мы знали, что усыновить ребенка было приключением. Я не ожидал воинов ветра, но... - Он проводит рукой по солнечной голове. - Ты действительно будешь в порядке? Тот ушиб...

- Со мной все будет хорошо.

Вейн, вероятно, кажется менее уверенным, чем его папа хотел бы, но его папа оставляет это, поворачиваясь ко мне.

Потом в сторону.

Потом снова возвращается.

Он наконец выходит вперед, протягивая руку.

- Думаю, я должен, гм... поздравить вас.

- Тьфу, вы, ребята так смущаете, - жалуется Вейн, когда мои щеки горят.

Части меня жалет, что я не мог уткнуться лицом в грудь Вейна и скрыться.

Но я вынуждаю себя наклониться вперед и пожать руку его папы.

- Спасибо.

Он кивает, его глаза, немного гладкие, когда он откашливается снова и говорит, что собирается пойти собираться.

- Видимо, это означает, что ты сказал им? - спрашивает Гас, когда он выходит.

- Да, похоже на то. - Вейн глядит на Солану, которая смотрит вдаль. - Я скажу Озу, когда все закончится.

- Скажете мне что? - спрашивает Оз, заставляя всех подскочить, когда он входит в комнату.

Я видела капитана Бурь только однажды, стоящего возле дома моей матери, когда я давала свою клятву как опекун. В то время, он выглядел в равной степени гордым и нервничавшим... они делали все, когда помещали свое самое важное назначение в руки тринадцатилетки.

Теперь шрам под его глазом искривлен гневом, когда я пытаюсь выбраться с коленей Вейна.

Вейн удерживает меня на месте, шепча:

- Он уже заметил.

- Что это за безумие? - спрашивает Оз. - Что вы...

- Райден идет, - прерывает Вейн.

Глаза Оза расширяются, и он поворачивается к окну, уставившись на спокойное небо.

- Ты уверен?

- Да.

Он шепотом чертыхается и проводит руками по распущенным волосам вокруг его косы.

- Так с чем мы столкнемся?

- Гас рассказал тебе все что вчера произошло? - спрашивает его Вейн.

- Почти все. Он не упомянул, что наш бросивший все опекун вернулся... я так понимаю, ты не смогла разыскать третьего Буреносца? - спрашивает он меня.

- Это именно то, о чем ты хочешь поговорить? - перебивает Вейн до того, как я могу спросить, что это значит. - Райден идет уничтожать нас, а ты хочешь поговорить об Одри?

- Самая большая ошибка, которую может сделать любой лидер - держать предателя в своем окружении.

Вейн отодвигает меня в сторону и встает.

- Ты серьезно называешь ее предателем?

Я знаю, что тоже должна встать... сказать что-то в мою защиту... но мое сердце стучит слишком сильно, и моя голова кружится слишком быстро и

все, что я могу сделать - уставиться в пол и подвернуть мои глупые голые ноги подо мной.

Оз подходит ближе.

- Так или нет, она бросила свои обязанности в качестве опекуна... нарушила присягу...

- Одри ничего не оставляла, - прерывает Вейн. - Она взяла несколько недель, чтобы прочистить голову... и после всего, что она сделана для нас и всего, через что она прошла, она ее заслужила.

- Да, хорошо, семьи опекунов, которые погибли, выполняя ее обязанности, могли бы не согласиться.

Он поворачивается к Гасу, но Гас качает головой.

- Мой отец имел честь служить своему королю.

Я могу сказать, что Гас имеет в виду каждое слово. Однако, вес утраты его отца чувствуется подобным камню в моем сердце.

- Своему королю, - повторяет Оз, поворачивается ко мне. - И я предполагаю, что это та, кого ты намерен сделать своей королевой?

- Ну, мы действительно не обговаривали такое далекое будущее...

- Но вы связаны? - прерывает Оз.

Мне жаль, что мы не могли подождать пока Вейн наденет рубашку, а я буду в штанах с заплетенными волосами, и это не было бы так невероятно оскорбительно. Но уже слишком поздно.

- Да, - говорит Вейн, потягиваясь к моей руке. - Мы связаны.

Оз стонет, бормоча что-то о глупых подростках.

Я встаю на ноги, пытаюсь выглядеть более уверенной, чем я чувствую себя, когда Оз может оценить полный эффект моего нелепого наряда.

Он закатывает глаза и поворачивается к Вейну.

- Значит, таким королем, ты собираешься быть? Тем, кто очевидно игнорирует наши пожелания и делает то, что ему нравится?

- Когда дело доходит до моей личной жизни, да.

- У тебя нет личной жизни... это то, что означает быть королем! Твоя жизнь - служение другим, не самому себе. Иначе ты не отличаешься от Райдена.

- Мм, я не убиваю невинных людей, таким образом, я вполне уверен, это дает мне больший выигрыш. И какое отношение, с кем я встречаюсь, имеет "к служению другим"?

- Поскольку твои люди ищут безопасности и стабильности, а ты связал себя с дочерью убийцы!

Я слишком застывшая, чтобы почувствовать тепло Вейна, когда он обнимает меня рукой. Но я замечаю, что он ничего не говорит.

Нечего говорить.

Оз поворачивается и начинает расхаживать. Он пересекает комнату три раза, прежде чем говорит:

- Мы приняли меры, чтобы ты женился на дочери наших павших короля и королевы — два героя, не только известные их силой и добротой, но и жертвенностью собой так, чтобы у королевской линии мог быть шанс на жизнь. То будущее, которого наши люди ждали, на которое надеялись.

Борясь за тот день, когда они увидят, что королевский символ снова украшает ворота Брезенгарде с членом семьи Южных на троне. А теперь ты хочешь, чтобы я сказал им, что вместо этого, они должны получить королеву, которая украдала короля у ее суженой, когда она, как предполагалось, охраняла его... которая оставила свой пост, только чтобы вернуться несколько недель спустя и разрушить все, что мы планировали в течение многих лет? И единственное известное требование, которое она имеет для своей родословной, состоит в том, что ее мать - одна из большинства позорных преступников, которых наш мир знал... второй только Райден?

Он делает паузу, и я понимаю, что это то место, где я, как предполагается, обсуждаю, доказываю, что я достойна Вейна и всей ответственности, которая идет с ним.

Но каждое слово, которое сказал Оз, верно.

- Ты прав, - говорит Вейн спокойно.

Эти два небольших слова, но они причиняют боль больше, чем то, что сказал Оз. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Вейна, но он смотрит на Солану, и такое чувство, что что-то во мне увядает, когда он говорит:

- Солана должна быть королевой.

Я закрываю глаза, подавляя слезы и напоминая себе, что я знала, что так могло быть... должно было... произойти.

Но когда я жду Оза, чтобы связать меня и вырвать меня, Вейн тянет меня ближе и говорит:

- Я просто не должен быть королем. Мне жаль, что я не мог влюбиться в принцессу и сделать общую жизнь легче. Но я люблю Одри. Поэтому, если я должен выбирать между тем, чтобы быть с ней или быть королем, я с радостью верну трон.

Я открываю глаза, видя только красивую улыбку на красивом мальчике, я никогда не заслужу, но я хочу так много, она заставляет меня болеть.

Оз смеется... острый звук, который пронзает мои несколько секунд счастья. - Ты думаешь, что это настолько легко?

- Так может быть, если ты этого захочешь, - говорит ему Вейн.

Оз качает головой и снова шагает.

- Наш мир разрушен, Вейн... и когда мы наконец освободимся от Райдена и изо всех сил будем пытаться подняться из пыли, нам будет нужна вся сила, чтобы примирить наших людей. Мы нуждаемся в нашем новом лидере, чтобы быть воином, который использовал силу четырех и уничтожил злодея. Не в симпатичной девочке, которая стояла вне игры во время сражения.

- Эй, я собираюсь бороться прямо наряду с вами, - спорит Солана.

- Нет, вы будете защищать себя и хранить ветры для остальных нас, чтобы использовать, что является очень полезным инструментом, - говорит ей Оз. - Но это не то же самое, как быть героем.

Солана сужает глаза, и я могу понять ее ярость. Я знаю, как быть недооцененным.

Но я также согласна с Озом.

Солана - трофей, предназначенный, чтобы быть выставленным напоказ и восхищаться.

Не уважать и преданно повиноваться.

Не то, чтобы я заслуживаю уважения или лояльности.

- Райден размещал семена восстания среди наших людей, - добавляет Оз спокойно. - Даже когда он уйдет, будут некоторые, кто остается. Таким образом, мы нуждаемся в правителе, которого как боятся, так и уважают. Кого-то столь влиятельного, что никто не смел бы пытаться снова украсть трон. - Он возвращается к Вейну, оценивая его своим пристальным взглядом.

- Я все еще не убежден, что ты можешь быть тем воином. Но ты - лучшая возможность, которая у нас есть. Трон достанется тебе.

- Хорошо, тогда я предполагаю, что не нуждаюсь в этом, - бормочет Солана, когда она расстегивает свою золотую манжету и бросает ее на пол, отступая от нее, как будто она является носителем болезни.

- Не обязательно, - говорит ей Оз, наклоняясь и поднимая манжет. - Этот вопрос совсем не решен.

- Мм... решен, - поправляет Вейн.

- Поверь мне, когда я говорю тебе, что это не решено. - Оз подходит к Солане и закрепляет браслет обратно на ее запястье.

На левое запястье на сей раз, когда их обязательство уже запечатано.

Солана хмурится.

- Но... они связаны.

- Да, - говорит Оз, глядя прямо на меня. - Но связи могут быть разорваны.

Глава 31

Вейн

Я знаю, что я плохо знаком с этим у Странников Ветра... но одна из нескольких вещей, в которых я был вполне уверен, и которые я выяснил - это то, связи - постоянные. Я думал, что это было то, почему Одри провела так много времени, разрушая мои свидания и превращения меня в посмешище в школе... и почему это заняло настолько чертовски много времени, чтобы убедить ее наконец поцеловать меня.

И все же, Одра не кажется такой удивленной этим открытием как я, если она и выглядела... так... взволнованной.

- Это правда? - шепчу я, давая ей слово, чтобы сказать мне, что это ошибка. Тот факт, что она не смотрит на меня, говорит все.

Я опускаюсь на край кровати, моя голова сильно кружится, чтобы стоять.

- Ты говорила мне, что связь не может быть разорвана!

- Я думала, что не могут, - признает она. - Но Астон сказал...

- Подожди, ты видела Астона? - прерывает Оз. - Он жив?

Она кивает.

Оз смотрит в пространство в течение секунды... потом поворачивается к Гасу.

- Почему ты не сказал мне?

- Думаю. я просто забыл. Много произошло вчера.

- Да... думаю, что произошло. - Оз вздыхает и поворачивается к Одри. - Когда ты видела его?

- Три дня назад.

Оз подходит ближе, хватая Одри за запястье.

- Ты можешь взять меня туда?

Она вытаскивает руку и садится рядом со мной на кровать. Я не могу не заметить, как высоко поднимается моя рубашка по ее бедру, но настроение отчасти убито, когда она шепчет:

- Он не Буря, которую ты помнишь, Оз. Райден подверг пыткам и скрутил его в кого-то невероятно нестабильного... и невероятно сильного. Он захватил меня, даже не имея необходимости выйти из теней его пещеры, и если бы он не принял решение дать мне уйти, я все еще была бы его пленником.

- Но он позволил тебе уйти, не так ли? - спрашивает Оз.

- Позволил, - признает она. - И я все еще не уверена почему.

Она смотрит на слабый волдырь на запястье, и я не думаю, что хочу знать, как она его получила. Если он причинил ей боль, я...

- Мы должны найти его, - говорит Оз.

Одри качает головой.

- Он сказал мне, что убьет любого, кто подойдет к его укрытию... и поверь мне, он способен на это.

- Это большие причины, почему мы должны вернуть его на нашу сторону.

- Хорошо, мы можем подождать секунду? - прерываю я. - Мы можем иметь дело с психо-парнем из пещеры после того, как ты объяснишь, что за дерьмо ты имеете в виду о разорванных связях.

- Фактически, мы должны планировать нападение Райдена, - исправляет Оз. Он прав... должны. Но он не может просто пропустить такую бомбу и не объяснить. - Через минуту мы будем планировать.

- Я думал, что это было довольно очевидно, - говорит Оз после того, как впивается взглядом в меня на несколько секунд. - Связи могут быть разорваны. Просто так.

- Но... как? - спрашивает Гас и я рад видеть, что он и Солана выглядят столь же смущенными как я.

Между тем, Одри печально смотрит в пол....

- Что ты знаешь? - шепчу я.

Она глядит украдкой на Оза, прежде чем поворачивается ко мне.

- Астон сказал мне, что что угодно может быть сломано, если вы готовы использовать силу боли.

Во рту пересыхает.

- Боли?

- Я уверен, что процесс довольно неприятен, да, - соглашается Оз.

- Ну, хорошо, это звучит весело, но пасс.

Печальная улыбка поднимает уголки рта Оза.

- Я никогда не говорил, что это будет твой выбор, Вейн. Мы позволили тебе считать, что мы отменили вашу помолвку, потому что мы думали, что это

сделает тебя менее стойкой к Солане, и что, как только ты узнаешь ее, ты передумаешь. Но просто потому что это не сработало, это не означает, что мы изменим наши планы. Ты можешь быть королем, но твое мнение не единственное, которое имеет значение... не тогда, когда дело доходит до того, что является лучше для наших людей. И для всех лучше, если ты будешь с Соланой.

- И... что же? Ты собираешься приковать меня цепью и выжечь мою связь из меня? - У меня кружится голова просто от того, что я произношу это... и он может поспорить, что я применю всю силу четырех, если он попробует это сделать.

Оз отводит взгляд.

- Если ты не оставишь нам никакой другой выбор.

- Ничего себе, - выдыхает Гас.

- У вас какие-то проблемы, Опекун Гасти? - спрашивает Оз.

Гас опускает взгляд, похоже, что ему жаль, что он сказал это вслух.

- Это просто звучит... отчасти жестоко, сэр.

- Жестоко?

- Да. Пытать двух наших, потому что они влюбились, больше похоже на что-то, что сделал бы Райден.

- Боль длится всего несколько минут.

- Верно... поэтому это делает все лучше.

Оз игнорирует меня.

- Ты когда-либо ломал кость, Гас?

Гас кивает.

- Левую лодыжку, когда я учился ходить по ветру.

- Ах, да, я помню. Это было настоящее падение. И скажи мне, это причиняло боль, когда они вправляли кость?

- Да, сэр.

- И все же, это заставило твою лодыжку зажить должным образом, не так ли? Иначе бы ты не смог сейчас ходить, верно?

- Да, но... — Гас перемещает свой вес — это не то же самое, что вы говорите.

- Но это то, Гас. Иногда боль необходима, чтобы решить проблему, которая не может быть решена иначе. Это неприятно и неудачно, но когда все заканчивается, все установлено верно.

- Ты себя слышишь? - кричу я. - Держу пари, что это тот вид дерьма, которое Райден извергает своим Буреносцам, чтобы попытаться оправдать злые вещи, которые он делает.

Оз подходит ко мне.

- Райдена волнуют только его собственные эгоистичные нужды. Я думаю о пользе для наших людей. Пытаясь объединить разрушенные части нашего мира.

- И кто назначил тебя главным?

- Никто. - Он отстраняется, сжимая свой синий кулон опекуна. - Этот вопрос будет вынесен на совет Сил Бурь, и они решат. Я просто буду одним

голосом. Однако они - очень разумная группа солдат. Я не сомневаюсь, что они решат то, что принесет пользу всем.

- Всем кроме меня и Одри.

- Со временем ты увидишь, что это не важно. Вы двое не были предназначены друг другу.

- Я могу кое-что сказать? - спрашивает Солана, ее голос дрожит так же, как ее ноги, когда она выходит вперед. - Я не хочу сближаться с кем-то, кто вынужден сделать это. Если Вейн любил бы меня, — она откашливается, — или если был способ держать наследие моей семьи без необходимости, чтобы мы были вместе, ну... это было бы по-другому. Но если Вейн действительно должен быть королем, и я не та, с кем он хочет быть, тогда... Я думаю, что так и должно быть.

Ее глаза бросаются к моим, столь печальные и сломленные, что часть меня не может сдержать пожелание, чтобы я мог ее любить.

Но я просто не могу так чувствовать. Не тогда, когда я знаю, на что похожа настоящая любовь.

- Еще один молодой человек, думающий, у нее есть выбор во всем этом, - говорит Оз со вздохом. - Хотя я замечаю, что ты ужасно тиха, Одри. Ощущаешь себя виновной теперь, когда видишь последствия своих эгоистичных действий?

- Фактически, я пытаюсь выяснить, что вы знаете о силе боли. Астон сказал мне, что это была одна из уловок Райдена, и не чего-то такое, о чем знали Бури.

Оз подходит ближе, указывая на шрам под его глазом.

- Не секрет, что я знаю Райдена лучше, чем другие. В прошлом, когда мы были друзьями, он раньше разделял некоторые свои теории со мной... это было частично, когда я решил дистанцироваться от него. И когда он начал нападать на нас разрушенными ветрами, я знал, что это означало, что он доказал по крайней мере одну из своих правильных теорий.

- И теперь вы хотите использовать это, зная, что это - одна из его уловок? - спрашивает Одри, вставая, чтобы стоять перед ним. - Разве вы не понимаете, как это затронет вас?

- Затронет меня?

Она подходит ближе.

- Астон сказал мне, что сила развращает любого, кто использует ее. Это становится склонностью, которую ты не можешь вылечить, не может бороться, не может удовлетворить кроме, как еще ломать и разрушать... и после того, как я видела, как он вел себя, я верю ему.

- Похоже на кого-то с виноватой совестью, пытающегося обвинить во зле другого.

- Или, возможно, вы просто соблазняетесь больше силой, чем вы понимаете.

- Посмотри на себя, - говорит Оз, его шрам скручивается с угрюмым видом, таким образом, он больше похож на "X". - Учитывая твои недавние преступления, ты преуспела быть максимально вежливой и послушной.

- Почему? - спрашиваю я, ступая между ними. - Ты уже пригрозил разорвать нашу связь... что дальше? Закроешь нас под землей в твоём водовороте? Слово заставляет Оза замереть, и на секунду его рот просто открыт, туда могут залететь мухи.

Я столь же ошеломлен, когда я понимаю то, во что я влез.

Я поворачиваюсь к Одри, чувствуя, что сердце замирает, когда я вижу ужас в ее глазах.

- Ты имеешь в виду водоворот в Долине Смерти? - спрашивает она меня.

- Нет, - медленно говорю я, пытаюсь аккуратно подобрать ответ. - Оз построил один в Центре Пустыни.

Я не упоминаю, кого он держит там, надеясь, что она не догадается. Но она начинает дрожать.

- Вы построили Водоворот? - спрашивает она Оза, опираясь на меня, чтобы устоять на ногах.

- У меня не было выбора!

- Подожди, когда ты говоришь Водоворот... - начинает Гас, но его голос затихает, когда я киваю. - Ничего себе.

- Да. - Я тяну Одрм ближе, тихо прося всех пропустить это. Сейчас не время, чтобы заставить Одро волноваться о чем-то еще.

Но Одри не отпускает.

- Как вы могли? - кричит она Озу. - Как вы могли сделать это с ветром? С невинными людьми?

- Кто сказал что-нибудь о невиновных? - отрезает он. - Единственный человек, пойманный в ловушку в моем Водовороте - жестокий убийца, который использовал свой дар для побега, почти дважды, из нашей обычной тюрьмы.

Одри вдыхает, и я сжимаю руки вокруг нее, желая удержать ее, когда она соединяет части.

Она отделяется от меня, спотыкаясь, бредет к моему окну и безучастно смотрит наружу.

Я должен был найти способ рассказать ей.

Она должна была услышать это от меня.

Но даже сейчас, я понятия не имею, как сказать это.

- О каком заключенном он говорит? - спрашивает Солана, когда никто ничего не говорит.

Я открываю рот, пытаюсь вытеснить слова. Но я вижу в глазах Одри, что она уже знает.

Она протягивается руку, позволяя маленькому пересмешнику приземлиться на палец, когда она шепчет:

- О моей матери.

Глава 32

Одри

Моя мать в Водовороте.

Я... не знаю, что чувствую.

Я смотрю на крошечную птицу, усаживающуюся на насест на моем пальце... прилетевшую

ко мне из-за того, что мы с мамой разделили ее подарок... и я пытаюсь не представлять серо-синее, иссохшее тело, свисающее с потолка на цепи, конечности искривлены и запутаны, лицо искаженно муками.

Я знала, что ее наказание будет серьезным. Но я никогда не думала...

- Сколько времени у нее осталось? - шепчу я, задаваясь вопросом, хочу ли я действительно знать ответ.

Крошечная птица напрягается, когда Вейн подходит ко мне и кладет руку на плечо.

- Она только предполагала, когда я говорил с ней. Но она думала, возможно, несколько недель.

Недели.

Моя рука сжимается, таким образом, птица улетает, и я хватаюсь за подоконник, чтобы удержаться на ногах.

- Она выглядит... - я даже не могу спросить. Я не хочу представлять это.

Вейн разворачивает меня и тянет меня к себе.

- Она выглядела более слабой, - шепчет он. - Отчасти бледной и грязной. Но не как те, кто...

- Умиряющей, - заканчиваю я за него.

Моя мать умирает.

Медленная, болезненная, ужасающая смерть.

Но она - убийца, напоминаю я себе.

Холодный, жестокий монстр, который убил родителей Вейна и стоил моему отцу жизни и позволил мне винить себя во всем этом.

И если бы я была слабее, то она убила бы меня.

Но... это означает, что она имеет право быть съеденной живьем ветрами?

Ветры.

- Как ты мог сделать это? - спрашиваю я, поворачиваясь ко Озу. - Как ты мог разрушить ветер?

Я все еще могу слышать Восточный, бессмысленно стонающий после того, как Астон разрушил его, он передо мной... все еще помнит беспокойное вращение пожирающих ветров Водоворота.

- Я думал, что мое сердце могло разбиться наряду с ними, - шепчет Оз. - Но моя первоочередная задача - защищать наших людей, и твоя мать была безудержной без Водоворота. Я использовал абсолютный голый минимум ветров, что я мог, останавливая те, у меня было достаточно.

- Сколько из было? - спрашиваю я.

Рука Оза бросается к его шраму, его пальцы прослеживают тонкие красные линии.

- Двенадцать.

Двенадцать.

Двенадцать раз он звал к себе ветер.

Двенадцать раз он позволял им нестись вокруг него как друзьям, затем наблюдал, что они корчились и кричали, прежде чем их песни затихали.

Слезы затуманивают мой взгляд, и я не хочу смахивать их. Я не хочу смотреть на человека, который мог сделать что-то столько ужасное двенадцать раз.

Но слезы падают сами, когда Оз говорит мне:

- Поверь меня, их крики будут преследовать меня до моего последнего дня. И я продолжаю надеяться, что есть способ восстановить их. Возможно, с силой четырех, или... просто, так или иначе. Я отказываюсь верить, что они навсегда будут такими.

Я могу услышать его горе в каждой трещине его голоса.

Он не похож на сведенного с ума властью монстра описанного Астоном, но...

Разве он не угрожал разорвать нашу связь только несколько минут назад?

Астон послал меня в Долину Смерти, так, чтобы я увидела тот Водоворот Райдена... увидела глубины его ужасов и уровни, на которые Бури должны были погрузить, чтобы победить его.

Это то, что происходит?

Мои колени, кажется, больше меня не держат, но Вейн ловит меня и несет к кровати. Он укладывает меня, и я хочу натянуть одеяло на голову и притвориться, что остальная часть мира не существует. Я соглашаюсь на то, чтобы притянуть его рядом со мной и уткнуться в его бок, впитывая сколько его жара, сколько я могу.

- Ты в порядке? - шепчет он.

Я не знаю, как ответить.

Я чувствую, что только что узнала, что небо зеленое, и никогда не смогу видеть его синим.

- Мы тратим впустую драгоценное время. Ни одно из этого не поможет нам победить Райдена.

- Ты прав, - соглашается Вейн через мгновение. - Но мы поговорим обо всем этом с Бурями, когда закончим. Больше тайн нет... ни для кого из нас.

- Как пожелаете, Ваше Высочество, - говорит Оз, его голос почти звучит искренне, когда он опускает голову в поклоне.

Именно тогда я понимаю, почему мой мир перевернулся.

Не из-за моей матери. Я по-настоящему ее потеряла годы назад в том самом шторме, который украл моего отца.

Оз-за Оза.

Я не доверяю ему.

Я посвятила всю свою жизнь служению Бурям... жертвовала едой, водой, даже моим детством.

Но я верю тому, что Астон рассказал мне о разрушении ветров, чего это стоит.

Независимо от того, насколько осторожным был Оз, он должен будет заплатить за это.

- Так... Думаю, мы готовы идти, - говорит мама Вейна из дверного проема, поразительно возвращая меня назад в настоящее.

Она стоит за папой Вейна, чемоданы сложены у их ног наряду с толстой пачкой книг.

Вейн печально улыбается.

- Не думаю, что вам будут нужны семейные фотоальбомы.

- Мы подумали, что это могла бы быть хорошая идея на сей раз, чтобы забрать вещи, которые мы не можем заменить, - говорит она спокойно, и то, как она смотрит на Вейн, я могу сказать, что она хочет запихнуть его в свою сумку и забрать с собой.

Вместо этого она подходит и душит Вейна в объятиях, пока он не напоминает ей, что должен дышать, и она наконец отпускает его.

Я полностью захвачена врасплох, когда она обнимает и меня.

- Позаботься о себе, - шепчет она.

Слезы жгут мои глаза, и я обнимаю крепко ее, прежде чем она отходит.

- Скоро увидимся.

- Берегите себя, - говорит папа Вейна, прежде чем он обнимает нас обоих. -

Попытайтесь не разрушить дом.

Вейн вызывается от смеха.

- Черт побери, там не входит в мои планы.

- О, я почти забыла, - говорит его мама, снимая изодранный клочок черной ткани с вершины чемодана. - Мне так жаль. Думаю, что твоя одежда не предназначена для стиральной машинки...

Мне требуется секунда, чтобы понять отходы, которые она держит в руке, это то, что осталось от моей униформы, и после этого, я понимаю свою ошибку. Я забыла, что люди используют машины для своего мытья вместо воды и воздуха. Наша пористая ткань не может выдержать это.

- Все в порядке, - говорю я ей, даже при том, что я понятия не имею, что я теперь надену. Мой приют не должен был скрыть имущество, значит, у меня была одна только униформа. - Я понимаю. Возможно у Бурь есть дополнительное...

- Мы отправили все поставки на Базу Даствленд, - прерывает Оз. - Это на расстоянии часа отсюда.

- У меня все еще есть твой жакет, - предлагает Вейн, указывая на рваную грудку черного на полу рядом с его кроватью. - Но это, вероятно, не сильно поможет.

- Уверена, что смогу заставить штаны твоей мамы держаться, если у меня будет пояс.

Солана медленно и тяжело вздыхает.

- Или, у меня есть несколько дополнительных платьев.

Она фактически не предлагает их, но Вейн все-таки говорит ей:

- Это было бы замечательно! - и прежде чем я могу поспорить, она кивает, вопрос улажен.

Родители Вейна слезно прощаются... берут обещания у Вейна, он напишет им на сей раз. Потом дом затихает и Вейн смотрит из окна, как они уезжают.

Напряженная линия его плеч заставляет меня хотеть обнять его. Но Солана поворачивается ко мне.

- Мои вещи в гостиной.

Она выглядит примерно настолько же радостной этой договоренностью, как и я, что так или иначе облегчает следование за ней вниз в холл. Пока она не показывает мне мой выбор.

Одно платье - не что иное как труба блестящих лоскутков, и не совсем достаточных. Другое - чистый персик, и вырезы спускаются почти настолько же низко спереди, как и сзади. А третье - ярко-красного цвета.

Я уверена, чтобы закрыть меня, нужно использовать ткань со всех трех платьев, особенно с учетом того, что я, по крайней мере, на два дюйма выше ее. Но ясно, что любое из этих платьев будет замечено.

И увидено каким-то Западным королем.

Мысленно я выбираю то красное, хотя я говорю себе, что это главным образом, потому что оно выглядит длиннее остальных.

Я понимаю на своем пути к ванной, что забыла о своем черном сменном платье, убранном под пол моего старого приюта. Я хочу думать, что я не переключаюсь на него, потому что я не хочу тратить впустую любое время... и не потому что я хочу, чтобы Вейн увидел меня в чем-то новом. Но если быть четной, мысль действительно приходила в мою голову.

Очевидно я превращаюсь в одну из "тех девушек".

Я еще больше чувствую отвращение к себе, когда я надеваю шелковистую красную ткань через голову и смотрюсь в зеркало. V-образный вырез достаточно низкий, чтобы заставить меня покраснеть, и тонкая связь ремней вокруг моей шеи оставляет моих плечи, и большую часть моей спины голыми. Бока, по крайней мере, достаточно высоки, чтобы скрыть мою перевязку, а юбка длиннее, чем другие варианты одежды... но только сзади. Спереди она намного выше, и у дизайнера есть воздушность, что заставляет меня задуматься, что я, как предполагается, делаю, если я ловлю восходящий поток.

Но действительно ужасающая часть - то, что я не могу представить реакцию Вейна, когда он увидит меня. Я хочу думать, что он обрадуется... но что, если это будет не так?

Что, если он подумает, что я выгляжу настолько смешно, насколько я чувствую?

Я очень близко к совершению набега на гардероб его мамы... она всего на несколько размеров больше меня, конечно есть что-то, что я могу сделать... когда я встаю под вентилятором в потолке. Воздух легко проходит через тонкий материал, охлаждая мою кожу и давая мне силы.

Ткани серфиды дышат лучше, чем ткани земных... и я мне нужна вся энергия, которую я могу получить. Я смущаюсь тем, что это платье - мой наилучший вариант.

Я начинаю заплетать волосы, но это оставляет слишком много открытой кожи, таким образом, я вытаскиваю пряди - немного лучше, и я могу и вынуждаю себя отойти от зеркала.

Соланы ждет меня возле ванной и ее разбитый вздох заставляет меня улыбнуться.

Должно быть, я выгляжу лучше, чем я думаю.

Это невероятно глупая мысль, особенно, когда готовишься к борьбе, но Солана, кажется, вызывает во мне глупость. Возможно, потому что она переделала в еще более крошечное платье телесного тона, которое почти делает ее на вид голой.

- У тебя интересный гардероб для сражения, - говорю я ей, одергивая юбку.
- Не то, чтобы я должна объясняться, полагая, что я просто выручила тебя, но это из-за моего дара.

- Твоего дара?

- Да. Я - ловец ветров. Таким образом, я должна держать кожу открытой воздуху, таким образом, я могу поглотить как можно больше проектов. Это объясняет, что Оз имел в виду ранее... и почему она выглядела настолько расстроенной из-за того, что она ее недооценивал. Те, кто может ловить ветер, особенно редки, и дар требует непрерывной жертвы, чтобы поддерживать его.

Мы знаем, что это не единственная причина ее платьев. Но так как мы, кажется, достигли перемирия, я прикусываю язык, когда следую за нею назад в спальню Вейна.

Я могу услышать своего рода продолжение спора, но мое сердце колотится слишком громко для меня, чтобы выбирать слова. Я не поднимаю глаз, приклеенных к полу, когда я крадусь через дверной проем, съеживаясь, когда комната затихает.

Кто-то наконец кашляет, и я поднимаю быстрый взгляд на Вейна.

Я уверен, что мое лицо становится столь же красным как мое платье, но я не могу сдержать улыбку от интенсивности его взгляда.

- Хорошо, таким образом, новый план, - говорит Гас через секунду. - Давайте просто отправим туда девочек, одетых таким образом, у всех будет сердечный приступ.

Оз вздыхает.

- Мы сталкиваемся с армией Живых Штормов. Симпатичные девочки едва эффективно отвлекут.

Гас закатывает глаза.

- Я пошутил.

- Сейчас не время для шуток. - Оз проводит рукой в сторону окна. - Ветры начинают бежать, и есть только одна причина, по которой они стали бы бежать. И есть только одна вещь, которую мы можем сделать, чтобы дать нам шанс на борьбу. - Он поворачивается к Вейну. - Ты, наконец, готовы учить нас Западному?

- Как ты думаешь, это собирается помочь? - спрашиваю я, чувствуя себя дополнительно выставленной на показ, когда Оз сужает на меня глаза.

- Ты говоришь, что не думаешь, что сила четырех полезна?

- Нет, но... — мой ум возвращается в прошлое к моей катастрофической попытке спасения из пещеры Астона, - откуда ты знаешь, что отвлечение Западных к насилию не будет вызвано с прорывом?

- Тот же самый способ, которым я не становился устойчивым и вялым, когда я учился Южному, - отрезает Оз. - Это точно, почему это столь крайне важно,

чтобы Вейн разделил его язык. Мы будем использовать его силу способами, которыми он никогда не сможет.

Я открываю рот, чтобы поспорить, но останавливаюсь как раз вовремя. Он не знает, что я - теперь часть Западного.

И возможно он прав. Я выучила язык через связь. Возможно прорывы отличаются.

Но мысль о Западных словах, прошептаных тем же самым человеком, который разрушил достаточно проектов, чтобы построить Водоворот, делает мне физически плохо.

Я вижу неуверенность в глазах Вейна, и я хочу схватить его и бежать далеко, прежде чем он сможет сказать другое слово, или по крайней мере попросить его не разделять свои тайны.

Я мешаю себе так делать.

Западный - его наследие... и даже при том, что он разделил его со мной, это все еще должно быть его решением. Именно его родственники отдали свои жизни на допросах Райдена, его родители, которые были украдены из-за жадности Райдена. И если что-нибудь произойдет с неприкосновенностью его языка, то никто не пострадает больше, чем он.

Он проводит руками через волосы, когда он поворачивается к Гасу.

- Что ты думаешь?

- Единственная причина, по которой мы сбежали живыми из той долины, состоит в том, потому что ты мог управлять Западными, - говорит Гас спокойно, - но ты также мог обращаться с ним без меня.

Я замечаю, что он ничего не упоминает обо мне, и когда он смотрит на меня, я понимаю, что он сделал это нарочно.

Возможно я не единственная, кто не доверяет Озу.

Вейн начинает шагать.

Каждый раз, когда он пересекает комнату, угрюмый вид Оза углубляется.

- У нас нет времени для нерешительности, Вейн. Только действие.

- Прекрасно. - Вейн поворачивается ко мне, и я вижу ответ в его глазах.

Он разбивает мое сердце, но я сжимаю губы и храню молчание, когда он говорит:

- Я научу тебя Западному.

Глава 33

Вейн

Даже когда слова сходят с моих уст, я не могу поверить, что произношу их. И это тошнотворное чувство, преследующее меня, не кажется мне хорошим знаком.

Что еще тогда я должен сделать?

Западные - единственные ветры, которые Райден не может разрушить или отослать. Если я не буду учить Бурь, как их звать, то они будут абсолютно беззащитны в этом сражении. И я не могу больше позволять опекунам умирать за меня.

Но что относительно Западных, которые отдали их жизни, чтобы защитить эту тайну?

Они доверяли мне сделать то же самое, бережно хранить наш язык от любого, кто мог бы злоупотребить им или разрушить его. И теперь я собираюсь передать его своей армии, некоторых из которых я никогда не встречал, прямо после того, как их капитан в основном угрожал подвергнуть меня пыткам?..

В ушах звенит, и все становится тусклым, когда начинаю колебаться... но кто-то обхватывает меня руками и я, наконец, могу дышать, когда порыв теплоты поражает меня.

- Одри? - шепчу я, пытаюсь заставить мои глаза сосредоточиться. Я могу только видеть пятно красного и кожу, что не такая плохая вещь, если бы мой живот не завязывался в узел и не давал возможность выбросить из себя все, чувствуясь очень, очень реально.

- Держись, - говорит она мне, опуская меня на пол и помогая мне поместить голову между моими коленями.

Успокойся.

Дыши.

Не выплевывай все на свою очень горячую девушку.

- Ему нужно пространство!

Голос Одри звучит слишком далеко, полагая, что я могу чувствовать ее руку на плече. Звон становится громче, и мое зрение становится абсолютно темным, и я падаю на бок, сворачивающуюся в клубок и пытаюсь не глотать, когда мой рот делает все так, как обычно бывает, прежде чем меня вырвет.

- Хорошо, все, - кричит Гас. - Дайте парню немного воздуха.

Я тянусь к Одри, и она сжимает мою руку, точно так же, как в тот холодный день в снегу. Все остальные уходят, и когда их шаги стихают, Одри шепчет мягкую просьбу Западнему. Прохладный бриз несетя в комнату, окружая меня.

- Попытайся расслабиться, - говорит она мне.

Я концентрируюсь на прохладном ветре, чистящем мою кожу, и шепот наполняет воздух. Песня Западного мирная и мягкая, но также печальная. О постоянной попытке вернуться в более спокойные небеса, какие были раньше. Я знаю, как проект чувствует.

Иногда все, что я хочу сделать, перемотать назад в те дни, когда мои самые большие проблемы - убедить папу вытащить немного карманных денег или дразнилки о том, как я испортил еще одно свидание. Теперь мне даже не нужен свой автомобиль... и у меня есть в значительной степени самая горячая девушка на планете, которая сидит здесь рядом со мной в нелепо сексуальном красном платье, поглаживая мою спину даже при том, что я весь грубый и потный, и почти чуть ли не тошнит на нее снова.

Но я также должен выяснить, как защитить мою армию и всех невинных людей в этой долине от самого жуткого чувака, которого я когда-либо встречал.

Если только я мог бы держать все плюсы и не иметь с другим дерьмом.

Тем более, что единственный способ, о котором я могу думать, чтобы помочь всем, это та же самая вещь, которая заставляет меня оставаться разбитым на полу, считать вздохи и пытаться выяснить, как сдержать обещание, которое я просто дал, когда одна только мысль превращает меня в бесполезную Глыбу. Я мог сделать им всем специальные шипы ветра, как я сделал для Гаса. Он не должен был знать, какие Западные команды использовать, чтобы разрушить Живой Шторм.

Но что, если некоторые из них попадут в руки Райдена?

Если я не научу Бурь командам, то они не смогут призвать шипы после того, как они бросят их или распутают их, если Буреносцам удастся украсть их, и нет никакого способа, которым я могу отследить, сколько ветров уйдут самостоятельно.

Другая волна тошноты накатывает, и я возвращаюсь к концентрации на Западном, желая, чтобы его песня сказала мне, что сделать. Единственный ключ к разгадке, который это дает мне, является фразой: "не беги с пути", но с какого пути? Обещание, которое я дал? Или пути, по которому я шел все это время? Это могло быть оно, и если я не угадаю...

Я сжимаю свою руку на руке Одри.

- Это более жестко, чем я думал, что будет.

- Я знаю. - Одра тянется другой рукой, водит пальцами по моим волосам и посылая нежную рябь жара через мою голову. - Я чувствую себя больной, думая об этом... а я же не действительно Западная.

- Ты в своем роде такая. В стрельбе — у тебя контроль лучше, чем у меня, и я вполне уверен, что Западный, которого ты принесла домой, хотел быть твоим домашним животным.

- Возможно. - Она вздыхает, медленно убирая руку. - Но это должно быть твоим решением, Вейн. Я не могу быть частью его.

- Почему? Я думал, что мы теперь в этом вместе.

- Мы вместе. Это верно... - Повисает болезненная тишина прежде, чем она говорит, - Это твое наследие... и мы не можем быть связаны навсегда... и если...

- Мм, подожди минутку, - прерываю я. - Да, мы будем вместе навсегда.

Мои глаза горят, когда я открываю их и нахожу мою комнату наполненной светом... солнце, должно быть, поднялось, в то время как я паниковал... но это стоит боли, когда я получаю другой проблеск в ее платье.

Ох, ни хрена себе!

Верно... сфокусируйся.

- Я ни за что не позволю им разделить нас, - говорю я ей. - Но, если...

Я не могу помешать себе вспомнить лицо Одри, когда Оз угрожал нам. Я думал, что она выглядела взволнованной, но...

- Если? - спрашивает она.

Я вынуждаю себя сесть, осторожно, чтобы посмотреть на ее лицо вместо многих других мест, на которые я бы с удовольствием посмотрел. - Ты хочешь быть связанной со мной?

- Я... хочу, чтобы ты был счастлив.

- Это не то, о чем я спросил.

Она отводит взгляд, а теперь я серьезно становлюсь взволнованным.

- Ты не передумала, не так ли?

- Нет...

Хорошо, это правильное слово, но то, как она произносит его...

подразумевает "но"... не точное утверждение.

- Если что-то изменилось, ты должна сказать мне. Я не... - Мой голос

ломается, и я откашливаюсь. - Я не хочу, чтобы ты чувствовала, что застряла со мной.

Она возвращается ко мне, ее выражение лица невозможно прочитать.

- Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя привязанным ко мне. Теперь, когда ты встретил Солану...

- О, Боже... о чем идет речь?

Я так расслабляюсь, я не могу сдерживать смех, когда я хватаю ее и тяну к себе... что оказывается плохой идеей, потому что я все еще без рубашки, и, черт побери, у ее платья такой низкий вырез. Я глубоко вздыхаю, пытаюсь вспомнить то, что я собирался сказать, и наконец могу пробормотать:

- Солана - хорошая девушка, но она никогда не будет тобой.

- Но... как ты можешь хотеть быть с девушкой, чья мать убила твоих родителей?

Она опускает подбородок, но я наклоняюсь и тяну его обратно, вынуждая ее смотреть на меня.

- Я никогда не буду винить тебя в этом, Одри. Я даже не уверен, виню ли я твою маму. Особенно теперь, когда она...

Одри закрывает глаза.

- Мне жаль, что не сказал тебе об этом раньше, - бормочу я. - Я не знал, что сказать.

Это слабое оправдание даже мне, но Одри позволяет мне выходить сухим из воды. Она просто сидит там, выходящая такой душераздирающе грустной.

- Хочешь об этом поговорить?

- О моей маме? - Она качает головой. - Нет. Она выбрала свой собственный путь. Но...

- Но? - спрашиваю я, когда она не заканчивает фразу.

Одри вздыхает, опуская глаза к вырезу ее платья. Я пытаюсь не следовать за ее взглядом... но это не легко.

- Что? - спрашиваю я спокойно.

- Я просто... в таком беспорядке. Между моей матерью и Бурями и... - Она снова вздыхает и обмякает. - Солана, настолько прекрасная и симпатичная и...

Есть только один способ остановить это безумие. Я тяну ее ближе и целую ее со всем, что я имею.

Она опускается в мои объятия, открывая губы, когда она прижимается ко мне. Порыв жара заставляет мою голову кружиться, или возможно это от прикосновения кожи к коже. Ее губы проходят вниз по моей шее, и я понимаю, что, если я позволю этому движению продолжиться, я не смогу

остановиться... и у нас отчасти заканчивается время. Таким образом с последним рывком воли я целую ее еще раз и отдаляюсь.

- Теперь ты будете считать, что я хочу быть с тобой? - спрашиваю я, усмехаясь, когда вижу, как она задыхается.

Ее улыбка исчезает.

- У тебя могла быть любая.

- Ха! Я серьезно сомневаюсь относительно этого. Я едва ли был хитом с человеческими девочками... и не только из-за тебя, хотя ты определенно не помогала. Но что еще более важно, ты когда-нибудь прекратишь во мне сомневаться? Или чтобы сделать это, я должен вытатуировать твое имя через все мое тело, потому что я действительно не поклонник игл, но я помещу большое "Мое Сердце у Одри" прямо здесь, если будет нужно.

Я провожу рукой по груди.

Она качает головой, и я задерживаю ее, сопротивляясь убеждению поцеловать ее снова, когда шепчу в ее ухо.

- Я выбираю тебя. И если кто-либо когда-либо будет пытаться разорвать нашу связь, то я разрушу их... а затем я буду упорно искать тебя и просить позволить мне сформировать связь снова.

Она улыбается у моей шеи, давая мне гусиную кожу, прежде чем она наклоняет подбородок и шепчет:

- Тогда, что мы будем делать с Озом?

- Я не знаю. Но я не доверяю ему, - шепчу я в ответ, чувствуя себя лучше просто говоря это вслух.

- Я тоже, - признает она через секунду. - Значит. ты не собираешься учить его Западному?

- Я не думаю, что физически могу. Я испытываю желание сбежать просто обдумывая это. Но что относительно остальной части Бурь? Я не знаю, как я буду жить с собой, если я позволю большинству из них умереть за меня...

- Это не твоя обязанность волноваться о других опекунах. - Она прослеживает пальцы вдоль края моего ушиба, позволяя своим искрам ослабить часть боли. - Ты также ставишь свою жизнь на линию... и они знали риск, когда давали свою клятву. Они все знают, что их работа может быть смертельна.

Слово чувствуется, что бросает тень на нас.

Биться до смерти.

Я думаю, что мог отослать их, но я действительно не считаю, что мы с Одри достаточно сильны, чтобы сразиться со всеми Буреносцами. И если Живые Штормы будут свободно гулять по долине...

Я чувствую, как будто меня ударили в грудь, когда я понимаю то, о чем забыл, и я, спотыкаясь, иду к своей тумбочке, чтобы достать мой длинный заброшенный сотовый телефон.

- Что случилось? - спрашивает Одри, когда я включаю его и вижу, что на нем все еще есть немного зарядки.

- Кому-то лучше быть мертвым, - ворчит Айзек, когда он отвечает, что заставляет меня понять, сколько сейчас времени. Без четверти шесть на часах у моей кровати.

- Эй, - бормочу я, готовясь к тому, как неловкий это будет. - Я знаю, что тебе это покажется странным, но... мне нужно, чтобы ты уехал из города на несколько следующих дней. Прямо сейчас.

Я могу услышать шелест простыни, когда он садится на постели.

- Ты в своем уме?

- Да... и я не пьяный, если это твой следующий вопрос. Просто доверься мне, когда я говорю, что ты будешь в безопасности, если ты уедешь из пустыни на некоторое время. Возьми Шелби и твою семью. Мои родители поехали в Мексику, возможно, ты можешь встретиться с ними там.

- Так... давай-ка разберемся, - говорит Айзек после бесконечной тишины. - Ты не звонишь две с половиной недели... а теперь ты звонишь мне на рассвете и сообщаем мне собираться и направляться в Мексику с твоими родителями? И я, как предполагается, полагаю, что ты не на наркотиках? Я не обвиняю его в том, что он не верит мне. Но он должен уехать из города.

- Смотри, все, что я могу сказать, то, что дерьмо собирается попасть на вентилятор очень скоро, и я не хочу, чтобы ты застрял в ней...

- Какое дерьмо?

- Это... трудно объяснить. - Он никогда не поверит мне, если я скажу ему правду. Я, конечно, не скажу. - Но это большое, сумасшедшее, ты не сможешь разгрести этот вид дерьма. Поэтому, пожалуйста, просто забери свою семью и Шелби отсюда... разве у вас нет родственников, у которых вы могли остаться в Энсенаде?

- Чувак, кончай трепаться и иди спать.

- Я не треплюсь, я...

Он кладет трубку.

Я перезваниваю, но попадаю прямо на голосовую почту. То же самое в следующий раз. И после.

Я испытываю желание позвонить ему на домашний, но если я не могу убедить своего лучшего друга, что я в своем уме, я сомневаюсь, что смогу убедить его параноидальную мать. И его подруга Шелби не говорила со мной начиная с разгрома Ханна из Канады несколько недель назад.

Что оставляет мне только один выбор.

- Ты собираешься пойти к нему? - спрашивает Одри, доказывая, как хорошо она знает меня, когда я хватаю самую близкую рубашку и надеваю ее через голову.

- Я должен попытаться убрать его отсюда. Если что-то произойдет с ним, то я смогу спокойно жить.

- Ты не сделаешь ничего подобного, - говорит Оз из дверного проема. - У нас есть драгоценное небольшое время, чтобы ты научил нас тому, что нам нужно... и это лучший способ защитить всех.

Я смотрю на Одри, и она кивает.

- Послушай, Оз, об этом...

- Не иди на попятный... ты уже согласился.
- Я знаю. Но я не могу. Ты видел, как мне было плохо.
- Тогда не делай, чтобы тебе было плохо.
- Это не всегда просто.
- Нет, это просто.
- Не тогда, когда я не доверяю тебе!

Я вижу Гаса и Солану, стоящих позади Оза, выглядя потрясенными тем, что я допускаю это. Но это правда. Мог бы он лгал нам всем в тот момент.

- Ты не доверишь мне? - рычит Оз. - Я - твой капитан!
- Да, и меньше чем час назад ты угрожал подвергнуть пыткам меня и разорвать мою связь. Я уверен, что ты видишь, почему это могло бы заставить тебя казаться немного в тени.
- Это оно? Своего рода шантаж, чтобы вынудить меня в принятии ваши отношения?

- Конечно, нет... мы не нуждаемся в твоём одобрении. Ты не...

Я останавливаю себя и глубоко вздыхаю, сосредотачиваюсь на Западном, который все еще плавает по комнате. Он снова поет ту линию о том, чтобы не бежать от пути, и я думаю, что наконец знаю то, что это означает.

- Послушай, - говорю я, пытаюсь понять хаотические мысли в моей голове. - Всегда общий разговор о том, что я - тот с силой все исправить. Но я такой. У Западных есть сила. Каждый раз, когда им удавалось спасти меня, это потому что я отстранялся и слушал то, что мои инстинкты говорили мне делать. И мои инстинкты говорят мне не учить никого своему языку, таким образом, я должен доверять им. Я знаю, что это страшно... но это было довольно чертовски страшно, когда Одри была поймана в ловушку в шторме, и мои инстинкты сказали мне сделать шип сильного ветра и послать его в нее, и это было еще более страшно, когда мы были загнаны в угол Райденом в Долине Смерти, и мы должны были отпустить наш единственный щит и распутать наше единственное оружие и надеяться, что несколько усталых проектов, которые у нас есть, проникнут для нас. Но они сделали. Настолько прекрасно, возможно ты не доверишь мне, и я не доверяю тебе, но мы можем согласиться доверять ветру?

Оз открывает рот, потом закрывает. Потом снова открывает.

Когда он снова передумывает, я говорю:

- Ты знаешь, что согласен со мной. Ты просто не хочешь.

Он тянется и приглаживает волосы вокруг своей косы.

- Я действительно соглашаюсь, что твой инстинкты важны, Вейн. Но это не означает, что они всегда прекрасны, или... или что ты должным образом понимаешь их. Да, ты чувствовал себя больными, думая об обучении нас, но откуда ты знаешь, что это не просто нервы из-за кардинальных изменений в твоей жизни?

- Потому что это не так.

- Но откуда ты это знаешь... и не говори мне какой-то бессмысленный ответ как "Я просто верю". Ты никогда не давал шанс обучению нас. Откуда ты знаешь, что это не будет чувствоваться по-другому, если ты попробуешь?

- Потому что я не чувствую себя так с Одри!

Гас съеживается, и я понимаю, что он не говорил Озу эту важную деталь... что было, вероятно, правильным решением.

- Что он имеет в виду? - спрашивает Оз, поворачиваясь к Одри. - Он учит тебя Западному?

Скажи нет! Я хочу попросить ее. Солги, чтобы скрыть мою ошибку.

Но Одри расправляет плечи, быстро взглянув на меня, прежде чем она поворачивается к Озу лицом и говорит:

- Да.

Глава 34

Одри

Я не могу лгать.

Я почти солгала.

Но на долю секунды, что я должна была подумать, я поняла, что есть большая тайна, которую я должна сохранить. И это лучший способ скрыть ее.

- Да, он учил меня, - говорю я Озу, тихо прося Вейна и Гаса согласиться с этим. - После того, как мы сблизились. Он хотел удостовериться, что у меня будет дополнительная защита, но я только смогла изучить несколько команд.

- Это не вызывало прорыв? - спрашивает Оз.

- Я надеялась, что так будет. Но нет. - Я горжусь тем, как гладко звучит ложь.

- Я запомнила слова, и я знаю, что они имеют в виду, потому что он перевел их для меня. Но язык - все еще тайна. - Вейн хмурится, и я могу сказать, что и он и Гас пытаются понять, что я делаю. К счастью ни один из них не поправляет меня. Если Оз узнает, что Вейн передал свое наследие мне через нашу связь, я уверена, что он ожидал бы, что то же самое явление произойдет у Вейна с Соланой... и одна только возможность поколеблет Бури, чтобы проголосовать за то, чтобы разорвать нашу связь и попробовать с Соланой. Возможно это сработало бы.

Возможно и нет.

Но Вейн мой.

У Соланы есть красивые платья и хорошенький золотой браслет и милое будущее, которое Бури обещали ей. Но у меня есть целая жизнь узнавания Вейна, защиты Вейна, жертвуя всем, чтобы охранять его.

И он выбрал меня.

Я не позволю Бурям разлучить нам.

Я не сообщу им, насколько я сильна.

Так как я очень не хочу быть недооцененной, это также может быть преимуществом. И если Оз использует силу боли, мне нужны все преимущества, которые я могу получить.

- Ты знал об этом? - спрашивает Гас Оза.

Гас пожимает плечами.

- Сражение было настолько хаотическим, что было трудно сказать, что происходит.

Оз выглядит менее, чем удовлетворенным тем ответом, но он поворачивается к Вейн.

- И ты не будешь учить меня те же самым командам, которым ты научил ее?

- Я сказал тебе, мои инстинкты не позволят мне.

- Что относительно Соланы? Ее семья была выбрана в качестве наших членов королевской семьи за их доброе, щедрое поведение, и она была единственной, кто в состоянии успокоить твои кошмары... уже дважды. Напоминание о моей более ранней неудачи врезается глубже, чем ветрорез. Поэтому в глазах Соланы сияет надежда.

Но слова Вейна излечивают боль.

- Я доверяю только Одри. - Оз поворачивается обратно ком мне, его отвращение, настолько очевидно, что оно могло бы также быть знаком вокруг его шеи. - И каким командам тебе посчастливилось научиться?

- Какая тебе разница? - спрашивает Вейн до того, как я могу ответить. -

Потому что я пытаюсь выработать стратегию! Если ты не будешь учить нас, остальных, по крайней мере, ты можете рассказать мне сильные стороны, так чтобы я мог организовать нас соответственно.

Я выбираю только то, что они видели, как я использую во время борьбы.

- Он научил меня, как звать Западный. И как соткать все четыре ветра в шип.

- Те же самые шипы, которые использовал Гас, когда он победил Живой Шторм? - спрашивает Оз, ступая ближе, когда я киваю. - Они нам нужны для этого сражения. Если ты не будешь учить нас ткать их, по крайней мере, снабдите

нас ими.

Я думала об этом ранее... и это похоже на справедливый компромисс.

Но мысль передать такую силу скручивает мой живот.

Вейн, должно быть, чувствует себя также ужасно, потому что, когда я смотрю на него, он качает головой... но это не похоже на "нет".

Это выглядит больше как, он оставляет решение за мной.

- Пожалуйста, - шепчет Оз. - Я не хочу больше терять моих опекунов.

На мгновение он похож на Оза, которого я помню... отважного капитана, смотревшего на меня со смесью страха и уважения.

Я не понимаю и не соглашаюсь с его недавними методами, но я знаю, что он пытается защитить наших людей.

Это не означает, что я могу доверять ему.

Я пытаюсь продумать все, что я узнала о Западном, надеясь, что есть какая-то подсказка, которая скажет мне, что они хотят, чтобы я сделала. Они храбры и лояльны. Устойчивы и мирны. И все же, команда, которая наконец дала наш побег из Долины Смерти, была агрессивной... почти сильной. Я никогда не думала дать такую команду Западному. Но именно это сказал мой щит мне использовать, как будто он, знал, что есть времена, когда мы должны двигаться вне того, что чувствуется комфортно, и идти с чем-то более необычным.

Я глубоко вздыхаю, смотрю на Вейна, когда говорю:

- Я готова соткать один шип для каждого опекуна. Но только один.

Вейн мгновение колеблется, затем кивает.

Оз тоже, хотя он выглядит менее, чем удовлетворенным.

- Сколько времени это займет?

- Сколько опекунов идет?

- Девятнадцать, включая меня и Гаса. Двадцать, если считать Солану.

Числа чувствуются тяжелыми в моей голове.

Двадцать девять Живых Штормов... плюс, кто знает сколько, Буреносцев... против настолько малочисленной группы Бурь...

Оз, должно быть, читает беспокойство на моем лице, потому что он говорит мне:

- Ты могла научить нас своим командам.

- Я не могу.

- Правда? А что если Райден схватит вас? Ты об этом подумал?

спрашивает он Вейна. - Ты понимаешь, она может отдать ему силу четырех, понимаешь это?

- Мм, ты встречался с Одри? Если и есть кто-то достаточно упрямый, чтобы сопротивляться Райдену, так это - она. - Он немного ии печально улыбается мне, но это не то, что дает мне сделать вздох. Это абсолютная вера в его глаза. Даже мой отец не показывал такую веру в меня. - Но я никогда не позволю этому произойти, - добавляет Вейн, его голос становится жестче.

- Райден не получит ее.

- Если ты действительно хотел бы удостовериться в этом, - отрезает Оз, - то ты бы дал нам больше силы защитить вас двоих.

- Шип ветра был всем, в чем я нуждался, - напоминает ему Гас. - И если Одри будет делать их для нас, то она должна начать... прямо сейчас.

Пока у нас еще достаточно ветров.

Все мы поворачиваемся к окну. Небо - ясное, прекрасно синее, но деревья в роще в основном тихи. Утренние бризы, которые обычно колышат их листья, далеко ушли. Напуганные изменением в воздухе.

Вейн надевает ботинки.

- Ты побудешь без меня несколько минут?

Он говорит со мной, но отвечает ему Оз.

- Твоя ответственность здесь, Вейн.

- Фактически, я думал, что я в ответе за каждого невинного человека в этой долине.

- И ты думаешь, что помогаешь им, напрасно тратя время, предупреждая одного земного?

- Он - мой друг.

- Этого не достаточно.

- Для меня достаточно.

- Возможно, вы должны отпустить его, сэр, - прерывает Гас. - Вы знаете, что он собирается сделать это так или иначе.

Оз не соглашается... но его молчания достаточно. Вейн тянет меня для самого быстро из поцелуев... столь легкого, что я не уверена, соприкасаются ли наши губы... прежде, чем прошептать мне, держаться Гаса, и пробирается к окну. Я не могу сдержать улыбку, когда он выскакивает наружу, и я слышу, как колючие кустарники хрустят, сопровождаемый высоким вскриком.

- Настолько самодовольна в своем предательстве, - ворчит Оз, как только Вейн улетает. - Ты дала клятву... ты забыла?

Слова жалят больше, чем я хочу, и мне требуется секунда, чтобы найти правильный ответ.

- Я никогда не прекращала служить Бурям... но моя преданность идет моему королю. Поскольку я думала, что это, как предполагалось, было для всех нас, теперь, когда он ступил в свою роль.

- А он вступил? - смеется Оз без тени юмора. - Ты знаешь сколько опекунов мы потеряли с тех пор, как Вейн вступил в свою роль? Сорок одного.

Он пинает один из ботинок Вейна через комнату, и тот врезается достаточно сильно в стену, чтобы оставить черную потертость.

- Сорок один лояльный, преданный солдат, которые продолжали борьбу после того, как ты оставила свои обязанности. Все, в то время как у нас есть лидер, который использует окончательную силу, которую он отказывается делить ни с кем... кроме тебя. Лидер, который мы думали, по крайней мере, обучался в течение этого момента нашим самым преданным вундеркиндом. И все же Фенг сказал мне, что Вейн почти ничего не знал, когда он вступил на должность. Ты делала что-нибудь кроме его обольщения?

Мои глаза горят от позора, но я сопротивляюсь слезам. То, что говорит Оз, могло бы быть верным... но я должна считать, что Вейн разделил свое наследие со мной по причине, и что с помощью Западного мы сможем выиграть ближайшее сражение.

Голоса вне ломают неудобную тишину.

Оз вздыхает.

- Извини. Я должен идти, поднимать моральный дух моих солдат перед боем... не, что есть многое, что я могу сказать. Без силы четырех, все мы знаем, кто-то умрет сегодня. Мы просто не знаем кто, или сколько.

Он выходит из комнаты, сопровождаемый Соланой. Она не смотрит на меня, но я вижу ее суждение в прямой линии ее плеч и влиянии ее бедер.

Гас вздыхает.

- Ну, это не плохо прошло.

- Прости, что ты должен иметь дело со всем этим... и спасибо за то, что не поправил меня. - Он кивает, уставившись в пол, прежде чем подходит ближе и шепчет,

- У тебя был четвертый прорыв, верно?

Я изучаю его лицо, удостоверяясь, что я могу доверять ему.

- Да.

Он выпускает дыхание, которое задерживал.

- Тогда возможно у нас есть шанс. Вейн - ужасный борец.

- Я знаю. Я пробовала...

- Расслабься, я не подразумевал это против тебя. Мой папа не очень далеко...

и он - один из самых великих борцов в Бурях. Был, - исправляет он.

Вина поднимается во мне, горячая и острая.

- Мне так жаль.

- Пожалуйста, не извиняйся. Это не твоя вина. И странно, но я думаю, что это было тем, что он хотел. Он никогда не мог справиться с потерей моей мамы.

Теперь он не должен по ней больше скучать.

Единственная вещь, которую я могу сказать... то, что мы, как всегда предполагается, говорим в такой момент. Но на сей раз я вынуждаю себя считать, что это верно.

- Теперь они вместе на небе.

Гас кивает и отводит взгляд.

Я оставляю его в покое, направляясь к двери.

- Ты не обязан оставаться со мной, - говорю я ему, когда он следует за мной.

- Вейн убьет меня, если я позволю тебе исчезнуть с моих глаз. И, вероятно, лучше, если я побуду не рядом с Озом.

Я могу чувствовать, что все опекуны наблюдают за нами, когда мы пробиваемся к роще свиданий. Странно видеть, что столь многие из них собрались.

Во время моего обучения они всегда работали в небольших группах. В основном по пять или самое большее десять, чтобы удостовериться, мы никогда не откроем нас слишком многим жертвам. И как только меня назначили к Вейну, я была одна. Если убитая сорок одна Буря Райденом, даже если двадцать девять из тех были его недавним захватом, он, должно быть, снял большинство соседних баз. И если он победит сегодня, он сотрет большую часть нашего Тихоокеанского Флота. Мне жаль, что у нас не было времени, чтобы позвать другие флоты на помощь, но я уверена вот почему, Райден двигается быстро. Он не хочет, чтобы у нас был шанс перегруппироваться.

Мои ноги чувствуются тяжелыми, когда мы плетемся через знакомые разросшиеся деревья, но я запикиваю свое истощение подальше. Я не в первый раз сталкиваюсь с бессонными ночами.

Однако, мне жаль, что у меня не было времени, чтобы ускользнуть к горам за свежим воздухом, чтобы восстановиться. Вместо этого я направляюсь прямо в отбеливаемые солнцем стены моего приюта. Вен был прав о беспорядке и соединении жара с ошибками, роящимися везде, трудно предположить, что я фактически жила здесь. Я никогда действительно не думала об этом месте как о своем доме, но когда я пересекаю в небольшой угол тени под несколькими остающимися карнизами, я понимаю, что чтобы там ни было, эти крошащиеся стены знают историю моей жизни.

Я вынимаю свой ветрорез из отверстия, которое я вырезала в полу, и проверяю иглы, чтобы удостовериться, что они не согнуты и не запяты.

- Это, должно быть, было жестким назначением, - говорит Гас, отшвыривая несколько пальмовых листьев ногой. - Я не знаю, как ты сделала это. Я имею в виду, жить в этой части дерьма, имея необходимость скрываться, вынося Вейна... хотя ясно, что последнее не было так сложно для тебя.

- Фактически, наличие чувств к Вейну было самой сложной частью. Несмотря на то, что ты можешь подумать, я действительно пыталась бороться с ними.

- Эй, я не имел в виду...

- Все в порядке, Гас. Ты не должен притворяться, что не думаешь, что я предательски соединилась с ним.

- Хорошо, потому что я так не думаю.

Я почти прокалываю палец иглой.

- Не думаешь?

Он отбрасывает еще несколько листьев, когда он подходит, чтобы встать около меня.

- Нет. Этот беспорядок... я понимаю ребята. Но если это то, чего вы оба хотите, я не думаю, что Бури должны иметь право вмешаться. И я никогда не буду поддерживать их, если они попытаются разделить вас. - Я почти слишком ошеломлена, чтобы говорить. Но я выдавливаю слабое "Спасибо".

Один голос в нашу пользу, по крайней мере. Интересно сколько других... -

Как это работает? - спрашивает он спокойно. - Как разрывается связь?

- Астон не говорил. Он сказал мне, что наши инстинкты могут вести нас, если мы решим сделать это сами, и что это немного похоже на сдвиг формы. Но если кто-то делает это за вас, все, что он сказал, то, что это будет очень неприятно.

Гас вздрагивает.

- Походе на преуменьшение.

- Да, так и есть.

Отверстия в коже Астона проносятся в голове. Вейн - часть меня теперь, я не могу предположить, что он будет немного травмирован, если бы кто-то разорвал его. Но я отпихиваю свои заботы к тому же самому месту, куда я закинула свою усталость. мне нужно сделать много шипов ветра. Я строю их новым путем, использованным Вейном - по одному каждого ветра, объединенных вместе. Они становятся гладкими и темно-синими и более смертельными, чем я даже помню, и с каждым новым шипом, я шепчу тихую просьбу, что я делаю правильный выбор, деля их с Бурями.

- Это твоя птица? - спрашивает Гас, указывая на вершину самой высокой пальмы. - Поскольку это многое бы объяснило. Долбаная птица визжит каждое утро на восходе солнца и единственная причина, по которой я не взорвал его,

потому что Вейн не дал мне этого сделать. - Я печально улыбаюсь. - Гэвин привык, что я прихожу домой в это время. - Требуется несколько глубоких вздохов, чтобы достать храбрость, чтобы наконец посмотреть туда, куда указывает Гас.

Я, возможно, взяла бы Гэвина с собой, когда ушла, возможно, позволила бы ему лететь около меня на моем пути так, как он делал каждый день, так как он стал моим. Но после всего того, как моя мать лгала и обманывала меня через него, из-за все неуместной вины и ошибок, даже при том, что это не была вина Гэвина, я не могла взять его с собой.

Даже сейчас, когда я смотрю в его сердитые красно-оранжевые глаза, часть меня хочет отвести взгляд. Но тогда я была бы так же плоха как она, поворачиваясь спиной к кому-то, кто нуждается во мне, просто потому что это причиняет боль.

Потом я протягиваю руку и зову Гэвина к себе.

Секунду он игнорирует меня. Потом он расправляет свои сильные серые крылья и пикирует вниз, приземляясь на мое запястье с оглушительным воплем. Его когти впиваются как раз, чтобы сообщить мне, что он не простил мне, но недостаточно, чтобы поранить. Счастливое перемирие, которое я готова принять, когда я тянусь и глажу шелковистые перья вдоль его шеи.

- Грядет шторм, - говорю я ему, начиная понимать почему

Вейн должен был предупредить своего друга. - Ты должен спрятаться где-нибудь в безопасном месте. Лети так далеко на юг, как можешь и не возвращаться до ясных небес. - Гэвин снова визжит, и его крылья не двигаются. Но когда я

повторяю команду с просьбой, он мягко клюет мой палец и взлетает, летя на юг, как я просила.

- Трудно поверить, что мы действительно собираемся пройти через это, не так ли? - спрашивает Гас, когда он берет шип ветра, проверяя его вес в руках.

Он отстраняется, садится на корточки в спарринг-позицию, прежде чем он начинает практиковать один из приемов Бурь. Он безупречно двигается. Никакой потраченной впустую энергии. Каждый сильный выпад, точный и прекрасный. Я видела Бури, которые учились десятилетиями, они бились с меньшим количеством непринужденности. И Вейн доверяет ему.

И он сохранил нашу тайну... даже без моей просьбы.

- Ну, - я говорю Западному, и шип ветра улетает из руки Гаса ко мне.

Он впивается взглядом в меня, когда я ловлю шип.

- Нет необходимости заострять на этом внимание. - Я смотрю ему в глаза и повторяю слово снова, медленнее на сей раз.

Говорить по слогам легче для понимания.

Его глаза расширяются.

- Ты... пытаешься научить меня?

Я киваю, радуясь, что она меня не накатывает волна тошноты.

- Это будет работать даже, если у меня не было прорыва?

- Это сделал Вейн, когда был ребенком. Он использовал команду, которую он услышал, которую говорили его родители, даже при том, что он не знал, что это означало. Так он спас мою жизнь.

- Ничего себе, у вас, ребята, тонна историй, а?

- Да.

Я повторяю слово снова, меняя интонацию. Гас повторяет его, сонно шипя во второй части. Но после четырех попыток шип приходит в его руку.

- Это настолько чертовски удивительно.

Он бросает шип к пальме и шипит команду, хватая его, когда шип возвращается как бумеранг.

- Таким образом, я не узнаю, что я говорю? - он спрашивает, когда ловит шип одной рукой.

- Для тебя безопаснее не знать.

Прорывы - сложная вещь. Большую часть времени они получаются при чрезвычайных мерах. Но это всегда сводится к изучению одного слова и наличию всей хватки частей вместе. Иногда достаточно просто услышать.

Гас возвращается к выпадам с его шипом. Он перемещается настолько быстро, что оружие, в свою очередь, мелькает, когда он хлещет острым краем под странным углом, который разрезает воздух.

- Думаю, что это была бы довольно большая ответственность, - бормочет он.

- Ты просто взлетела в верхнюю часть списка разыскиваемых Райденом.

- Вторая из списка, - исправляю я, пытаюсь скопировать его движение и не приближаться. - Вейн все еще единственный настоящий Западный.

- Больше причин, почему ты будешь наверху. Кого Райден будет хотеть больше - парня, родственники которого сопротивлялись его методам допроса в течение многих десятилетий, или первому не Западному, у которого был четвертый прорыв?

Я хлещу снова, и все еще не могу скопировать умение Гаса.

- Обоих.

- Возможно. - Он подходит позади меня, хватая мою руку и ведет меня в движении. На полпути посредством толчка, он двигает пальцы к моему запястью, показывая мне, как я должна крутить шип в заключительной части моего сильного удара. Это тот же самый способ, которым все мои тренеры работали со мной, когда я изучала метод лезвия, но это чувствуется странно неловко на сей раз. Вероятно, потому что у Гаса все еще нет рубашки, и я застряла в этом смешном платье.

Гас, должно быть, чувствует то же самое, потому что он откашливается и отстраняется, поднимая шип, чтобы бросить вызов мне к спаррингу вместо этого.

- Все, что я говорю, быть готовым. Если я был Райденом... и я знал, что был шанс, что я мог бы схватить только одного... я знаю, кого бы я сделал своим приоритетом.

Я вырачиваю свой шип, чтобы принять его вызов.

- Если это так, это хорошая вещь. Из двух из нас я более готова победить Райдена, чем Вейн.

- Ну, это определенно верно.

Однако, Гасу удастся выбить мой шип из руки только за три толчка... и когда я бросаю вызов ему для реванша, я только держусь пять минут до того, как он сбивает меня на землю и посылает мой шип из руки.

- Мой дар позволяет мне вынимать силу из ветра, - объясняет Гас, и я уверена, что это часть моей проблемы.

Но большая проблема в том, что каждый раз, когда я иду для смертельного, сильного удара, порыв головокружения ослабляет мою руку.

Гас помогает мне встать на ноги, и я могу почувствовать, что он изучает меня, когда я счищаю с себя песок.

- Тот вопрос, который ты задала ранее, - говорит он после секунды, - об отвращении Западных к насилию. Ты тоже...? - Я не могу смотреть на него, когда киваю. - Мне не так плохо как Вейну, но... - Гас вздыхает, и я хочу заползти в дыру и исчезнуть. Он сжимает мое плечо, ожидая, чтобы я подняла глаза. - Я буду прикрывать тебе спину все время.

Я улыбаюсь, пытаюсь быть благодарной.

Но когда я смотрю на небо, все, что я могу услышать, слова Оза. Кто-то сегодня умрет.

Впервые, я верю ему.

Глава 35

Вейн

Полет на улицу к Айзеку занимает меньше чем пять минут, и когда я приземляюсь рядом с его потрепанным грузовиком, я все еще понятия не имею, что я собираюсь сказать. Я просто знаю, что не уйду до тех пор, пока он не соберется убраться к черту из города.

Его соседи все еще спят, их жалюзи плотно закрыты, и когда я посмотрю на ряд почти идентичных зданий, я чувствую, что проглотил что-то горькое.

Десятки семей находятся в там, точно так же, как Айзек, все крепко спят и не имеют ни малейшего представления, что они находятся в какой-то опасности.

То же самое со следующей улицей.

И с еще одной.

И со всей долбанной пустыней.

Но у меня нет времени, чтобы предупредить их всех... и даже если бы я сделал это, то только создал бы крупную панику.

Я не позволю Штормам пройти в долину, я обещаю себе, когда крадусь к воротам на заднем дворе Айзека. Его занавески закрыты, и когда я проверяю окно его спальни, оно заперто. Что заставляет меня стучать ему в окно и звать его по имени, надеясь, что я не разбужу всю его семью.

Требуется, по крайней мере, три минуты стуков, прежде чем он отодвигает занавески.

- Ба... надень какую-нибудь одежду! - кричу я, когда он открывает окно, одетый только в суперобтягивающие трусы.

- Чувак, Вейн, я не знаю, что ты задумал...

- Перестань, ты знаешь меня лучше...

- Нет, я знал тебя раньше, - перебивает он, проводя рукой по волосам... или по тому немногому, что осталось. Он подстригся, с тех пор когда я видел его в последний раз. И наконец избавился от своих жиденьких усов.

Теперь, если только он наденет какие-нибудь штаны.

- Послушай, - говорю я ему. - Я знаю, все было странно в последнее время, - поверьте мне, так было и для меня. Это просто... мир не такой, как ты думаешь, ладно? Существует всякая другая хрень, которая происходит в фоновом режиме, и ты не знаете о довольно многих из этих хреней. Огромные жизнь-или-смерть. Я не знаю, как еще это объяснить, но прошу тебя поверить мне, когда я говорю, что нужно, чтобы твой семья уехала отсюда.

Айзек фыркает и начинает закрывать окно. Я тянусь и блокирую его.

Он нажимает сильнее, но это не имеет никакого значения. Три недели ночных тренировок и я теперь сильнее его.

- Я серьезно, Айзек. Смотри. - Я одной рукой поднимаю рубашку, показывая ему жуткий ушиб на боку. - Это похоже на шутку? Я представил себе это?

Он вздрагивает и прекращает пытаться не впускать меня.

- Что произошло... кто-то избил тебя?

- Это больше, чем ты думаешь. Вот почему ты должен убраться отсюда.

- Нет, для этого есть полицейские.

Я почти хочу рассмеяться над мыслью нескольких полицейских в форме, направляющих оружие на Райдена и говорящих ему застыть.

- Копы с этим не справятся, мужик. - Я вздыхаю, пробуя, как заставить его понять. - Я говорю о вещах, которые ты видел только в фильмах и комиксах.

Как Тор или...

- В самом деле? Ты мне даешь богов грома?

Дерьмо, нет никакого способа объяснить это, не рассказывая ему все.

И нет никакого способа рассказать ему так, чтобы он на самом деле мне поверил.

Хотя...

- Ты хочешь правды? Отлично...

Я уже выиграл приз за Самое Большое Нарушение Правил, итак, почему бы не разрушить кодекс Бурь еще раз?

Я зову самый близкий ветер к себе, запутывая холодный Северный вокруг талии Айзека. Прежде чем он сможет моргнуть, я говорю проекту подняться, и он дергает Айзека в воздух, отрывая на несколько шагов от пола в спальне. Когда он мечется и кричит слова на испанском, которые я не могу понять, но я вполне уверен, что я знаю то, что он имеет в виду, я опускаю его и скручиваю ветер в маленькую пыльную бурю. Я говорю ему засосать пару штанов с пола и верчу их у носа Айзека.

- Серьезно, чувак, прикрой свое барахло.

Айзеку только удается поймать его джинсы. Он слишком занят, переводя взгляд то на торнадо, то на меня.

- Что... как... ты просто...

- Я - сильфида, - говорю я, прерывая его. - Не волнуйся, я тоже никогда об этом не слышал. Я предполагаю, что это означает, что я могу управлять ветром.

Айзек смеется. На вид истерично, как если бы он выступал на публике, родители стали бы уводить детей.

- Как ты управляешь долбаным ветром?

- Действительно трудно объяснить, но это имеет отношение к словам. - Я шепчу команду, чтобы отпустить Северный, и он несется вокруг комнаты Айзека, сметая все бумаги на столе, прежде чем пронесется из окна и мчится обратно в небо.

Айзек посмотрит на меня в течение секунды. Потом отступает.

- Чувак, ты не должен меня бояться. Я - все еще тот самый парень, которого ты знаешь.

- Мм, Вейн, парень, которого я знаю, мог едва управлять своим задом, и намного меньше ветром. И он не стучал в мое окно, на заре покрытый таинственными ушибами, говорящий мне бежать из города.

- Хорошо, ну, возможно несколько вещей изменились.

Я смотрю на его спальню, которая осталась в значительной степени такой же, когда я встретил Айзека, когда мне было восемь лет. Футбольное барахло и видеоигры отпихнуты в сторону, чтобы создать место для фоток его подруги Шелби, и все бумаги на его столе похожи на приложения колледжа. Но он все еще тот же самый парень, который старался изо всех сил говорить со странным новым ребенком в школе.

Если он знал, кем я был очень давно, я сомневаюсь, что он бы волновался. И возможно это было бы лучше, потому что теперь он находится в дерьмовой опасности.

- Так, как, как ты узнавал все это?- спрашивает Айзек спокойно. - Ты просто проснулся в один день и начинал говорить с ветром?

- Нет. Одри пришлось показать мне.

- Это та горячая птичка, которая разрушила твое свидание с Ханной?

- Да. - Я усмехаюсь, вспоминая, как она ворвалась на Фабрику Чизкейков и сказала Ханне, что она - моя девушка. Один из самых неловких, и удивительных моментов за свою мою жизнь.

- И вы... вместе?

Я киваю, решая не объяснять всю эту штуку со связью. Я уверен, что у Айзека на сегодня было достаточно странного.

- Ми-и-ило, - говорит он мне, хотя хмурится. - Так она - тоже сильфида?

- Да. Фактически нас много. Ну, не так много по сравнению с, ну, людьми, но...

- Подожди. Ты не человек?

Я киваю, и он делает еще один шаг дальше.

- Перестань, не быть таким удивленным. Я сказал тебе, я - сильфида.

- Я знаю, но я думал, что это было названием или чем-то вроде того. Как Соколиный Глаз или Бэтмэн или...

- Я не супергерой.

- Думаю нет. Что хорошо. Если ты начнешь носить спандекс, я попытаюсь избавиться от тебя.

- И это говорит мне парень смешных боксерах.

Он мельком смотрит вниз и краснеет прежде наконец надевает штаны.

- Слава Богу.

- Заткнись... ты просто завидуешь моей сексуальности.

Я испытываю желание швырнуть его через комнату другим проектом. Но я уже потратил впустую слишком много времени.

- Ты должен услышать меня, Айзек. Ты должен уехать из города.

- Почему? Что из всего этого имеет отношение ко мне? Я даже не говорил с тобой в течение многих недель.

- Я знаю... я пытался не допустить тебя в это. Но я больше не могу. Это действительно длинная история, но есть этот супер страшный парень, который идет сюда, чтобы поймать меня, и он был бы рад достать моего лучшего друга, также.

- Ты мне говоришь, что у тебя есть заклятый враг?

- Думаю, это можно назвать и так.... кроме того, Айзек, я серьезно. Надеюсь, ты понимаешь. Райден подверг пыткам и убил сотни людей. Может быть тысячи. И он очень зол на меня прямо сейчас. - Я поднимаю рубашку и снова показываю мой синяк. - Он сделал это прямо перед тем, как я ушел. Никто не уйдет от него. Таким образом, он не просто хочет поймать меня снова, он хочет уничтожить всю эту долбаную долину.

Айзек протирает свои виски, когда он обрабатывает это.

- Подожди... всю долину? Как ты собираешься предупредить всех?

- Я не могу... недостаточно времени. И ты действительно думаешь, что они поверили бы мне?

- Но... здесь много людей.

- Я знаю.

Он начинает бормотать на испанском языке снова, когда поворачивается и расхаживает по комнате.

- Таким образом, что ты собираешься делать? - спрашивает он через несколько секунд.

- Сражаться.

- Э-э, не обижайся, дружище, но мой младший брат жестче, чем вы.

- Эй... я тренировался несколько недель. И я не буду сражаться в одиночку.

Моя армия...

- У тебя есть армия?

- Я говорил тебе, это действительно-действительно-действительно-действительно долгая история. И когда-нибудь я обещаю рассказать тебе то, что ты захочешь знать. Но прямо сейчас у меня нет времени. Я, как даже предполагается, не здесь, но я не мог позволить всему случиться, не предупредив тебя. Так, пожалуйста. Хватай свою семью, забирай Шелби и двигайся на юг, прежде чем будет слишком поздно, хорошо?

- Я не знаю, дружище, - бормочет он. - Я не знаю, что с этим делать.

- Я понимаю это. Но сможешь ли ты жить с самим собой, если что-то случится с теми, кого ты любишь?

Это, кажется, отрезвляет его, по крайней мере настолько, что спрашивает:

- Что, черт возьми, я, как предполагается, скажу им? Они не поверят этому дерьму про сильфид.

- Я не знаю... но я также знаю, что ты удивительный в том, чтобы заставлять людей делать вещи, которые они не хотят делать. Как еще ты вытянул меня на такое количество свиданий вслепую?

Он улыбается на воспоминание, и я чувствую, что тоже улыбаюсь.

- Так просто... сделай ту же самую магию. И не трать впустую время. Пока... - Я смотрю на небо и чувствую, что сердце замирает.

Несколько минут назад оно было ясное, яркое синее. Но западный горизонт теперь темный и серый. И сейчас, когда я обращаю внимание, я замечаю, что в воздухе холод. Слишком холодно для пустыни в августе.

- Это шторм? - спрашивает Айзек, указывая на облака, собирающиеся выше гор.

- Да, - бормочу я, едва в состоянии заставить мой рот сформировать слово.

Моя голова слишком занята, пытаюсь выяснить, достаточно ли у Айзека времени, чтобы выехать из города, и есть ли у меня достаточно времени, чтобы вернуться к Одри, и есть ли у Бурь достаточно времени, чтобы показать план, который они разработали.

Я, конечно, надеюсь, потому что что-либо делать уже поздно.

Райден уже здесь.

Глава 36

Одри

Ужасное шипение отзывается эхом через долину, идет с гор до запада, где собирается огромный шторм. Толстые серые облака циркулируют вместе как ураган, и

когда другое шипение разрушает тишину, воздух становится ноюще холодным. Я дрожу в своем тонком платье и тянусь к любому ближайшему Западному. Все, что я чувствую, один, несущийся через дюны на расстоянии в несколько миль.

- Ты не можешь уйти, - говорит мне Гас, когда я зову Западный к себе. - Я должна найти Вейна.

- Нет, ты должна остаться здесь. - Он хватается меня за руку, когда я не слушаю.

- Райден здесь и из-за тебя.

Он прав.

Я знаю, что он прав.

Но Вейн - один и беззащиты, и Райден так близко, и он нападает не с востока, как мы думали...

- Думаешь, Вейн не видит это? - спрашивает Гас, указывая на стену штормов, украшающие гребнем вершины гор. - Я уверен, что он также волнуется из-за тебя, и если он на прилетел к настоящему времени, то он может прийти в любую секунду.

Но Райден уже мог быть в пути. И если он поймает Вейна одного...

- Эй, глубокий вздох, - говорит Гас, трясая меня за руку, пока я не смотрю на него. - Если он не будет здесь через несколько минут, то я отправлюсь за ним... но ты должна остаться здесь. Теперь я - его опекун, помнишь? Слова чувствуются подобно грому... или возможно это мое колотящееся сердце.

Я больше не опекун Вейна.

Я не могу быть.

Но постановка меня перед Вейном заставляет меня почувствовать себя предательницей, какой Оз обвинил меня...

Ветер, которой я позвала, принесся в рощу, задевая мои щеки и шепча песню о доверии и надежде. Слезы колют мне глаза, когда я понимаю, что это мой лояльный Западный щит, и когда он окутывает меня без моей команды, я чувствую, что мое сердцебиение стабилизируется.

Западные приняли меня в свою семью.

Я должна начать принимать себя.

- Ты должен охранять его, - прошу я Гаса.

- Я должен охранять вас обоих. Таким образом пошли, давай вернемся ко Озу и узнаем, как он изменит свою стратегию. Я не могу поверить, что Райдена идет с запада.

Я тоже не могу, и я не могу решить, делает ли он это для какой-то большой поэтической иронии, или это часть какой-то уловки, которую мы должны все же раскрыть. Зная Райдена, это, вероятно, оба варианта. Единственной вещью, на которую мы можем положиться с ним - жестокость.

Я помогаю Гасу собрать шипы ветра, и мы мчимся через тощие пальмы, чтобы найти остальную часть Бурь на газоне. Они стоят в широком кругу вокруг Оза и Соланы, и трудно не паниковать, когда я осматриваюсь и понимаю, что это очень маленькая группа - все, что у нас есть. Особенно, когда я вижу, насколько тонкие и бледные они. Серые полосы вплетены в волосы, а лица в морщинах.

Райден украл определенно наших сильных воинов.

- Вейн не вернулся? - спрашивает Оз, когда он видит нас. Его голос устрашающе спокоен, хотя губы сжаты в жесткую линию.

- Я уверен, что он на пути, - говорит ему Гас. - Тем временем мы принесли вам их.

Он проталкивается в круг и вручает Озу первый шип ветра.

Оз держит острый край к исчезающему солнечному свету и сильно ударяет несколько раз, прежде чем поворачивается ко мне.

- Какие-то специальные инструкции?

- Не потеряйте.

Он вздыхает.

- Какие-то полезные инструкции?

- Это единственная инструкция, которая имеет значение. Эти шипы не взорвутся как те, к которым вы привыкли. Это то, что делает их настолько сильными... но это также означает, что вы не можете использовать их таким

же образом. Если вы бросаете их или теряете вашу силу, оружие может попасть в руки врага.

Бури начинают ворчать на эту новость.

Я могу разобрать только кусочки того, что они говорят, но я слышу слово "бессмысленно" несколько раз... и Оз ничего не делает, чтобы успокоить их.

- Вы смеете относиться непочтительно к этому подарку? - наконец кричит Гас, осуждая их всех, наступает тишина. - Вы держите силу четырех в своих руках, силу, которой даже Райден не обладает, и вы ворчите и жалуетесь, потому что вы должны защищать ее?

- Нам не нужны еще больше вещей, чтобы защищать, - кричит в отчет низенький, хилый опекун, бросая свой шип на землю.

Другие в группе отступают, когда Гас шагает вперед, наклоняясь к лицу непослушного опекуна.

- Оружие, которое вы только что отвергли, было единственной вещью, которая позволила мне победить Живой Шторм, против которого я боролся. Без него вы могли бы также сдаться небу.

Непослушная Буря впивается взглядом в Гаса, и в течение секунды интересно, собирается ли он повернуться и уйти. Вместо этого он наклоняется и поднимает свой шип с земли, запихивая его за пояс униформы, прямо рядом с ветрорезом.

- Это умное место, чтобы сохранить его, - говорит Гас, поворачиваясь к другим. - Фактически, лучший способ использовать эти шипы состоит в том, чтобы думать о них как о ветрорезах.

- Вы ожидаете, что мы будем участвовать в рукопашном бою с этими животными Штормами? - спрашивает старый, высокий из Бурь с заплетенной бородой.

- Почему нет? Я бился в рукопашную. И я победил. - Голос Гаса не высокомерен. Только спокоен. - Я понимаю, что вещи чувствуют себя холодными... и мне жаль, что я не могу обещать, что никакие жизни не будут потеряны сегодня... но это не отличается от любого другого сражения, с которым мы сталкивались. И это наш шанс. Райден идет к нам, отчаянный, чтобы доказать, что он - неукротимый король, который как он утверждает, он является. Но он не неукротимый. Я видел его кровь. Я нанес ему рану. И оружие, которое сделало разрез было одним из этих шипов.

Он поднимает свой шип и на сей раз раздается ура.

Нерешительное и мимолетное, но тем не менее, ура.

- Опекун Гасти прав, - говорит Оз, когда просто понимает, что Гас делает его работу. - Поток поворачивается, мои друзья. Если мы выстоим сильными против него, мы сможем отметить этот день в наших историях как день, когда эта война закачалась в нашу пользу. Возможно, даже день, когда навсегда закончим господство Райдена!

Более громкое ура звучит на сей раз, смешанное с аплодисментами.

Гас пятится ко мне, в то время как Оз продолжает готовить своих солдат.

- Ты действительно думаешь, что Райден приедет сюда? - спрашиваю я, сдерживая мой голос тихим так, чтобы услышал только Гас.

Райден может жаждать власти и престижа, но он обычно избегает действий. И я видела страх в его глазах, когда шип ветра Гаса порезал его руку. Я не вижу, что он рискнет дальнейшей раной в сражении со многими переменными.

- Я не думаю, что он будет в состоянии избежать сражения, - шепчет Гас в ответ. - Хотя я не был бы удивлен, что он скроется в горах. И могу поспорить, что я поднимусь туда, чтобы найти его.

Его хватка напрягается на шипе ветра, и у меня есть чувство, если Гас получит другой шанс, то он не упустит его.

Если бы только это могло быть настолько легко.

Оз переключается на обсуждение стратегии, и я пытаюсь не ежиться.

Кажется, что он рассказывает прямо из руководства начальной подготовки. Разделяй и властвуй. Чистые, прямые нападения. Никто не работает один.

- Это не время для основ.

Я не понимаю, что говорю это вслух, пока все не поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

- А для чего же, госпожа Восточная? - спрашивает Оз.

Я замечаю, что он не называет меня Опекун Одри. Хотя бы, по крайней мере, он не называет меня Ваше Высочество.

Я откашливаюсь, надеясь, что мои щеки не столь красные как мое смешное платье, когда я говорю:

- Прошу прощения... я не хотела прерывать. Но я видела борьбу Райдена, и ничто в его методе не является основным.

- Ах, я вижу, - говорит Оз и обходит круг, когда подходит ближе ко мне. - Поэтому, возможно, ты думаешь, что ты должна быть капитаном?

- Я не говорила этого.

- И все же, ты думаешь, что это совершенно приемлемо перебить меня перед моими опекунами.

- Я не имела этого в виду...

- Я согласен с Одри, - прерывает Гас, беря огонь на себя от Оза... и благодарную улыбку от меня. - План, который вы объяснили мне ранее, был более сильным планом. Просто, потому что прибытие Райдена из другого направления не означает, что мы должны оставить тот план.

- Еще один человек, думающий, он - эксперт по стратегии сражения. Скажи мне, Опекун Гасты... сколько боев вы фактически вели?

- Три, - отвечает Гас без намека на панику. - И один из них был против Живого Шторма.

- Да. Один Живой Шторм, Гас. Который полностью отличается от сражения с армией их... особенно, если бы ты знал и понимал что-нибудь о тактике сражения. Но Фенг был блестящим стратегом в вашей семье, и от всего, что я видел, ты берешь больше от своей матери. Сильный борец и лояльная Буря, но слишком импульсивный и опрометчивый... и все мы знаем, к чему это привело.

- Равенна погибла, не потому что она была беззаботной, - кричит Солана, удивляя всех своей яростью. Она обхватывает себя руками, глядя на Гаса, когда она шепчет, - Она умерла, потому что я подвела ее.

- Что ты имеешь в виду? - спрашивает Гас, но Солана качает головой и отводит взгляд.

Оз кладет руку ей на плечо.

- Равенна была твоим опекуном, Солана. Ее работа состояла в том, чтобы защищать тебя... и факт, что она ушла, любая часть ее стратегии до ее обвинения только подтверждает мою точку зрения о ее безрассудстве. Руки Гаса сжимаются в кулаки, и я могу почувствовать, как мои делают тоже самое. Доверять опекаемому является самым трудным решением, которое может сделать опекун. Никто никогда не сделал бы его опрометчиво.

- Моя мать не была...

- Сейчас не время обсуждать прошлое, - прерывает Оз, указывая на ближайший шторм, который разрастается вторым. В любой момент он закроет солнце.

А Вейн все еще не вернулся.

- Я упростил нашу стратегию по причине, - говорит Оз, - Давайте не забывать, что никто здесь не знает Райдена лучше, чем я. И я знаю, что его самая большая слабость - тщеславие. Он идет сюда, чтобы доказать его бесполезным фаворитам, что он не меньше лидер из-за вчерашнего инцидента. Его внимание будет направлено на создании зрелища, и в этом - его безумие. Чем более эффектное и сложное нападение, тем больше он игнорирует основные принципы сражения. Мы можем уже видеть его тщеславие в том факте, что он идет с запада... трата энергии и сил на ненужное путешествие только для создания сцены. Таким образом, лучший способ использовать в своих интересах такие взгляды состоит в том, чтобы ответить самыми принципами, которые он будет игнорировать. Если мы пойдем прямо на него и систематически будет заниматься каждым врагом, то мы вытрем половину его силы, прежде чем он даже заметит, что мы делаем. Я очень не хочу признать, что его рассуждение имеет смысл. Хотя Оз забывает кое-что ключевое.

- Не забывайте, что Райден может наблюдать. Он держался в Долине Смерти, ожидая, чтобы посмотреть на то, что мы сделаем и изменим его команды соответственно.

- И это работало так хорошо на него, не так ли?" отрезает Оз. - Все трое ушли и оскорбили его в процессе. Если я знаю Райдена, а я верю, что знаю, - он указывает на свой шрам, — он придет к нам в полную силу на сей раз, поражая нас всем, что он имеет, столько всего, сколько он сможет с самого начала. Он будет надеяться на быструю, решающую победу. Что является, почему я спроектировал нашу стратегию таким путем. Мы должны сохранить нашу энергию чем-то простым, что мы знаем поддержит большинство из нас так, что мы сможем протянуть достаточно долго, чтобы реализовать вторую часть нашего плана. Часть, где мы используем наше секретное оружие.

Он тянет Солану ближе, и я не могу сказать, кто более удивлен, она или я. Ее кожа становится бледнее, чем ее платье.

- Райден будет здесь, - объясняет Оз. - И его основная стратегия состоит в том, чтобы лишить нас одной вещи, мы должны сопротивляться. Он разрушает ветер, чтобы оставить нас беззащитными, и мы собираемся позволить ему считать, что так и есть. Мы будем использовать наши шипы, чтобы получить столько силы, сколько сможем, но в подходящий момент, я собираюсь сдаться. Позволить ему испытать чувство победы, таким образом, он будет злорадствовать. И именно тогда Солана выпустит ветры, которые она хранит... и даст нам весь арсенал, который мы сможем использовать, чтобы поразить Райдена всем, что у нас есть.

Остальная часть Бурь бормочет, соглашаясь... и я вынуждена признать, что это более умный план, чем я первоначально думала. Но меня волнует, что он полностью пренебрегает Западными. Если у него и есть предложения для нас с Вейном, то он не объясняет их. Или возможно он просто ждет, чтобы мы... Громкое, жалобное завывание проходит через долину, сопровождаемое другими и другими.

Каждый крик становится громче и отчаяннее, пока мои глаза не слезятся, и я сжимаю зубы так сильно, что мои зубы начинают болеть.

- Что это? - кричит Гас, прикрывая уши.

Я делаю то же самое, но это только приглушает следующее завывание, и я чувствую дрожашую рябь через свой Западный щит, когда оно сжимает свою хватку вокруг меня.

- Это звук, который издает ветер, когда его разрушают, - говорю я Гасу. - Заключительный крик, когда большие части проекта разрушаются.

- Он всегда такой громкий? - спрашивает он, и я трясусь головой.

Это должны быть большие ветры, так или иначе, или возможно комбинация проекта, как циклон или...

Я делаю вдох, когда хватаю Гаса за руку.

- Думаю, что он ломает Живые Штормы.

Гас распахивает глаза.

- Он может сделать это?

- Понятия не имею.

Но другое неземное завывание прокатывается по долине, и я знаю, что я права. Но я не знаю, почему.

Почему он разрушает свои собственные создания?

Какую силу он получает из их боли?

Я поворачиваюсь ко Озу, наблюдая за ним, когда он изо всех сил пытается удержать опекунов спокойными.

Его отчаянное выражение лица говорит мне, что он тоже узнает этот звук... хотя есть что-то помимо боли в его глазах. Что-то, что делает меня намного холоднее, чем ледяной воздух, бросающийся вокруг нас.

Голод.

Оз борется с ним... все его тело дрожит от усилия. Но тяга все еще там.

Кипение под поверхностью.

Я тяну Гаса достаточно близко, чтобы прошептать ему в ухо... хотя больше кричу со всем шумом и хаосом.

- Следи за Озом. Этот звук похож для него на наркотик.

Гас следует за моим пристальным взглядом и кивает. Он прижимает губы к моему уху, чтобы прокричать в ответ:

- Мы должны найти Вейна.

- Нет не должны, - говорит Вейн позади меня, и когда я оборачиваюсь, он почти волшебным образом появляется.

В течение приблизительно пол секунды я расслабляюсь. Но потом я замечаю, насколько он бледен.

- Что случилось? - спрашиваем мы с Гасом одновременно.

Он дрожит так сильно, я должна крепко его держать.

Вейн отделяется, шагая к кругу нервных Бурь, пока он не находит Оза в центре.

- Я позвал Западный с гор, - говорит он, его голос пустой. Слабый. - Я хотел услышать их песни, увидеть, могли ли они сказать мне, чему мы противостояем.

- И? - спрашивает Оз, когда Вейн не заканчивает свою мысль.

Вейн отворачивается, смотрит на потемневшее небо.

- Они сказали, что Штормы слишком сильны на сей раз. Нет ничего, что мы можем сделать, чтобы остановить их.

Глава 37

Вейн

Невинные люди погибнут из-за меня.

Если бы я переехал на какую-то базу где-то в глухомани, может быть, я мог бы даже спасти их всех. Но я хотел побыть с семьей. Я хотел жить так, чтобы моя жизнь не изменилась, просто потому, что я узнал, я был сильфидой.

И теперь все в этой долине собираются заплатить за это.

Пустыня становится тусклой, когда облака наконец закрывают солнце, делая все столь темным и холодным и мрачным, как я чувствую.

Райден собирается победить.

- Западный сказал что-нибудь еще? - спрашивает Одри, трясая меня за руку и вынуждая меня сосредоточиться.

- Они пели о монстрах и гневе, который испортил небо. Я просил их сказать мне, что сделать, и именно тогда их песня стала безнадежной. Это было похоже на тот момент в Долине Смерти, когда я попросил, чтобы щит закрыл нас, когда мы бежали. Я мог чувствовать, как проекты хотели помочь. Но они просто продолжали повторяться "слишком сильный" и шептать о гигантах, которые не могут быть побеждены. Нет ничего, что они могут сделать.

- Но это не только о Западных, - говорит Гас после секундного молчания. - Я думал, что окончательная сила шла от силы четырех.

Он протягивает, его шип ветра, как будто тот. так или иначе, доказывает все. Но он не понимает, как это работает.

- Каждый раз, когда я использовал силу четырех, это всегда было, потому что Западные говорили мне, что делать, как соткать их с другими проектами,

чтобы создать эффект, который мне нужен. И на сей раз они говорят мне, что не могут помочь.

- Что же нам делать? - спрашивает Гас, обращаясь к Озу.

- Я могу сдаться, - предлагаю я, но как раз когда я говорю это, я знаю, что это не имело бы значения. Райден не хочет тихой сдачи. Он хочет сделать нас примером.

- Я скажу тебе, чтобы делать, - отрезает Оз. - Ты собираешься вспомнить свое обучение и подготовиться бороться за свою жизнь. Мы позаботимся о Штормах.

- Но...

- Ты честно думал, что мы рассчитываем на тебя, чтобы спасти нас?

Возможно, это было нашей надеждой несколько недель назад. Но тогда мы видели, насколько серьезно неадекватна твоя борьба... не упоминая о твоём отвращении к вреду и насилию. Почему ты думаешь, что мы все так боролись, чтобы сделать, чтобы ты поделился своими знаниями? Мы знали, что это было бесполезно в твоих руках с низкой квалификации. Таким образом, я построил сегодняшнюю стратегию без каких-либо соображений о твоём даре.

- Это так? - спрашиваю я, глядя между Гасом и Одри.

Одри думает, прежде чем кивает.

- Его план сражения не полагается на Западные. Фактически, это удивило меня. Но похоже, это было правильным решением.

- Конечно, это было правильное решение! Ты забываешь, что я боролся с Райденом дольше, чем ты живешь. Все мы. - Оз указывает на группу Бурь, у большинства из которой есть седые пряди.

И они не смотрят на меня с этим отчаянным, ты - наша единственная надежда, я стал настолько привычным к наблюдению. Но они выглядят... невпечатленными.

Я знаю, что должен, вероятно, быть оскорблен, но фактически похоже: гигантский, удушающий вес на моих плечах... ушел!

- Поймите меня правильно, я по-прежнему возлагаю большие надежды на силу четырех, - добавляет Оз, когда следующий ужасный вой исчезает. - И я все еще надеюсь, что ты вырастешь, чтобы стать великим королем, несмотря на все. - Он смотрит на Одри и качает головой. - Но пока я не поставлю судьбу мира в руки упрямому подростку.

Я так рад, что мог бы поцеловать его.

Ну... возможно я бы ударил кулаком его вместо этого.

- Таким образом, какой у нас тогда план? - спрашиваю я, беря шип ветра и чувствуя себя готовым к чему угодно.

Оз ворчит о моем отсутствии при первом прогоне, прежде чем он повторяет их стратегию. Это похоже на умный план... хотя единственный материал, который я знаю о сражениях, идет от несколько раз, когда Айзек заставил меня играть в одну из его кровавых военных игр. Единственный вопрос, который у меня есть:

- Как мы не пустим Штормы в долину?

Оз не отвечает. И ни одна из Бурь не смотрит на меня.

Во рту у меня все скисло.

- Вы не собираетесь не пускать их в долину, не так ли?

- Иногда мы не можем защитить всех, - говорит Оз спокойно. - И я боюсь, сегодня будет один из тех дней.

- Это не достаточно хорошо!

- Извини? - спрашивает Оз, ступая в мое личное пространство. - Ты смеешь критиковать меня за что-то, что ты уже признал, что не можете выполнить?

- Я никогда не говорил, что не собирался попробовать.

- И я тоже никогда этого не говорил.

- Нет, не говорил. Твой план для нас, чтобы переместиться на базу и ждать, чтобы Штормы пришли к нам. Я понимаю, ты хочешь преимущество домашней площадки, но все мы знаем, что они собираются разрушить всю долину, прежде чем они доберутся туда.

- А что ты предлагаешь сделать, слепо атаковать горы?

- Это лучше, чем стоять и ничего не делать.

- Думаю, что слишком поздно, - говорит Гас, и когда я поворачиваюсь и следую за его пристальным взглядом, я чувствую, что мне нанесли удар в сердце.

Темная труба рвется по гребню гор на расстоянии. Сопровождаемая другими. И связка еще после этого.

На таком расстоянии они похожи на нормальные торнадо... хотя в южной Калифорнии торнадо едва ли нормальны. Но даже отсюда я могу сказать, что они двигаются как солдаты. Прямые линии. Равно расположенные. Идут в пустыню с миссией разрушить.

Я кричу любому ближайшему Западнему, освобожденного, когда два проекта отвечают на мой зов.

- Не надо, - просит Одри, хватая меня за руку, когда я запутываю один проект вокруг меня и приказываю, чтобы другой сформировал щит.

Я испытываю желание схватить ее и бежать далеко в безопасное место... или по крайней мере притянуть ее к себе и целовать, пока мир не закончится.

Но это моя ошибка, и если я не попытаюсь остановить это, то я никогда не смогу жить с собой.

Я приказываю, чтобы Западный поднял меня в высь, прежде чем я могу передумать.

Нервный проект не может вращаться достаточно быстро, чтобы полностью скрыть меня в небе... но никто не смотрит на мой путь, так или иначе. Люди выпрыгивают из своих автомобилей, чтобы посмотреть и сфотографировать странные штормы, и я хочу кричать им, чтобы спрятаться где-то в безопасное место.

Но куда они, как предполагается, пойдут? У калифорнийцев нет укрытий от торнадо или подвалов. У нас есть тренировки на случай землетрясений и пожарная тревога.

- Ты сошел с ума? - кричит Одри, когда она несется за мной.

- А ты? - кричу я в ответ.

- Ты не можешь этого сделать, Вейн.

Она приказывает моему ветру опустить нас на землю.

Я приказываю, чтобы он поддерживал свой курс, добавляя команду для проекта, чтобы проигнорировать другие указы, которые она говорит. Он работает как Ветрорез, эквивалентный из бесконечности времен проклятья, и я не могу сдержать усмешку Одри, когда она понимает это.

- Это бессмысленно, - говорит она, когда подходит ко мне и цепляется за мою грудь. - У тебя даже нет плана.

- Вообще-то есть.

Делая это, я вообще-то исполняю план. Я никогда не говорил, что это был хороший план.

- Я знаю, это - безумие, - говорю я ей. - Но я не могу стоять здесь и смотреть, как люди гибнут.

- Но ты должен защищать себя, Вейн. Западный язык...

- Не похоже, кажется, язык не так ценен, как все думали, что он будет. Или по крайней мере я не так ценен, как все думали, что я буду.

Одри тянет меня сильнее, шепча мне в ухо... и серьезно возится с моей концентрацией...

- Ты невероятно ценен, Вейн, и не только для меня.

Я вздыхаю.

- Я должен сделать это, Одри. А не ты. Ты должна вернуться...

- Я не собираюсь позволять тебе рисковать своей жизнью без меня.

- И я не позволю ни одному из вас рисковать вашими жизнями без меня, - говорит Гас, оказываясь около нас. - Ну, ладно, вы действительно не думали, что не последую за вами, не так ли?

Он усмехается, когда я впиваюсь в него взглядом.

- Кто-нибудь еще идет за нами, о ком я должен знать? - спрашиваю я.

- Ха. Оз думает, что я пришел сюда, чтобы забрать вас обоих назад на базу.

Он передвигает всех остальных на место.

- Я не вернусь, Гас, - предупреждаю я его.

- О, поверь мне, я знаю. И я пришел для этого. О чем ты думаешь?

- О том, что мы должны лететь быстрее.

Штормы ударились о дно пустыни, разрывая районы, которые примыкали к горе. Я пытаюсь сказать себе, что Палм-Спрингс - место зимнего сезона, и что большинство зданий, вероятно, пусты. Но я все еще чувствую себя больным, когда слышу хрустящий хаос разрушений.

- Мы должны попытаться подобраться к ним, - кричит Гас, когда он поворачивает на право, ожидая, что я последую за ним.

Я приказываю, чтобы мои проекты мчались вперед вместо этого.

- Что ты делаешь? - вопит Одри, когда Гас петляет вокруг, чтобы присоединиться к нам.

- Штормы направляются по шоссе 111, которое приведет их прямо через сердце пустыни во все супернаселенные районы. Мы должны заставить их последовать за нами по другой стороне автострады, где ничто еще не было построено. И лучше сделать это здесь.

Эта часть пустыни - все загородные клубы и особняки, и ни один из богачей не потрудился страдать в летней жаре. Я уверен, что там не пусто... но в этой точке слишком поздно, чтобы спасти всех. Все, что я могу сделать - спасти как можно больше.

- Мы должны двигаться быстрее, - говорит мне Одри, призывая больше количество Западных. Только один отвечает, таким образом, она кричит любимым соседним Восточным, и два несутся, чтобы помочь нам.

Гас делает то же самое с Северным, и теперь их три.

- Для тебя кажется странным, что там все еще вьются здоровые проекты? - спрашивает Одри.

- Я просто думал о том же, - признаю я. - Но возможно долина слишком большая, чтобы очиститься полностью?

Одри не выглядит убежденной.

- Давай волноваться об этом позже, - говорю я ей, когда дикий, пыльный воздух ударяет нас, пытаюсь разорвать нас.

Я позволяю Одри принимать полет, и она ведет нас достаточно близко, что я вижу темные лица Живых Штормов. Они похожи на монстров, которых я помню... но они... больше на сей раз, и я пытаюсь не чувствовать себя подобно крошечной букашке, воюющей против гиганта.

- Что теперь? - кричит Одри.

- Мы должны заставить его заметить нас.

- Я думаю, что уже! - кричит Одри, прямо перед тем, как воздух наполняется оглушительным воплем.

- Ныряй! - воплю я, когда Гас кричит, - Что это? - и громкая трещина взрывается в воздухе над нами.

Сила взрыва выбивает меня из равновесия, и Одра едва успевает вытащить нас из свободного падения.

Другой взрыв посылает ударную волну, слегка колеблющуюся позади нас.

Гас мчится к нам.

- О, отлично, Райден дал им оружие.

- Ветряные хлысты, - ворчу я. Потому что злые, видоизмененные Штормы не были достаточно плохими.

- Берегись! - кричит Гас, когда кнут раскалывается снова, и с другой стороны, каждый удар приближается так, что мы почти пропускаем более важное развитие.

Штормы начали преследовать нас.

- Быстрее! - говорил Одри Гасу, зовя больше ветров, чтобы питать наши утомленные проекты, когда мы мчимся к пустой пустыне вдалеке.

- Подожди... это Гэвин? - спрашиваю я, указывая на темную форму, кружащую в небе.

Одра наклоняется вперед, прищурено глядя на горизонт.

- Нет. Птица слишком большая... и у нее черные перья.

- Но она летит прямо к нам.

- Ты можешь взять управление ветром на минуту? - спрашивает она, уже меняя положение.

- Мм, нет, если ты позовешь гигантскую птицу.

- Правда? Ты все еще боишься их?

- Ты с Гэвином царапали меня всю жизнь.

- Ну вот, пришло время, чтобы победить свои страхи.

Птица пикирует ближе, кружит над нами, прежде чем ныряет.

Я могу слышать, как Гас смеется, когда я визжу, но я хотел бы посмотреть, как спокойно он себя поведет, в то время как какая-то огромная птица приземлится на его плечо в середине полета. И бонус: это стервятник, таким образом, он не только огромный и с острыми как бритва когтями, он пахнет мертвечиной.

Одри обхватывает сильнее меня ногами и тянется, чтобы проверить перья на его вонючих черных крыльях.

А затем проверяет их снова.

И снова.

- Это сообщение от твоей матери, не так ли? - спрашиваю я, чувствуя небольшое deja vu, в прошлый раз произошло что-то вроде этого, хотя тогда птица, по крайней мере, была маленьким белым голубем.

Одри кивает, ее тело дрожит так сильно, что я чувствую, что собираюсь потерять свою хватку на ней.

- Что она говорит? - спрашиваю я, задаваясь вопросом, как Арелле удалось добраться до стервятника в своей клетке.

Одри вздыхает и смотрит в небо.

- Она хочет, чтобы мы пришли за ней. Она говорит, что может помочь нам победить.

Глава 38

Одри

Это хитрость.

Так должно быть.

Так всегда с моей матерью.

Я прогоняю стервятника от плеча Вейна, и он шипит на меня, когда улетает. Но остается кружить над нами, несмотря на разоренные ветры, пытающиеся сбивать его с неба.

Моя мать, вероятно, приказала, чтобы бедное существо не уходило, пока это не вернет меня ей. Но у меня есть невинные люди, которых нужно защитить.

- Что ты делаешь? - спрашиваю я, когда Вейн меняет наш курс.

- Направляюсь в Водоворот.

- Не говори, что ты ей веришь, - говорю я, снова меняя наш курс.

- Смотри, я знаю, что твоей матери трудно доверять... и я знаю, что это чувствуется немного тeneвым. Но мы, своего рода, превзойдены численностью здесь, и твоя мама сумасшедше талантливая. Если она говорит, что может помочь нам, я думаю, что мы должны позволить ей.

- Как ты...

Я так отвлечена, что не вижу кнут Шторма, пока не становится слишком поздно.

Язвительный шнур воздуха поражает нас замертво, раскалываясь столь же громко мое кольцо ушей, когда ветры, несущие нас, распутываются. Я цепляюсь за Вейна, ища проект, чтобы остановить наше падение. Но Живой Шторм хватает нас сначала, дергая нас обособленно холодными, чудовищными руками, когда он держит нас перед своим лицом, как будто он хочет исследовать свои новые игрушки.

- Держитесь, - кричит Гас, бросая его шип ветра в голову Шторма.

Я готовлюсь к взрыву тумана и хаоса... но сильный удар шипа отскакивает прочь, не оставляя царапин.

Кулак Шторма напрягается вокруг меня, сжимая настолько сильно, что я уверена, что он сломал одно из моих ребер. Но я более обеспечена, чем Вейн. Я могу услышать его кашель и хватание воздуха, когда один из крупных пальцев обвивается вокруг его шеи.

Шип Гаса снова врезается в Шторм, стремясь к груди на сей раз.

И снова он отскакивает.

- Оставайся со мной, - кричу я, когда отчаянно задыхающегося Вейна скрывает красная пелена. Но его глаза закатываются назад, и его тело прекращает бороться.

- Помоги! - прошу я свой Западный щит. Я вынуждаю себя успокоиться и сконцентрироваться, когда песня лояльного проекта заполняет мой ум.

Трудно услышать по раскалывающимся кнутам и неистовым ветрам, но мне удастся поймать отдельное слово, которое стоит из остальных.

- Раздуйся!

Оба из наших щитов раздуваются в три раза, пихая и открывая кулаки Шторма и посылая нас к земле.

Я кричу проекту поймать нас, но ни один из них не отвечает... и я вижу, что Гас мчится ко мне, но я знаю, что мы падаем слишком быстро. Все, что я могу сделать, готовиться к воздействию и надеяться, что наши щиты сохранят нас.

Земля встречает меня быстро и твердо, и я выворачиваю шею, когда я падаю на песок. Но я ушибаюсь, но ничего не ломаю, когда я прыгаю на ноги.

Вейну не так везет.

Локоть его левой руки согнут под углом, который заставляет меня вздрогнуть, просто смотря на него, и я спотыкаюсь, крича ему, чтобы проснулся.

- Давай, - кричит Гас, приземляясь около меня и указывая на три Живых Шторма, рвущиеся к нам.

Он говорит мне обхватить его руками за талию, когда он бросает Вейна через плечо и запускает нас назад в небо всего за секунду до первых трещин кнута.

- Что происходит? - кричит он. - Почему шипы не работают?

- Должно быть, потому что Райден сломал Живые Штормы.

- Это сильнее, чем сила четырех?

- Я не знаю. Думаю, возможно.

Астон действительно предупредил меня о силе боли.

Я тянусь к Вейну, ненавидя, что он все еще без сознания. Но когда моя рука гладит его по щеке, его глаза открываются, и он кашляет, таким образом, Гас почти опускает его.

Кашель превращается в стон, когда Вейн пытается двинуться.

- Осторожно, - говорит ему Гас. - Твоя рука не в очень хорошем состоянии. Я бросаю более близкий взгляд на локоть Вейна и пытаюсь не поморщиться.

Он раздут и искривлен, и очевидно вывихнут.

- Нам нужно выправить его, - говорю я Гасу, когда он опускается, чтобы избежать трещины другого кнута. - Он будет страдать от боли, чтобы бороться.

- Ложись! - кричит Вейн, когда чудовищный кулак падает на нас, и Гаса едва успеваешь вынуть нас из его тисков.

Я перемещаю свой вес, таким образом, я могу отпустить Гаса одной рукой, чувствуя воздух для любых применимых ветров.

- Мы должны сделать трубопровод. Он отнесет нас достаточно далеко, чтобы вправить его, не тратя времени впустую.

- И мы просто оставим Бурь? - спрашивает Гас.

- Что еще мы можем сделать?

- Все хорошо - вскакивает Вейн, но как только он пытается двинуть рукой, он не может удержать свой стон.

- Мы должны, по крайней мере, предупредить их о сломанных Штормах, - решает Гас, когда мы ныряем рядом с землей, я поражена, что мы не падаем.

- Ты можешь послать им сообщение?

- Если я смогу найти проект.

Я протягиваю свою концентрацию, насколько я могу и тянусь к здоровому Южному. Требуется три попытки заставить его отвечать на мое требование, и когда он наконец несется, его песня так рассеяна, я могу сказать, что он сможет удержать несколько слов.

- Не верьте шипам, - говорю я ему, надеясь, что у Бурь есть резервный план.

Потом я отсылаю ветер и ищу проекты, чтобы построить трубопровод.

- Сейчас в любое время, - кричит Гас, уводя нас, когда Живой Шторм возникает прямо перед нами.

- Мне просто нужен еще один Северный.

- Что относительно одного Восточного для нас? - спрашивает Вейн, тяжело дыша.

Я не могу чувствовать проект, который он имеет в виду, но он шепчет требование, так или иначе, и утомленный ветер несется и присоединяется с другими, которые я собрала.

Мгновение я молчу.

Чувства Вейна сильнее, чем мои?

- Фенг практиковал меня пятьсот раз в день, - объясняет он. - Он заставлял тебя казаться добродушным.

Нет.

Он сделал то, что, как предполагалось, я делала.

Гас поворачивается, чтобы посмотреть через плечо на Живые Штормы прямо на нашем хвосте и интересно, думает ли он то же самое, что и я. Мы должны Фенгу... всем опекунам, жизни которых были потеряны или разрушены... чтобы остановить это.

Но сначала мы должны вылечить Вейна.

Я кричу команду, формируя трубопровод прямо перед нами, и мы летим прямо в трубу. Давление заставляет голову пульсировать, и мои глаза наполняются слезами, и я волнуюсь, что ветры собираются разрушиться вокруг нас. Но тогда мы взлетаем в серое, облачное небо, и Гас запутывает нас в Северный и несет нас в предгорья.

Я вижу целую долину на расстоянии. Линия Живых Штормовых башен по небольшим городам пустыни заполняет воздух серо-коричневым туманом, когда они рвут свой путь к базе Бурь. Я надеюсь, что Оз получил мое сообщение.

- Да, они полностью разрушены, - говорит Гас, напоминая мне, почему мы здесь. - Мы должны вытолкнуть его обратно на место.

- Звучит как вечеринка, - бормочет Вейн, вызывая маленькую улыбку.

- Ты можешь справиться? - спрашивает меня Гас, и я приказываю себе кивнуть.

Часть нашего обучения опекуна включает основные медицинские процедуры. Но идея сделать это Вейну...

- Тьфу, это будет плохо? - спрашивает Вейн, хватая мою трясущуюся руку.

- Да, это будет хреново, - говорит ему Гас. - Но не так, как происходит там.

Мы следуем за его пристальным взглядом и видим, что Штормы выются в круг, окружая то, что должно быть базой Бурь. Я задерживаю дыхание, надеясь увидеть какой-то знак, что Бури могут справиться с ними. Но все, что я вижу, является приближающимися Штормами.

- Мы должны поспешить, - говорит Вейн, и я становлюсь на колени в песке, ударяясь об него коленями, прижимая его больную руку. Он смотрит мне в глаза, когда я кладу обе руки на его бицепс и прикрепляю его к земле... но он острое вдыхает, когда Гас разгибает локоть до прямого угла.

- Это было оно? - спрашивает он, его голос душераздирающе обнадеживающий.

- Прости, - бормочет Гас. - Я все еще пытаюсь вставить его в правильное положение. - Он сгибает руку Вейна обратно к песку, и Вейн выдает задушенный крик. - Хорошо, я думаю, что мы готовы. Вы, ребята, готовы? Вейн кивает, когда он поворачивается ко мне.

- Поцелуй меня.

- Чувак, сейчас не время. - Гас стонет, когда мои щеки становятся горячими, чем пустыня на солнце.

- Это отвлечет меня от боли, - настаивает Вейн.

Я смотрю на Гаса, и он вздыхает.

- Он, вероятно, прав.

- Конечно, я прав.

Вспышка в красивых глазах Вейна лишает возможности не улыбаться. Но я все еще не могу думать, что делаю это, когда я сжимаю свою хватку на его руке и наклоняюсь достаточно близко, чтобы почувствовать его дыхание на моей коже.

- Я люблю тебя, - шепчет он.

- Я тоже тебя люблю. - Моя ненадежность исчезает, когда я прижимаю свои губы к его губам.

Я пытаюсь удержать поцелуй медленным, но жар между нами продолжает строить, пока моя голова не чувствует головокружение от порыва. Где-то в моих расплывчатых мыслях я не забываю держать руки, когда Гас кричит:

- Сейчас!

Губы Вейна разделяются, чтобы высвободить приглушенный крик.

- Как это чувствуется? - спрашиваю я, когда Вейн садится и пытается согнуть локоть. Он сгибает его на полпути, прежде чем его лицо искажает боль.

Гас вздыхает.

- Ты, вероятно, повредил несколько связок. Мы должны зафиксировать его, чтобы держать давление.

Там едва хватало ткани на моем платье, как есть, но Гас все еще без рубашки, и Вейн едва может двигаться, есть не так много вариантов. Я тянусь к подолу и отрываю достаточный кусок, стараясь не думать о том, сколько продуваемого пространства это сейчас дает.

Я перевязываю локоть так сильно, как я могу.

- Как это?

Он делает другой глубокий вздох прежде, чем пытается согнуть руку, и на сей раз он не вздрагивает.

- Лучше. Хотя я думаю, что помогло бы еще больше, если бы ты оторвала другую часть своего платья.

Я краснею, в то время как Гас качает головой.

- Чувак, ты безнадёжен.

- И мы должны вернуться туда. - Я указываю на бассейн пустыни, где Живые Штормы начинают рассеиваться, направляясь в большинство населенных районов.

- Черт возьми! - кричит Вейн. - Почему Бури не останавливают их?

Он встает на ноги, но только держится за секунду до того, как он падает на колени.

- Я в порядке, - обещает он. - Просто голова кружится.

Но когда он снова пытается встать, он немедленно падает вперед.

- Ты слишком слаб, чтобы бороться, парень, - говорит Гас, когда он ловит Вейна, прежде чем тот приземлится на больную руку. - Я думаю, что нам нужно идти, ты остаешься здесь, чтобы отдохнуть, мы заберем тебя. когда все закончится.

- Я не собираюсь скрываться в пещере, в то время как вы будете бороться, ребята, - спорит Вейн, пытаясь балансировать самостоятельно. Я двигаюсь позади него, когда он колеблется, позволяя ему прислониться ко мне.

- Просто дай мне пять минут, - просит он. - Все, что мне нужно - немного воздуха.

- Пять минут, - повторяет Гас. - Мы должны придумать план, так или иначе. Мы все поворачиваемся к долине, и моя грудь напрягается, когда я вижу, что Штормы распространяются еще шире. Невозможно сказать, борются ли Бури с ними, но крупные следы разрушений не выглядят многообещающими.

Вейн тянется к моим рукам, переплетая наши пальцы.

- Я не вижу Буреносцев, а вы? - спрашивает Гас, прикрывает глаза и щурится на горы.

Я качаю головой, когда концентрируюсь на ветрах.

- Я тоже не чувствую их следа. - Хотя я свободно чувствую некоторые Бури. Все еще есть шанс, даже если он слабый.

- Райден реально не пришел с ними? - спрашивает Гас.

- Возможно он не хотел рисковать потерять каго-то из них, - предлагаю я.

- Или возможно это только один раунд, - говорит Вейн спокойно. - Я не чувствую следа Райдена, также, но нет, его здесь нет. Он чего-то замышляет, я могу чувствовать это. Я просто не могу сказать, что это.

Гас проводит руками по волосам, тянет их, освобождая от косу опекуна.

- Поэтому, что мы собираемся делать?

- Есть действительно только одна вещь, которую мы можем сделать, - говорит Вейн, смерив взглядом птицу, медленно кружащую над нами.

Стервятник должен был потерять наш след, когда мы шли через трубопровод. Но у моей матери есть способ всегда получать то, чего она хочет.

Думаю, именно поэтому я не удивляюсь, когда Вейн сжимает мою руку сильнее и говорит мне:

- Мы должны пойти, вытащить твою маму, Одри. Она - единственный шанс, который у нас есть.

Глава 39

Вейн

- Ты действительно думаешь, что можно доверять моей матери? - спрашивает Одри, отстраняясь от меня так быстро, что я теряю равновесие и падаю на колени.

- Она сказала, что она может нам помочь, верно?

- Это не означает, что это правда.

Одри зовет жуткого стервятника, и он падает и приземляется на камень на расстоянии в несколько футов, выдавая злое шипение, которое похоже на одержимого ребенка. Даже Гас отступает, когда он наклоняет свою грубую красную, ухабистую голову и протягивает крупное черное крыло, таким образом, Одри может посчитать метки в перьях.

- Откуда она знает, что мы в беде? - спрашивает она, когда снова читает сообщение. - Она поймана в ловушку в Водовороте. Ветер не должен быть в состоянии дотянуться до нее.

- Я не знаю... возможно, птицы сказали ей. Или возможно она может чувствовать это. Ее дар довольно силен, правильно? Кажется, что она может взять что-то огромное. Я имею в виду, посмотри на это.

Я указываю на пустыню, где огни начинают вспыхивать в щебне. Дым смешивается с пылью и грозы делают его тяжелее, чтобы увидеть то, что происходит... что, вероятно, лучше. Мой мозг не знает, как обработать такое разрушение.

Все, что я знаю, это просто изменилось.

И Штормы все еще бушуют.

- Ты не считаешь это удобным, что она обращается к нам теперь, предлагая нам неопределенные обещания, когда мы в таком самом слабом положении?

- спрашивает меня Одри.

- Конечно, считаю... и это напоминает мне слишком большую часть времени, когда она использовала Гэвина, чтобы выдать наше местоположение и почти убила нас. Но какой другой выбор у нас есть? Наши шипы ветра не работают, и Западный сказал мне, что они не могут помочь нам. Бури выглядят так, что они довольно невероятно падают там... поэтому, что еще, как предполагается, нам делать?

Я могу услышать панику в своем голосе, но я не могу с трудом проглотить страх на сей раз... не тогда, когда люди умирают из-за меня.

- Я не знаю, как остановить это, - шепчу я. - А ты?

Она колеблется, прежде чем она бормочет:

- Нет.

Гас выглядит столь же побежденным.

- Думаю, мы должны позволить ей помочь нам, - говорю я им. - Это единственная игра, которая у нас осталась.

Одри похоже собирается согласиться со мной... но в следующую секунду она отворачивается.

- Я не могу доверять ей, Вейн. Я не буду. Я делала эту ошибку всю мою жизнь. Я не собираюсь делать это снова.

Ее голос тверд, и я могу сказать, что это ее окончательное решение.

Но она неправа.

Если я не сумасшедший... но я так не думаю.

- Твоя мама была другой, когда я видела ее, - говорю я Одри спокойно. - Спокойная, и иногда почти... хорошая. Она не сказала Бурям о нашей связи... и она поддержала ложь, которую я сказал, чтобы скрыть твой уход. Она даже предложила помочь мне поспать.

Одри смеется, хотя это немного выше и писклявее, чем ее нормальный смех.

- Конечно, она это сделала... потому что хочет, чтобы ты ее освободил. Так она работает.

- Вот я тоже так думаю. Но она как будто действительно сожалеет, что она сделала. И она сказала мне, что она поняла, что ее подарок сводил ее с ума... буквально с ума. Боль затуманила ее разум, страдая, когда она думала.

- И это оправдывает ее за хладнокровное убийство двух человек и смерть моего отца?

- Конечно, нет... вот почему я оставил ее там в Водовороте. Но это могло бы означать, что безопасно освободить ее не надолго. Особенно, когда невинные люди умирают, и она может помочь нам спасти их.

Одри обхватывает себя руками, отбивая дрожь.

- Она убежит, если ты освободишь ее.

- Наверное, - соглашаюсь я.

Я поворачиваюсь к Гасу, когда она ничего не говорит.

- Что ты думаешь?

Он проводит руками по волосам, прежде чем смотрит на Одри.

- Я очень не хочу говорить это, но я согласен с Вейном.

Одри кивает, как будто она ожидала этого. Но ее челюсти сжаты, и у ее голоса есть определенный край, когда она говорит мне:

- Тогда я предполагаю, что это хорошая вещь, ты - король. Я повинуюсь тому, что ты решаешь.

- Я чувствовал бы себя лучше, если бы ты согласилась, - говорю я ей.

Ее глаза встречают мои, и маска гнева трещит. Две маленьких слезы катятся вниз по щекам, когда она шепчет:

- Я не могу.

Тишина встает между нами стеной.

- Прости, - говорю я ей, жалея, что не было какого-нибудь волшебного слова, которое я могу сказать, чтобы исправить это. Лучшее, что я могу придумать:

- Ты не должна видеть ее. Мы с Гасом пойдем...

- Нет!

Голос Одри столь громкий, что жуткий стервятник машет крыльями... роняя несколько противных перьев.

- Она послала свое сообщение мне. Я должна быть тем, кто придет и вытащит ее.

Она начинает уходить, и я вскакиваю на ноги, чтобы преследовать ее...

немедленно жалея о том, когда я падаю обратно вниз. Тем более, что я глупо тяну руки, чтобы поймать себя.

Я вполне уверен, что звук, который я издаю, похож на умирающую гиену, и я сворачиваюсь в клубок в грязи, раскачиваясь назад и вперед. Медный вкус крови говорит мне, что я прикусил язык, когда падал... но хорошо иметь что-то еще, чтобы сконцентрироваться на чем-то помимо моей долбаной сломанной руки.

- Эй, - говорит Одри, становясь на колени около меня. - Ты должен отдохнуть.

- Я не могу...

- Лететь в бой, когда ты едва здоров, только убьет тебя.

- Но...

Она прикладывает палец к моим губам, безусловно, хороший способ заткнуть мне рот.

Теплое покалывание слегка колеблется по моему лицу, и я закрываю глаза и надеюсь, что это знак, что она не ненавидит меня.

- Пожалуйста, Вейн, - шепчет она, наклоняясь так близко, что я могу чувствовать, как она касается моих щек. - Ты не можешь сражаться. Ты должен остаться здесь, где безопасно.

- Ты уверена, что ты просто не хочешь, чтобы я был рядом? - Это главным образом шутка, но она была симпатично обозленной несколько минут назад. Она тянется, чтобы убрать пару прядок с моего лба, не глядя на меня, она говорит:

- Я не доверяю своей матери, но я доверяю тебе.

- Веришь?

Она кивает.

Хотя бы один из нас.

- Так, мне нужно, чтобы ты поверил мне, - добавляет она тихо. - Оставайся здесь, а я пойду освобождать ее.

- Ты не пойдешь туда одна...

- Он прав... я иду с тобой, - прерывает Гас, двигаясь за Одри. - Но она тоже права, Вейн. У тебя было одно из худших падений, которые я видел. Тебе требуется какое-то время, чтобы прийти в себя.

- Но что, если охрана не освободит Ареллу? - спорю я.

Я сомневаюсь, что они послушают кого-то кроме короля.

- Я уверен, что ее охрана борется наряду с Бурями, - говорит мне Гас, что объяснило бы, как Арелла смогла позвать стервятника достаточно близко, чтобы послать сообщение.

Я пытаюсь еще раз двинуть локтем, и такое чувство, что кто-то отпиливает его ржавым ножом для масла.

- Прекрасно, - ворчу я. - Но если я почувствую себя лучше, я направлюсь прямо к Бурям, чтобы встретиться с тобой.

Одри вздыхает.

- Я не смогу остановить тебя, но пожалуйста, обещай, ты сделаешь это, если действительно будешь в порядке.

- Только если ты обещаешь быть предельно осторожной. Если что-нибудь произойдет...

Я пытаюсь проглотить страх, но он душит меня.

Она обхватывает мое лицо руками.

- Я могу о себе позаботиться.

- Знаю. Но я все-таки собираюсь волноваться все время. Тебе нужно рассказать, как найти Водоворот?

Одри указывает на глупого стервятника, который, я вполне уверен, сидит, там надеясь, что один из нас собирается умереть.

- Ее птица будет вести меня.

- Убедитесь, что последнюю часть пути, вы пройдете пешком, - предупреждаю я их. - Иначе ветры, несущие вас, будут впитаны.

- Нет, если мы полетим с Западными, - поправляет Одри. - Я летела прямо до Водоворота Райдена в Долине Смерти.

Она начинает вставать, но я хватаю ее запястье здоровой рукой.

- Обещай, что ты вернешься в целости и сохранности.

- Я постараюсь.

Я сжимаю свою руку.

- Обещай.

Она наклоняется, чтобы поцеловать меня.

Это быстрый поцелуй... больше поддразнивание, чем что-либо. Но стена, которую я чувствую между нами, кажется, исчезает, когда она вытаскивает руку.

Я пытаюсь не чувствовать себя подобно бесполезной капле Вейна, когда Гас несет меня к пятну в тени и прислоняет меня к валуну. Но я не могу не дуться, когда Гас обвивает руками Одри, и она формирует пузырь Западного ветра.

Я смотрю с негодованием на небо, когда я наблюдаю, как они уплывают.

И когда они исчезают в облаках, я понимаю, что Одри никогда не обещала вернуться.

Глава 40

Одри

Все в этом чувствуется неправильно.

Оставить Вейна одного и без защиты посреди нигде.

Пойти спасти мою мать.

Даже летя с Гасом... хотя, по крайней мере, ему кажется было столь же неудобно, как и мне. Он дважды уже приспособил свой захват, но благодаря этому платью, там не за что было безопасно хвататься.

- Как ты думаешь, есть шансы, что Вейн действительно будет оставаться там, где он находится? - спрашивает Гас, когда он сдвигает свои руки на моей талии, держа мой забинтованный бок с особой аккуратностью.

- Наверное, примерно так же хорошо, как моя мать-блудница.

- Поэтому я полагаю, ты все еще бесишься по поводу ее освобождения.

- Я просто... знаю свою мать.

Я знаю, что Вейн хочет считать, что она теперь другая... и возможно она была, когда он говорил с ней. Но я научилась на горьком опыте, что любая доброта или прикосновение моей матери, когда-либо показанное, служит достаточно долго для нее, чтобы получить то, чего она хочет.

И теперь мы собираемся позволить ей снова встать на свой путь.

Мы следуем за стервятником моей матери к кругам мертвых пальм, и как только мы достигаем их, Западные, несущие нас, становятся нервными. Я убеждаю ветры лететь, но они становятся все более и более неустойчивыми, срываясь в панику, когда бешеные Восточные роятся вокруг меня.

Тон проекта напоминает мне голос моего отца, но я знаю, что нет никакого способа, которым это мог быть он. Его отчаянная песня просит меня повернуть и никогда не возвращаться, но мой отец никогда не пытался бы помешать мне освободить мою мать. Он любил ее больше жизни... без причин... больше воздуха.

Он нес бы меня туда быстрее, если бы он мог.

- Ничего себе конечно Водоворот, действительно пугает ветры, - бормочет Гас как Восточные летят с нами, повторяя свое предупреждение много раз. Я продолжаю игнорировать их, и когда мы достигаем ряда странных горных формирований, стервятника опускается, и Восточные наконец уходят. Мы достигли нашего места назначения.

Другие Западные дергаются, я распутываю их, но мой лояльный щит не уходит, сжимая свою хватку вокруг меня, когда он может чувствовать зло в воздухе.

Я тоже могу есть чувствовать.

Неестественная неподвижность.

Странный толчок и напряжение тащат меня к темному открытию в песке впереди, даже при том, что каждый инстинкт кричит мне бежать.

- Есть что-то в этом месте, - бормочет Гас, его рука хватается его шип ветра, поскольку он роется в воздухе.

- Он чувствует точно так же, как другой Водоворот, - говорю я ему.

Кажется тем же самым также. Ужасный визг сверлит отверстия в моем мозгу, как искривленные иглы.

Хотя этот был построен капитаном Бурь.

Глаза Гаса просматривают долину, но единственные признаки жизни - стервятники. Десятки и десятки из них скачут по камням, захудалые растения, даже песок. Они наблюдают за нами своими тихими пристальными взглядами, когда мы пробиваемся к входу Водоворота.

Я испытываю желание спугнуть их... они не получают еду, которую ждут. Но я знаю, что они не уйдут. Они будут лояльны к ней.

- Так... мы должны пойти туда? - спрашивает Гас, когда я начинаю спускаться вниз по темному пути, окруженному вращающейся трубой песка.

- Если ты не хочешь остаться здесь и прикрыть вход, - предлагаю я.

В течение самой краткой секунды он выглядит соблазненным. Потом он тянет свой шип ветра, держа его перед ним, когда он проталкивается мимо меня, чтобы взять инициативу на себя.

- Давай покончим с этим.

Я пытаюсь не трогать стены... пытаюсь еще сильнее не воображать части моей матери, поглощаемые ими.

Но она также находится в воздухе.

Я прикрываю рот, дыша так мелко, как могу. Однако, каждое дыхание заставляет меня хотеть закрыть рот.

Я прижимаю руку к сердцу, когда мы идем, жалея, что я не могу чувствовать какой-нибудь маленький след своей связи. Есть только холодная пустота.

Мне хотелось развернуться и убежать, пока не найду небо. Но я стремлюсь вперед. Одна нога впереди другой. Каждый шаг увлекает меня прочь от света. В пустую тьму.

- Ладно, я официально ненавижу это здесь, - говорит Гас после нескольких минут ходьбы. - Я имею в виду... это просто неправильно. Нет другого способа, чтобы описать это.

Нет.

Водовороты чувствуются настолько же ужасными, как они есть.

И снова я не могу не думать о том, что это сделал один из Бурь.

Я почти говорю мысли вслух, но останавливаюсь как раз вовремя. Таким образом, я удивлена, когда Гас спрашивает меня:

- Что ты думаешь об Озе?

Я тщательно подбираю свой ответ. Сейчас не время, чтобы подвергнуть сомнению нашего лидера. Сражения призывают доверие и лояльность.

- Я думаю, что он отчаянно пытается защищать наших людей.

- Отчаянно, - повторяет Гас. Он молчит несколько шагов, прежде чем спрашивает:

- Ты считаешь, что Бури могут победить?

Я потираю пальцами кожу на запястье, находя остатки ожога Астона. Его преследующий предупреждения до сих пор звенят в моей голове, и теперь я понимаю, почему он был так уверен, что у нас не было шанса. Но я должна верить, что есть еще надежда.

- Независимо от того, как влиятелен Райден, - говорю я Гасу, - ветер всегда будет сильнее. И я не могу считать, что ветер позволит ему продолжать разрушать себя намного дольше.

- Ты говоришь о ветре, как будто тот живой.

- В некоторых случаях так.

Я думаю о своем лояльном Западном щите, путешествующем со мной в это темное место, куда никакие другие ветры не смеют идти. Он остается, потому что хочет. Та же самая причина сплотила других Западных и привела их к нашему спасению в Долине Смерти.

Да, некоторые ветры могут быть готовы позволить Райдену доминировать и разрушать их. Но другие будут бороться. И если мы можем включить в список их помощь, заставить их присоединиться к нам, ничто не сможет остановить нас.

Возможно, это тайна, которую мы все упустили. Это не о том, чтобы найти правильные команды. Это о том, чтобы найти правильные ветры.

Что могло фактически означать, что моя мать может помочь нам... очень сильно, поскольку я очень не хочу допускать это. Она понимает ветер так, как ни один из нас никогда не понимал. Если кто-то и сможет найти ветры, который нам нужны, то это - она.

Тусклый свет появляется впереди, и я готовлюсь к виду моей матери, свисающей с цепи, как жертвы в тюрьме Райдена. Но когда мы наконец достигаем конца тоннеля, тут - пустая, круглая пещера с занавесками из металла, отгораживающими перегородкой две маленьких клетки.

Очевидно, у жестокости Оза есть гораздо более тонкая линия.

- Одри? - спрашивает моя мама, ее голос настолько слабый, что почти неузнаваемый.

- Да, - я вынуждаю себя сказать, отдельное слово, несущее семнадцать лет моей боли и извинений.

Бледная фигура приближается к петле металла, и когда я ступаю ближе, я вижу ее лицо... хотя я едва узнаю ее.

Я должна радоваться ее соленым волосам и потной коже, покрывающей ее тонкие черты. Но похоже на слишком много отходов.

Все это, в этом все дело.

Моя красивая, влиятельная мать.

Наша малочисленная, счастливая семья.

Наши тихие, посвященные жизни.

Это все было высосано и разорвано. Как будто все мое существование было поймано в ловушку в Водовороте решений моей матери.

Слезы жалят мои глаза, когда она изучает меня, но я смаргиваю их назад. Я пролила свою последнюю слезу для этой женщины.

- Ты пришла, - шепчет она, прижимая свою руку к металлу.

Я делаю шаг назад, даже при том, что она не может достать меня.

- Все еще моя та же упрямая девочка. - Она печально улыбается мне и поворачивается к Гасу, замедленная реакция. - Ты не Вейн.

- Ты уверена? - Гас трогает свое лицо, как будто не может в это поверить.

Моя мать не улыбается.

- Где Вейн?

- Так далеко отсюда, как я могла удержать его, - говорю я ей.

- Но... ты его опекун. Тебе полагается быть рядом с Вейном.

- Конечно, ты знаешь, как заставить парня почувствовать себя желанным, - бормочет Гас, пролезая к занавесу петель, пытаюсь освободить ее от клетки. Занавес не двигается с места.

- Не думал об этом, - говорит он, напрасно встряхивая металл.

- Попробуй свой шип ветра, - говорю я ему.

- На чем?

Я смотрю ближе на занавес, удивленная найти, что там нет никакого замка. Я честно не могу сказать, как это держится.

- Прости, Одри, - шепчет моя мама, и я вижу, как она рассматривает меня.

Она в таком банальном беспорядке, что трудно сказать, плачет она или потеет. Но это заставляет меня почувствовать комок в горле.

Теперь я понимаю, почему Вейн был готов доверять ей. Я чувствую то же самое убеждение.

Но могу я?

Я должна?

- У меня не было выбора, - говорит она мне, умоляя меня глазами простить ее.

Моя жизнь была бы настолько легче, если я бы могла дать ей то, что она хочет.

Но я не могу проигнорировать гнев, который всегда со мной, кипящий под поверхностью.

- О чем ты сожалеешь? - резко спрашиваю я. - О том, что убила папу? О том, что обвинила меня? О том, что убила двух невинных человек? О том, что разрушила жизни всех, с кем ты когда-либо встречалась?

- Да, на все это вещи, - говорит она тихо, поворачиваясь и отступая. Кости выпирают из ее хилых, сутулых плеч, когда она наклоняет голову и

бормочет:

- Но главным образом...

Я не могу понять последние слова.

Это звучало, как будто она сказала:

- Но главным образом за это.

Но это не имеет никакого смысла.

Или, это не имеет, пока я не слышу громкий удар, когда металлическая кость ударяет и сокрушает Гаса. Прежде чем я могу даже закричать, острый край ветрореза прижимается к моему горлу, и сила обволакивает меня, прижимая меня к телу моего похитителя.

- Ты была той, кого я хотел, так или иначе, - шепчет резкий голос в мое ухо, и требуется секунда для моего испуганного мозга, чтобы узнать его.

Райден.

Глава 41

Вейн

Напуганный крик будит меня из моего беспокойного сна, но когда я разлепляю глаза, я все еще один.

Все еще посреди пустыни.

Все еще с локтем, который чувствуется так, будто его пережевывает стая диких собак.

Но это не был кошмар, который разбудил меня.

Это был ветер.

Я закрываю глаза, когда испуганный Западный окружает меня. Его песня - хаос... все смешивается с паникой. Но одно слово выскакивает.

Предатель.

Я начинаю, вскакиваю на ноги, но затем вспоминаю, как не круто это сработало для меня в прошлый раз, и вместо этого использую камень, против которого я спал, и медленно беру себя в руки.

Головокружение все еще бьет меня, но глубокие вздохи отпихивают его назад, и когда моя голова прочищается, я могу чувствовать, как Западный наматывается вокруг меня, пытаюсь тянуть меня, куда я должен идти.

- Эй... легче, - говорю я ему, когда он почти тянет меня. - Что происходит... что-то произошло с Одри?

Гупый вопрос спрашивать ветер... и конечно он не отвечает. Он просто повторяет ту же самую испуганную песню о предателях и пытается утянуть меня в небо.

Я прекращаю бороться и позволяю ему.

Я держу шип ветра моей здоровой рукой, пытаюсь чувствовать себя готовым к тому месту, куда этот ветер принесет меня. Но ничто, возможно, не подготовило меня к виду моей долины вблизи.

Я видел бедствия по телевизору.

Я даже пережил пару.

Но это...

Искореженные здания. Упавшие деревья. Разбитые автомобили. Полиция.
Машины скорой помощи. Пожарные. Вертолеты.
Люди бегут. Дороги заблокированы. Крики, вопли и плач.
Это хаос.

На такое репортеры стянутся за мили вокруг, и президент пойдет на телевидение и попытается сказать что-то, чтобы помочь людям понять разрушение. Но никто не сможет понять это.

Я вижу Живые Штормы, все еще бушующие, рассеянный через города... хотя похоже, что их меньше. Трудно сказать.

Трудно думать.

Один Шторм кружит в Индио и Коачелла, и я вижу два сильно искореженных особняка в Индиан-Уэллсе и Ранчо-Мираже, а другой Шторм бушует через Кафедрал-Сити. Но худшее находится в Ла-Куинте, где три самых больших Шторма проходят через Бухту. Мой Западный направляет меня туда.

Я пролетаю над домом своих родителей, и он фактически все еще стоит. Но домам Айзека и Шелби не повезло. Дом Шелби в порядке, но ее автомобиль разбит о стену гаража ее соседа. А улицы Айзека не стало.

Как будто она исчезла, ушла.

Нет домов. Нет деревьев. Даже тротуар исчез.

Я рад, что попросил их уехать, но к чему они вернутся домой?

И что относительно их соседей?

Ярость заставляет меня дрожать, но я не могу решить, на кого я рассержен.

Возможно Райден создал Штормы, но...

Они здесь из-за меня.

Мой Западный набирает скорость, но всякий раз, когда мы становимся ближе к Штормам, когда я с замиранием сердца жду бой моей жизни, он направляет меня в горы и высаживает меня вниз на узком выступе.

Сильная рука дергает меня в небольшую пещеру.

- Не давай им увидеть тебя! - шипит Оз, когда он разворачивает меня к себе лицом.

Мои глаза приспособляются к темноте, и я замечаю, что он здесь с Соланой, и они оба скрываются в тенях.

У Оза новая глубокая рана к шраму, проходит прямо через центр, как перечеркивает старый шрам. Но Солана выглядит намного хуже. Огромные кровавые пятна красуются на ее бледном платье. Я не могу сказать, ее ли это кровь, но толстая глубокая рана на ее подбородке выглядит довольно непростой, так или иначе.

- Что произошло? - спрашиваю я спокойно.

Оз указывает на Штормы.

- Что ты думаешь?

Штормы ударяют против горы рядом с нами, распыляя стену камней до огромного отверстия.

Во рту пересыхает, и я должен сглотнуть несколько раз, прежде чем я могу спросить:

- Сколько Бурь осталось?

Оз опускает глаза к рукам.

- По последним подсчетам... восемь... включая нас.

Это... даже не половина.

- Где Гас и Одри? - спрашивает Солана через мгновение.

Я тоже задаюсь этим вопросом.

Я думал “предатель”, к которому Западный вел меня, была Арелла. Но он принес меня сюда.

Я просматриваю крошечную пещеру, пытаюсь выяснить почему. Вспышка желтого привлекает мое внимание.

- Что это? - спрашиваю я, указывая на странно цветные шипы ветра, сложенные в ногах у Оза.

Предатель, снова шепчет мой Западный, у меня ужасное предчувствие, что я уже знаю.

Я беру один, пульс боли и страдания ветров проходит через мою руку как сердцебиение.

- Ты сломал ветры в них? - спрашиваю я, пропуская шип и двигаясь в обратном направлении.

- Только Серевный, - поправляет Оз, когда он сгибается, чтобы взять шип. - И только потому, что не было никакого другого выбора.

- Да, ну, в общем, явно ветры не согласны, или меня не тянул бы сюда Западный, которое продолжал называть тебя предателем.

- Предателем? - кричит Оз... затем прикрывает рот и показывает нам молчать, когда мы ждем увидеть, слышали ли Штормы.

- Я - предатель? - после нескольких секунд шепчет он. - Я - тот, кто спас нас!

Я получил твое жалкое предупреждающий всего за минуты до того, как Штормы прибыли, и прежде чем у меня было время моргнуть, они уничтожили одну треть нашей силы. Мы попытались бежать и скрыться, пока вы трое не вернулись, чтобы помочь нам, но мы были бы разрушены полностью, если бы я не понял, что Райден сломал Штормы. Единственный способ бороться с разрушенным ветром это другим таким же. Таким образом, я сломал Северный в шипах, и мы убивали Штормы один за другим. У нас немного осталось в запасе.

Предатель, шепчет вокруг меня Западный.

- Должен быть другой путь...

- Нет! - Оз хватает один из шипов и швыряет его через пещеру в Живой Шторм, который только что обнаружил наше укрытие.

Шип проходит прямо через плечо Шторма, заставляя того взвиться и бушевать, как дымный туман просачиваться в небо. Прежде чем он даже заканчивает визжать, Оз швыряет другой шип прямо не глядя, заставляя крупного Шторма взорваться.

- Видишь? - спрашивает Оз, когда земля дрожит, и воздух становится густым, и мы кашляем от пыли и обломков. - Без этого оружия у нас не было бы шанса бороться.

Он вручает другой шип мне как доказательство, затем тянется, чтобы убрать кровь от его щеки.

Порез на его лице открылся шире от напряжения, и я не могу решить, заставляет ли это выглядеть его жестоким или сильным.

Я никогда не думал, что те две вещи могли быть взаимозаменяемыми, но когда я смотрю на сломанный шип, мне интересно, так ли это.

Возможно иногда единственный правильный выбор - неправильный, и к чему это действительно сводится, так к достаточной храбрости, чтобы сделать это.

Предатель, рычит Западный, и на сей раз такое чувство, что они говорят это мне. Но что еще Оз, как предполагалось, сделал? Не было ничего другого...

Мысль затихает, когда я понимаю, что есть другой выбор... тот, которым уже продолжают работать Гас и Одри.

Выпустить Ареллу не было легким решением ни на секунду... но это лучше, чем разрушение ветра.

Но они должны были уже вернуться к настоящему времени, не так ли?

У меня сжимается сердце, я пытаюсь почувствовать напряжение нашей связи. Но я чувствую себя холоднее и более пустым, чем я был долгое время. Могло случиться так, что Одри глубоко в Водовороте... но почему она все еще там?

Что, если что-то не так?

Я роняю поврежденный шип ветра и тянусь к Западному, чтобы нести меня... но они все игнорируют мое требование, шепча, Предатель, и улетают далеко. Я ищу в воздухе любые другие ветры, которые могли бы быть готовы помочь мне, когда кулак Шторма врзается в нашу пещеру.

Все рушится.

Я кручусь, чтобы защитить мою травмированную руку, когда я скольжу вниз по скалистому склону, не останавливаясь, пока на полпути не попадаю в гору. Я благодарен, что мой Западный щит не бросает меня, потому что я вполне уверен, я иначе у меня бы не было кожи на груди.

Я задыхаюсь от пыли и песка, когда слышу, что Солана кричит, и я поворачиваю голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из оставшихся Штормов уносит ее.

Я зову Оза на помощь, но его ноги придавлены гигантским валуном. Так что остаюсь только я.

Принимать два Живых Шторма на себя одного, вероятно, не самая умная идея... особенно с ветрами, рассерженными на меня и с супертравмированной левой рукой.

Но я все еще слышать могу кричащую Солану.

Я разрушил ее жизнь миллионами различных путей.

На сей раз я собираюсь спасти ее.

Одри

Я не должна быть удивлена.

Моя мать выдала меня Райдену, дважды.

Но на сей раз я не уйду.

Прежде чем я могу отреагировать, Райден опутывает меня паутиной острых красных ветров, и даже с моим щитом, жестокий шок проектов как молния каждый раз, когда он ступает дальше от меня.

- Прости, - продолжает говорить моя мать. - У меня не было выбора.

- Всегда есть выбор, - говорю я ей, и Райден смеется.

- Когда я имею контроль, единственный выбор мой, - говорит он мне, отступая дальше и позволяя связям молнии ударить настолько сильно, что я чувствую, как моя кожа тает с моих костей.

Я ползу к его ногам, неспособная считать, что я принимаю решение быть близко к нему. Но я должна остановить боль.

Он приседает передо мной, когда я задыхаюсь.

- Если это ослабит жало предательства мамы, ты должна знать, что у тебя тоже не было выбора. Я впечатлен, что Оз выяснил, как построить Водоворот... но он пропустил его истинный блеск. Это прекрасная ловушка. Нет способа ощутить чье-либо присутствие. Нет ветров, чтобы позвать на помощь. Все, в чем я нуждался, было чем-то, чтобы привлечь тебя сюда и что-то, чтобы отвлечь твою армию, таким образом, я мог поймать свой неосторожный приз.

- Ты говоришь мне, что все Бури, которых ты разрушил, чтобы сделать Живые Штормы... все невинные люди, которые умерли или потеряли свои дома сегодня... были просто отвлечением, чтобы поймать меня?

Райден усмехается.

- Это заставляет тебя чувствовать себя достаточно особенной, а?

Фактически, это делает мне физически плохо.

- Почему я? Я - не...

- Западная? - заканчивается Райден за меня. - Нет, ты еще лучше. Ты была той, кто вызвал этот хауб в моей долине... блестящая игра, между прочим. И это, тут же, то, что делает тебя настолько особенной. Ты говоришь как Западная. Но ты думаешь как я.

- Я не такая как ты!

Моя вспышка делает улыбку Райдена только шире.

- Ломать тебя будет забавно. Хотя я надеялся поймать твоего маленького друга в качестве рычага. Я предполагаю, что могу согласиться на мальчика, который думал, что мог убить меня.

Он встает, и я готовлюсь к другому толчку, но он только поворачивается туда, где лежит без сознания Гас, связанный теми же самыми ужасными ветрами.

Кровь течет из темной глубокой раны выше виска Гаса, и трудно сказать, насколько глубоко повреждение. Его лицо выглядит волнующе бледным.

Райден пинает его в грудь, заполняя пещеру звуком ломающейся кости.

- Каждый раз, когда ты не будешь сотрудничать, я буду наказывать его.

Понятно?

Когда я не отвечаю, он хватает мой упавший шип ветра и прижимает острый конец к сердцу Гаса.

Я испытываю особое удовольствие, когда шепчу команду, чтобы распутать его.

Водоворот пожирает проекты, как только они разматываются. Кроме Западного, который я обертываю вокруг Гаса как щит, с облегчением, когда он повинуется.

- Думаешь, ты такая умная, а? - спрашивает Райден, хватая меня за шею и поднимая от земли.

Его хватка сокрушает мой утомленный щит, отключая мое дыхание. Зрение плывет, и легкие кричат о воздухе, но я не пытаюсь бороться.

Позволяю ему закончить здесь... сейчас... когда все тайны будут в безопасности.

Но Райден бросает меня назад, позволяя мне кашлять и подняться, когда молния стреляет через мои вены.

Пятна танцуют через мое зрение, и я чувствую, что я начинаю убегать, когда шок исчезает, и грубые руки тянут меня на ноги.

- Взять мальчишку, - приказывает Райден своим Буреносцам, когда пихает меня к проходу, который привел меня сюда.

- Подожди... у нас было соглашение! - кричит моя мать.

Она трясет цепи своей клетки, и я почти хочу смеяться.

Разве она не понимает? Доверять Райдену - это как доверять ей.

Это всегда заканчивается одинаково.

Райден шипит что-то на своем злом языке и ветры в Водовороте удваивают скорость.

Тогда все, что я слышу, это ее крики.

- У меня не было идей, - говорит Райден мне, когда выходит на свет. - Даже если ты сможешь бороться через боль твоей связи, они будут тянуть тебя обратно ко мне. И затем я заставлю тебя смотреть, поскольку я ломаю твоего друга часть за частью.

Он собирается сделать это так или иначе.

Точно так же, как он сделал с Астоном.

И я...

Я должна быть сильной.

Должна вынести все что угодно.

Я взяла на себя эту ответственность, когда позволила Вейну войти в мое сердце.

У меня нет выбора, кроме как защищать его.

Всегда есть выбор, я не могу удерживать взгляд, и слабость вызывает у меня отвращение.

Но то, что делает меня намного, намного хуже в том, что я не настолько больная, каким я должна быть.

Вейн едва мог двигаться, когда он подумал о том, чтобы разделить его язык с Озом... уже здесь я чувствую себя только немного больной о мысли о том, чтобы дать его Райдену?

Ясно, мои Западные инстинкты не так сильны, как мне нужно, чтобы они были... и если я не могу рассчитывать на них, чтобы пнуть меня, как я найду силу сопротивляется допросу Райдена?

Если бы у меня была какая-нибудь надежда, что Вейн ощутит мою опасность и спасет нас, она рассыпалась в прах, когда я ступила на песок. Пустыня была пустой, только стервятники, и даже все Западные были испуганы.

Мы сами по себе.

Никакой возможности убежать.

Но я предполагаю, что это лучший путь.

Лучший путь, при котором Вейн остается в безопасности.

Если бы был способ спасти Гаса, то я сделала это, но я могу, по крайней мере, спасти свой лояльный щит. Я шепчу команду, чтобы выпустить его, прося его бежать далеко.

Проект игнорирует меня, цепляясь как вторая кожа. И в том простом акте лояльности, я нахожу намек силы.

- Чувствует, что твоя армия добилась большего успеха против моих Штормов, чем они должны были, - бормочет Райден, когда он протягивает ладони, чтобы проверить воздух.

- Хорошо.

- Это храброе слово для заложника.

- Ну, я храбрее, чем ты думаешь. Ты можешь взять меня и подвергнуть пыткам. Но я никогда не позволю тебе изменить меня.

Он заливается лающим смехом, и острый звук вспугивает стервятников.

- Они все так говорят. Пока я не нахожу их слабости.

Он глядит на Гаса, затем обратно на меня, это угроза, которую невозможно пропустить.

Он поворачивается, чтобы отдать приказ его Буреносцу, и я понимаю, что это те... последние несколько секунд, которые у меня есть, прежде чем он утащит меня в свою крепость.

Тысячи извинений проносятся в голове, но я сосредотачиваюсь на бризе, он внезапно щекочет мою кожу.

Это сильный ветер.

Восточный.

И поскольку он выдерживает предательские небеса Водоворота только, чтобы принести комфорт мне, я закрываю глаза и позволяю себе считать, что это мой отец. Пришел, чтобы сказать до свидания. Пришел, чтобы принести мне мир.

Но когда я слушаю его песню, я понимаю, что он принес мне сообщение. Тот же самый совет, много раз, становится более срочным с каждым повторением.

Время отпустить.

Я понятия не имею, что он имеет в виду, но в следующий раз я вдыхаю, бриз проходит внутрь с моим дыханием, протягиваясь к самым темным местам в моем уме.

Мелодия циркулирует вокруг моей головы, и когда я сосредотачиваюсь на простом стихе, что-то начинает шевелиться.

Давление.

Скопление.

Это не моя сущность.

Это не часть меня.

И когда повышающийся порыв потрясает меня теплыми покалываниями, я понимаю то, что ветер говорит мне отпустить.

Кого отпустить.

Песня Восточных становится жалобной, повторяя мое горе, когда он шепчет команду, которую я должна буду дать.

Это знакомое слово. Слово это определяло прошлые десять лет моей жизни.

Но я не могу заставить себя сказать это.

Это слишком.

Ветер просит слишком многого.

Я отдала все... все перенесла.

Почему я должна потерять одну вещь, которую я взяла для себя?

Защита, Восточный шепчет, и слово похоже на туман, толстый и ошеломляющий, когда он омрачает мое сопротивление и охлаждает мой гнев.

Это разобьет мое сердце... и вероятно сломает меня.

Но я знаю, что это должно быть сделано.

Я даю себе одну заключительную секунду, чтобы цепляться за единственную вещь, которая когда-то была радостью и надеждой моей жизни. Потом я закрываю глаза и шепчу команду, чтобы разорвать все это.

- Жертва.

Проект во мне делится на миллион лезвий... режет, кромсает, измельчает каждую часть меня до осколков.

Теплые, спокойные черепки выходят с моим рваным дыханием и исчезают как пучки дыма. Холодные, сердитые части цепляются, укрепляя стену, которая держится во всей пустоте во мне.

- Стой! - кричит Райден, спутывая что-то на своем злом языке и топя меня в наводнении арктических ветров.

Они толкают, бьют и разбивают мое тело, пытаюсь спрессовать назад то, что уже потеряно.

Но это ушло.

Все ушло.

Все, что имеет значение, ушло.

Глава 43

Вейн

Боль врезается в мое сердце, настолько острая и внезапная, я сжимаю грудь, ожидая найти ветрорез у нее.

Там ничего нет.

Никакой раны.

Никакого оружия.

Похоже боль идет из меня...

О Боже.

Одри.

Я должен... я никогда не должен был... я...

Треск кнута, проносащегося слишком близко к моей голове, дергает меня назад к действительности, и мне едва удастся убраться с пути, когда Живой Шторм пытается скинуть меня с неба.

Я плыву на восток, собирая любые ветры, которые готовы слушать меня, и путаю их вокруг меня, чтобы увеличить скорость.

Но крик Соланы полностью останавливает меня.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, что один из Штормов бросает ее другому, играя с ней как с какой-то больной игрушкой.

Если я уйду, она умрет.

Но я нужен Одри.

Боль в моем сердце пронзает глубже, и я знаю, что это означает, что она находится в серьезной опасности.

Но я не могу уйти.

Я не могу улететь и позволить Солане умереть.

Я не могу быть повинен еще в одной смерти.

У Одри есть Гас, сила четырех и годы обучения, которые сделали ее достаточно сильной, чтобы продержаться в течение нескольких минут.

Я буду там так быстро, как смогу.

- Приди! - кричу я, зовя один из сломанных Озом ветров.

Западный ограждает меня, изменяет свою мелодию, поет о предателях, когда тот ветер улетает прочь.

- Что еще ты хочешь, чтобы я сделал? - кричу я, крутясь, чтобы усилить мою хватку других проектов. - Ты хочешь, чтобы они умерли?

И Западный не отвечает, исчезая в облаках.

Я чувствую, что поворачиваюсь спиной к своему наследию... но я попытался бороться с моим собственным шипом ветра, и он ничего не сделал. И Западный сказал мне быть самостоятельным, что они не могли остановить Штормы.

Так что, серьезно, что я должен был делать?

Я приказываю, чтобы ветры, все еще держащие меня, парили, и я проверяю свое движение, стремясь к Шторму, который несет Солану. Я проверяю свое движение дважды, чтобы успокоить нервы, и на третьей проверке я позволяю ему лететь.

Долбаный хренов Шторм.

Я кричу команды, чтобы приспособить траекторию шипа, когда он идет, но угол слишком острый, и шип со свистом пронесется через плечо Шторма, делая такой маленький разрез, что он даже не пропускает туман.

Но это только злит Шторм, и я поворачиваюсь, чтобы бежать, когда он бросает Солану другому Шторму и летит ко мне.

- Держись, - кричу я, когда наклоняюсь под треском кнута и зову шип обратно в руку.

Я мчусь к Солане, зная, что это, вероятно, самая глупая стратегия, которую я когда-либо придумывал. Но у меня нет времени, чтобы играть, держаться подальше от злых Штормов.

- Хватай мою руку, - кричу я, протягивая мою раненую руку, когда уклоняюсь от другого удара кнута. Я знаю, что будет чертовски больно, когда она схватится за нее, но мне нужна здоровая рука для другой, еще более сумасшедшей вещи.

Прежде чем она может дотянуться до меня, Шторм дергает ее далеко, отбрасывая обратно к другому Шторму, и ударяя меня своей большой рукой.

- Ложись, Вейн! - кричит Оз откуда-то позади меня, и я решаю, не спрашивая его, нестись к земле с такой скоростью, с какой могу.

Я смотрю как раз вовремя, чтобы увидеть, как шип пронесется надо мной, пробивая голову Шторма и заставляя монстра взорваться.

- Теперь один на один, - говорит мне Оз, и я быстро, удивленно смотрю, что он все еще лежит под камнями. Я не уверен, как он достиг одного из шипов ветра, но я благодарен за помощь. Я не могу позволить себе потратить впустую еще время.

Шторм уносит Солану, и я преследую их, проклиная каждую секунду, которая пропадает впустую, когда я возвращаюсь к своему другому сумасшедшему плану. Я крадусь с невидимой стороны Шторма и протягиваю больную руку, крича Солане хватать ее, когда я подойду ближе.

Требуется две попытки, но ей удается поймать мою руку. Мой локоть кричит от боли, но я сжимаю зубы и терплю, зная, что это только начало, когда Солана переплетает наши пальцы вместе, и я прошу ее подготовиться. Когда я чувствую, что она устойчиво держится, я выращаиваю свой шип ветра и режу запястье Шторма, отделяя его руку и вытаскивая Солану.

Шторм кричит и воет, и я делаю то же самое, когда вес Соланы — легкий, как она — вытягивает мой локоть, обратно в вывихнутое положение.

- Держись, - кричит Солана, когда болезненный желтый туман взрывается вокруг нас, заставляя меня хотеть зажать рот.

Она обхватывает ногами мои ноги и прижимается к моему телу, пока у нее нет твердого захвата вокруг моей талии.

- Ты в порядке?

Я не могу ответить.

Это занимает последнюю мою энергию для того, чтобы приказать проектам отнести нас, и они летят с такой скоростью, как они могут к Водовороту.

Надеюсь, что это достаточно быстро.

- Ты оставила в себе несколько ветров? - спрашиваю я, когда оборачиваюсь через плечо и вижу, что раненый Шторм преследует нас. Гнев, кажется, дал ему взрыв энергии, и я предполагаю, что у нас только есть приблизительно минута или две, прежде чем он прямо над нами, если мы сами не поднимемся повыше.

Солана качает головой.

- Я выпустила все за первые несколько минут борьбы, после того, как мы поняли, что шипы, которые вы нам дали, не работают. Если бы Оз не попытался ломать те проекты, мы все были бы мертвы.

Я хочу кричать: "Ты слышал это, Западный?"

Но я, честно говоря, понимаю, почему они рассержены. Но я честно добираюсь, почему они сердиты. Просто держа шип, я чувствую боль сломанного Северного и безнадежность, это сильно.

- Мне жаль, - шепчу я, желая, что проект не может понять меня. - Если будет способ это исправить, то я это сделаю.

Я не ожидал, что ветер фактически послушает. Но три Западных обертывают вокруг нас откуда ни возьмись, увеличивая нашу скорость как раз вовремя, чтобы убраться из чертовой долины и оставить жуткие Штормы в пыли.

Я надеюсь, что остальные Бури справятся с ними.

И я надеюсь, что это означает, что Западные простили меня... но, несмотря ни на что, это время перемен.

Больше никакого обучения.

Больше никакой борьбы за нормальную жизнь.

Единственное, что имеет значение - это остановить Райдена.

И Одри.

Я хватаюсь за грудь, понимая, что нашей связи не стало.

Не исчезла.

Ушла.

Я пытаюсь сказать себе, что это потому, что она все еще в Водовороте. Но внутри меня все чувствуется очень, очень холодным.

Мы проходим мимо рушащихся мертвых пальмам в Центре Пустыни, и ветры, несущие нас, начинают паниковать. Я знаю, что они волнуются из-за напряжения Водоворота, но я прошу их продолжать лететь. Они продержаться столько, сколько смогут, но один за другим они разделяются, пока все, что у нас не остается - это Западные.

Я предполагаю, что это хорошо, что они меня простили.

Пустыня навязчиво пуста. Всего несколько стервятников и какие-то следы на песке. И когда мы приземляемся перед горными горами, все мои мертвы завязываются в узел.

Следы Одры везде... но так или иначе ее тоже нигде нет. Это похоже, что это она, но это не она, и это не может сказать мне, куда она пошла, или что она сделала. Только то, что она была здесь. И она была здесь с другими.

Следы Гаса имеют еще меньше смысла, настолько слабые, что они похожи, что он даже не живой. И также есть другие следы в воздухе...

Одинокий Восточный со свистом пронесется вокруг меня, и я сосредотачиваюсь на его песне, ища какой-то ключ к разгадке того, что произошло.

Он поет только одно слово, но он ставит меня на колени.

Жертва.

- Нет! - кричу я, вставая на ноги врываясь в Водоворот.

Она не сделала бы этого.

Она не хотела отказаться от своей жизни таким путем.

Я не верю в это.

Должно быть другое объяснение.

- Эй! - кричит Солана над визгами, хватая меня за здоровую руку, когда мы натываемся на вращающийся туннель. - Я не знаю, что происходит, но я здесь, если нужна тебе.

Я знаю, что она здесь. И хорошо иметь что-то, за что можно держаться.

Но это не та девушка.

Не та девушка.

Пожалуйста, скажите мне, что я не спасал не ту девушку.

Тем более, что я - тот, который послал Одри сюда. Если бы я послушал ее...

Я не даю себе закончить мысль.

Прямо сейчас я должен сосредоточиться на том, чтобы найти ее.

Наконец впереди появляется тусклый жар, и я срываюсь на бег, мчась прямо к камере Ареллы.

Она не отвечает на мой зов, и когда я всматриваюсь в занавес петель, я вижу ее лежащей на полу. Ее кожа - причудливо серо-синя, а руки и лицо все искривлены от боли, и когда я пытаюсь убрать занавес в сторону, он не двигается, независимо от того, сколько силы я прикладываю.

- Стой! - говорит мне Солана, когда я разбегаюсь, пинаю, кричу все, за то, что моя мама убила бы меня. - Оз сказал мне слово, когда мы прятались в горах, а Штормы приближались. Он не говорил мне, что это означало, или чем это было, но...

Она шепчет что-то, что я не могу понять, и металлический занавес скользит в сторону.

Я просматриваю небольшое пространство, отчаянно ища Одри или Гаса. Но их здесь нет. Нет их в другой клетке.

- Думаю, что чувствую пульс, - говорит Солана мне, ее ноги дрожат, когда она приседает около Ареллы. - Но он очень слабый...

- Мы должны вынести ее обратно на ветер.

Арелла почти ничего не весит, таким образом, я мог, вероятно, нести ее даже моей больной рукой. Но я позволяю Солане помочь мне, я хватаю ноги Ареллы, в то время как Солана хватается за плечи, и мы тащим ее наружу и кладем на песок.

Я не ожидал, что ее глаза откроются с ее первым дыханием воздуха... хотя это хорошо. Но даже когда я закутываю ее в Западные, ей все равно лучше не становится.

- Давай, - шепчу я, приседая около нее. - Ты должна проснуться. Ты должна сказать мне, что произошло.

Я смотрю на ее резкие серо-синие губы, пытаюсь набраться смелости, чтобы сделать искусственное дыхание. Но когда я наклоняюсь, чтобы попробовать его, Восточный запутывается вокруг Ареллы и начинает вращаться так быстро, что поднимает мягкое тело Ареллы с земли.

Мы с Соланой отступаем, когда как ветер вращается еще быстрее, превращая форму Ареллы в пятно.

- Думаю, что это помогает, - говорит Солана.

Я пытаюсь выяснить то, что она видит, когда ветер распутывает, проносясь в небо, когда Арелла падает на песок, кашляя и сжимаясь.

- Лиам, - кричит она, сжимая бледные руки, когда она поднимается. - Лиам, я...

Ее голос затихает.

Ветер уходит.

- Где Гас и Одри? - спрашиваю я, хватая ее за плечо, таким образом, что она посмотрела на меня.

- Это настолько хуже, чем я помню, - стонет она, обнимая себя и раскачиваясь назад и вперед.

У меня нет времени для ее игр.

- Где Одри? Ты позвала ее сюда, и теперь она ушла... и Гас тоже. Скажи мне, что произошло.

- Я позвала ее сюда? - спрашивает Арелла, глядя на небо. - Я не помню. Я не делала...

Тени поселяются в ее чертам.

- У меня не было выбора, - шепчет она.

Я сжимаю свою хватку, чувствуя, что мои пальцы впиваются в ее кожу.

- Что это значит?

- Райден.

- Что? - кричу я, делая выпад к горлу Ареллы. - Я верил тебе! Я...

Солана блокирует меня, и я дрожу слишком сильно, чтобы сопротивляться.

Одри была права.

Я никогда не должен был просить, чтобы она шла сюда. И теперь она...

- Где она? - шепчу я, боясь, что я уже знаю ответ.

Арелла смотрит в небо.

- Райден забрал ее... но у меня не было выбора! Он сказал мне позвать Одри, или он...

- Или он что? Убьет тебя? - спрашиваю я, желая, чтобы Солана отпустила, так, чтобы я мог задушить Ареллу сам. На этот раз я думаю, что могу это сделать. - Похоже, что он попытался сделать это, так или иначе.

- Есть некоторые вещи, похуже, чем смерть, Вейн. И я знала, что у Одри была сила четырех. Я думала, что она будет достаточно сильна, чтобы бороться с Райденом. Я не думала, что он сможет взять ее.

- Куда он забрал ее? - кричу я, когда она прикрывает глаза, дрожа снова.

- Я не уверена. Такое чувство, что он построил трубопровод тут же, — она указывает на вмятину в песке на расстоянии приблизительно в сто ярдов, — и забрал ее и Гаса куда-то очень далеко. Я предполагаю, что в его крепость в горах. Туда он всегда брал других.

Я хочу плакать, кричать, ударить кулаками что-то действительно сильно. Но у меня нет времени для этого. Если Гас и Одри находятся в тюрьме Райдена, то я должен пойти за ними.

- Где его крепость?

- Ты не можете последовать за ней, Вейн.

- Скажи мне, где это! - Мой крик эхом отражается от предгорий, но Арелла даже не моргает.

- Я могу отвести тебя, - предлагает спокойно Солана. - Я знаю путь к тому городу лучше, чем кто-либо. Мы можем уйти, как только ты будешь готов.

- Я готов.

Она касается моей травмированной руки... ее пальцы, только касаются кожи... и острая боль, слегка проходит через мое тело.

- Тебе больно, Вейн. Тебе нужно вылечиться.

- Я должен добраться до Одри.

- Она не может быть в такой опасности, как ты думаешь, - прерывает Арелла, и я клянусь, была бы у меня энергия, я запихнул бы ее обратно в камеру.

- Она у Райдена!

- Да, но... я не думаю, что у нее есть то, что ему нужно. - Она закрывает глаза, машет руками в воздухе. - Разве ты не чувствуешь этого?

- Чувствую что?

Это почти похоже, что она улыбается, когда говорит мне:

- Она разорвала вашу связь.

Я хватаюсь за грудь, пытаюсь не верить ей.

Но я не чувствую никакой тяги.

Это то, почему ее след чувствуется настолько странным в воздухе?

Слезы текут по щекам, прежде чем я могу сморгнуть их прочь, и я понимаю, что полагаюсь на Солану больше, чем хочу.

- Почему она сделала это? Почему она...

Но я знаю ответ.

- Чтобы защитить Западный, - шепчу я.

Одри никогда бы не позволила четвертому языку попасть в руки Райдена.

Поэтому, если бы она боялась, что не сможет защитить его, то она просто бы избавилась от него.

- Как это вообще работает? Она может забыть его полностью? - шепчу я, не веря, что ответ такой, на который я надеюсь.

- Я не знаю, - признается Арелла, закрывая глаза. - Я даже не знала, что связи могли разделять языки. Но похоже на то.

Все крутится слишком быстро, и я...

- Так, мы больше не связаны? - спрашиваю я, когда Солана помогает мне сесть на песок.

- Она - нет.

- Что это означает?

Боже... на этот раз она могла просто ответить на вопрос полностью?

- Это означает, что ты больше не часть ее. Но она - все еще часть тебя. Если ты не решишь отпустить...

Она потирает кожу на запястье, где раньше был ее браслет.

Ее связь.

Я всегда думал, что это был печальный способ, которым Арелла цеплялась за связь с ее мужем, несмотря на то, что он ушел.

Теперь это дает мне надежду.

Я буду держаться за Одри с каждой унцией силы, которая у меня есть.

Я закрываю глаза, делая медленные вздохи.

Я верну Одри. Также я собираюсь вернуть и Гаса.

Но чтобы сделать это, мы должны двигаться быстро.

Каждая секунда на счету.

Глава 44

Одри

В башне холодно.

Охлажденный воздух просачивается сквозь решетки моего узкого окна.

Густой иней покрывает все, чего я касаюсь.

Райден предложил мне одеяло, когда он бросил меня на грубый каменный пол и запер тяжелую железную дверь. Но единственную вещь, которую я хочу - это свободу, и так как он не готов дать ее мне, я найду способ взять ее.

Я прочесала стены, чтобы найти упомянутое руководство Астона, но он, должно быть, вырезал его в другой клетке. Возможно в той, в которой заперт Гас. Где бы это ни было, я найду его.

Тем временем я прижимаюсь спиной к стене, не засыпая... только дыша.

Слушаю жалобные вопли сломанных Северных и обещаю себе, что, когда Райден приедет за мной, я буду готова.

Он не считает, что тайна потеряна.

Это то, почему он оставил меня в живых.

Почему он оставил в живых Гаса.

Ждет правильного времени, чтобы сломать меня.

Он это ушло.

Все ушло.

Все, кроме слабого ветра, который я все еще могу чувствовать, касаются моей кожи. Оборачивается вокруг меня. Все еще полный решимости оградить меня.

Я не заслуживаю его лояльности.

Но в этом темном, замороженном месте, далеко от тепла и мира и вещей, которые заставляют слишком много думать, это помогает иметь какую-то опору.

И даже притом, что я не могу понять слова, которые он поет, у меня есть чувство, что я знаю тему его мелодии.

Надежда.

Глава 45

Вейн

Бури объявляют победу, но она похожа на поражение.

Спасатели все еще достают людей из щебня, и вся долина находится в режиме чрезвычайной ситуации.

Только семь опекунов остались после того, как Оз устранил последний Живой Шторм, у троих - серьезные травмы. Но достаточно удержать базу, в то время как они призывают подкрепление.

Я сказал им, что у меня нет времени ждать.

Арелла и Солана вправили мой локоть на место... что было намного больнее без Одри, отвлекающей меня.

Но думать о ней больнее всего. Намного больнее.

О Гасе тоже.

У меня нет способа узнать, все ли с ними в порядке, но я должен считать, что Райден ничего не сделает с ними.

У них нет силы, которую он хочет.

Все, для чего он может использовать их - это в качестве приманки, чтобы попытаться заманить меня в ловушку.

И я отправляюсь сегодня вечером.

Я хотел пойти один, но я едва могу шевелить пальцами одной руки, что, вероятно, не будет хорошей идеей. Таким образом, я беру с собой Солану и Ареллу.

Ареллу, из-за ее подарка... и потому что каждый раз, когда я упускаю ее из вида, ей удастся предать нас.

И Солану, чтобы вести нас в город Райдена... и потому что мне нужен кто-то, кому я могу доверять.

Оз тоже хотел пойти, но кто-то должен остаться здесь и выяснить, что сделать со всеми разрушениями в долине. Люди в пустыне заслуживают нашей помощи и защиты. Мы не можем восполнить то, что они потеряли, но мы можем удостовериться, что это никогда не произойдет снова.

Это был первый реальный приказ, который я дал. В первый раз Оз несомненно повиновался. В первый раз имело смысл быть названным Ваше Высочество.

Это все еще чувствовалось странным.

Но я думаю, что я готов.

Я перевязал руку.

Послал родителям быстро сообщение, за которым последовало пятьдесят больших сообщений с вопросами от моей мамы... она волнуется, почему я не писал ей.

Все, что мне осталось сделать, это переодеться.

Униформа, которую мне дали Бури, пылилась в течение слишком многих недель. Пора войти в роль.

Штаны не настолько плохи... но жакет такой кусачий, как я думал, что он будет, и все болит, как будто ад тянет мою руку.

Я не стриг волосы, поэтому их можно заплести в уродливое подобие косы.
Но я - Буря.
Опекун.
И я верну Одри.